

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ
НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

НИЖЕГОРОДСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

На правах рукописи

ЧАЙКА Юлия Валерьевна

**ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ЖИВОТНЫХ:
ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ**

Специальность 5.1.1. — Теоретико-исторические правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель:

Романовская Вера Борисовна,

доктор юридических наук, профессор

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЖИВОТНЫХ.....	18
§1. Политико-правовые основы исследования	18
положения животных	18
§2. Влияние правопонимания на подходы к определению правового положения животных.....	42
§3. Проблемы содержания категории «правосубъектности» животных	59
§4. Формирование экологичного общественного правосознания	73
ГЛАВА 2. МОДЕЛИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ ЖИВОТНЫХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	79
§1. Европейский подход к правовому положению животных	79
§2. Англо-американская модель защиты животных	102
§3. Опыт правозащиты животных в странах Азии и Ближнего Востока	112
§4. Экоконституции стран Латинской Америки, зоозащита в ЮАР	126
§5. Международно-правовое регулирование защиты животных.....	140
ГЛАВА 3. ЭЛЕМЕНТЫ КВАЗИСУБЪЕКТНОСТИ ЖИВОТНЫХ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ.....	151
§1. Проблемы положения животных	153
в российском законодательстве и правоприменении.....	153
§2. Перспективы правового нормативного закрепления статуса квазисубъектности животных.....	166
ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ	175
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	178
ПРИЛОЖЕНИЕ	201

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Весомым подтверждением значимости рассматриваемой проблематики стал прошедший в этом году Всероссийский съезд и обращение Президента В.В. Путина к его участникам, в котором он подчеркивает важность «сострадательного отношения к животным, защиты их от жестокого обращения»¹. Глава государства отмечает, что гуманное обращение с животными является «значимым показателем высокого уровня культуры гражданского общества, неотъемлемой составляющей его духовно-нравственного развития»². Такое внимание со стороны государства находит поддержку и в научной среде. Так, в одном из интервью д.м.н., профессор, академик РАН Константин Владимирович Анохин, отмечает, что достижения нейробиологии, этологии и когнитивной науки радикально трансформируют представления о границах сознания и чувствительности животных³. Сегодня уже невозможно не учитывать данные, свидетельствующие о том, что многие животные обладают способностью к эмоциональным переживаниям, болевому восприятию, привязанности, страху и даже социальному взаимодействию, основанному на эмпатии. Вопрос о сознании животных — один из наиболее острых и значимых в современной биоэтике, а вместе с тем и в праве, поскольку признание сознания у животного определяет логику юридического восприятия и квалификации животного: от объекта вещных прав к носителю охраняемых интересов. Эта тенденция получила широкую поддержку на международном уровне. Например, принятая в 2012 году Кембриджская декларация о сознании обозначила научный консенсус в том, что сознанием обладают не только приматы, но и все млекопитающие и птицы⁴. А в апреле 2024 года в Нью-Йоркском

¹ См. Приложение N1.

² Там же.

³ Анохин К. В. Человек не одинок в мире сознания: интервью / беседу вел В. Орлов // РИА Новости. 2024. 10 июня. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20240610/soznanie-1951516542.html> (дата обращения: 07.08.2024).

⁴ См. Low P., Edelman D., Koch C. The Cambridge Declaration on Consciousness // Francis Crick Memorial Conference, University of Cambridge, UK. 7 July 2012. [Электронный

университете была обнародована Декларация о сознании животных, в которой признана способность к сознательному опыту у гораздо более широкого круга видов, включая рыб, ракообразных и насекомых⁵. Среди подписантов этой декларации крупнейшие нейробиологи мира, включая и представителей российской научной школы. Эти выводы имеют прямые правовые последствия. Если животные обладают сознанием, то они не могут более рассматриваться как юридически нейтральные объекты. Фиксация животных в статусе «объектов» есть форма нормативного насилия, поддерживаемая юридическими конструкциями, неспособными отразить современные научные представления о наличии сознания. Парадокс современной правовой мысли состоит в том, что при всерьез обсуждаемом вопросе о наделении правосубъектностью цифровых алгоритмов (ИИ), органически живые существа продолжают восприниматься исключительно как объекты охраны, но не как носители охраняемых законом интересов. Правовые системы по-прежнему трактуют животных как имущество, фикцию, противоположную актуальным данным науки. В отличие от юридических лиц, животные исключаются из правового сообщества на основании отсутствия волевой или когнитивной автономии. Невозможно игнорировать тот факт, что научные открытия последних десятилетий становятся важнейшим фактором правовой эволюции: они требуют не только морального, но и правового отклика. Актуальность данной диссертации обусловлена именно этим переходом — от утилитарного к биоэтическому и постантропоцентрическому взгляду на животных в теории права.

Степень разработанности научной проблемы. История отечественной и мировой науки свидетельствует, что вопросы восприятия живых существ и правового регулирования отдельных аспектов взаимоотношения человека и

ресурс] URL: <https://fcmconference.org/img/CambridgeDeclarationOnConsciousness.pdf> (дата обращения: 07.08.2024).

⁵ См. Declaration on Animal Consciousness. New York University Animal Consciousness Initiative, April 2024 // NYU Center for Mind, Brain and Consciousness. [Электронный ресурс] URL: <https://www.animalconsciousness.org/declaration> (дата обращения: 07.08.2024).

животных на протяжении столетий выходили за рамки исключительно теоретико-исторической правовой науки, приобретая междисциплинарный характер. Их изучение охватывает широкий круг социально-гуманитарных и естественно-научных дисциплин: философию, религиоведение, культурологию, социологию, биоэтику, экологию, зоологию.

Значительное наследие в области философско-правовых и этико-правовых оснований закрепления «статуса» животных содержится в трудах мыслителей античного и классического периодов: Пифагора (Золотые стихи), Аристотеля (О возникновении животных), Плутарха (Грилл, или о том, что животные обладают разумом), Порфирия (О воздержании от животной пищи). В своих трудах они подчеркивали ценность жизни животных и необходимость ограничения жестокости по отношению к живым существам.

XVII-XVIII вв. стали временем формирования этико-философских концепций, повлиявших на будущую правовую доктрину. Рене Декарт и Томас Гоббс рассматривали животных как механизмы, лишённые разума, тогда как Иммануил Кант акцентировал внимание на моральных обязательствах человека. Иеремия Бентам, сформулировал обоснование защиты животных, поставив вопрос о способности животных испытывать страдания, что стало отправной точкой для последующего юридического признания интересов животных. Эти работы заложили мировоззренческий и морально-правовой фундамент для последующего развития концепции правового положения животных.

В XIX-XX вв. существенный вклад внесли авторы, разрабатывавшие вопросы гуманного обращения с животными и их прав: Генри Солт (Права животных, рассмотренные в связи с общественным прогрессом), Питер Сингер (Освобождение животных), Том Риган (В защиту прав животных), Гэри Франсион (Животные, собственность и закон), Марта Нуссбаум (Пределы справедливости), Ричард Райдер (Животная революция: изменение отношения к спесицизму, автор термина «спесицизм»), Дэвид Фавр (Право животных: благополучие, интересы и права). Эти труды сформировали

правовую доктрину, постепенно интегрируемую в законодательство разных государств.

Изначально, в отечественной науке вопросы правового регулирования положения животных зачастую рассматривались в трудах известных правоведов преимущественно в рамках природоресурсного и охотничьего права. В советский период тема затрагивалась в контексте экологического и уголовного права, но без выделения животных как самостоятельной категории правового анализа. В постсоветской научной мысли появились работы, рассматривающие особенности современной правозащиты животных. Среди них примечательны труды А.П. Анисимова, О.А. Кузнецовой, В.Б. Романовской, Я.В. Безносовой.

Особое значение для формирования теоретической базы имеют исследования по проблеме «правосубъектности» в праве, так как именно они создают основу для признания животных квазисубъектами. Здесь выделяются работы уральской юридической школы, в частности С.А. Архипова, А.П. Семитко, Е.В. Пономаревой, которые в рамках общей теории права исследуют категории субъекта, правосубъектности и правового статуса, применимые для построения современных моделей защиты животных.

Несмотря на рост числа исследований, посвященных проблеме животных в праве, большинство отечественных работ ограничены рамками отдельных отраслей права (конституционного, международного, экологического, административного, уголовного). Животные в них рассматриваются с позиций отраслевой науки, что приводит к фрагментарности исследований и не позволяет сформировать комплексную доктрину. Теоретико-правовой подход обладает большими возможностями для интеграции отраслевых данных, сопоставления правовых режимов и выявления коллизий. Теоретическая концепция квазисубъектности животных, предлагаемая в настоящем диссертационном исследовании, призвана упорядочить основные существующие теории, показать их внутреннюю взаимосвязь и вариативность формальных проявлений. Это позволит

сформировать более цельное и объективное представление о юридической судьбе животных и выработать прочные основы для их эффективной правовой защиты.

Цель и задачи исследования. Целью диссертационного исследования является разработка теоретико-правовой концепции правового положения животных в системе российского права с учетом современных научных данных, международных тенденций и необходимости преодоления нормативных пробелов.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи:**

- 1) Проанализировать политико-философские основы правового регулирования положения животных;
- 2) Изучить подходы к правовому положению животных исходя из различных теорий правопонимания.
- 3) Определить границы их правосубъектности и сравнить с иными участниками правоотношений;
- 4) Провести сравнительно-правовой анализ национальных и международных моделей регулирования положения животных;
- 5) Систематизировать подходы различных правопорядков и выявить тенденции перехода от восприятия животных как вещей к признанию их чувствующими существами и особыми объектами правовой защиты;
- 6) Разработать концепцию квазисубъектности животных, основанную на выявлении ее существующих элементов в российском праве и судебной практике;
- 7) Обосновать интеграцию междисциплинарных подходов с учетом данных биологии, экологии, этики и социологии, обосновывающая необходимость межотраслевого и системного правового регулирования, исключающего фрагментарность и коллизионность правовых норм;

8) Сформулировать предложения по внесению изменений в действующее законодательство Российской Федерации, направленные на нормативное закрепление правового положения животных;

9) Обосновать необходимость гуманизации права через внедрение зоозащитной проблематики в юридическое образование.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются урегулированные правом общественные отношения, возникающие в процессе взаимодействия человека и животных в рамках единой экосистемы. Предметом исследования выступают правовые доктрины, правовые нормы и правовые практики (национальные и международные), формирующие режим охраны животных.

Теоретическая основа исследования представлена научными трудами отечественных и зарубежных ученых в сфере юриспруденции и истории, чьи работы посвящены различным подходам к правовому положению животных.

Методологическая основа исследования включает систему всеобщих, общенаучных и частно-научных методов познания, выбор которых обусловлен сложной междисциплинарной природой предмета исследования — правового положения животных и эволюции юридических конструкций, применяемых к ним в различных правовых порядках.

Диалектический метод применялся для изучения эволюции взаимоотношения человека и животных в разные периоды, в разных государствах, с древних времен до настоящего времени.

Методы анализа и синтеза позволили раскрыть содержание понятий «правосубъектность», «субъект права», «квазисубъект» применительно к животным, а также выявить внутренние логические противоречия действующего законодательства.

Индуктивный и классификационный методы использовались для обобщения национальных и международных правовых моделей защиты животных, выявления групп противоречий и определения направлений правовой эволюции.

Применение системного и структурного подходов позволило рассмотреть институты охраны животных как элементы целостной правовой конструкции, включающей как нормы публичного, так и частного права.

Функциональный метод обеспечил возможность анализа роли нормативных положений об охране животных в механизме ограничения абсолютного права собственности и придания юридически значимого статуса охраняемым интересам животных.

Метод моделирования применялся для описания возможных конструкций квазисубъектности животных в национальной правовой системе.

Особое значение в работе имеет сравнительно-правовой метод, позволивший выявить различия и общие тенденции в правовом регулировании защиты животных в зарубежных правовых системах (Германия, Франция, Колумбия, Индия и др.), а также обосновать возможность выработки собственной модели на основе российских реалий.

В числе частно-научных методов использовались: формально-юридический метод (при анализе норм российского законодательства в области защиты животных), а также международных договоров и соответствующей судебной практики), историко-правовой метод (при изучении развития правового положения животных от вещного режима к гуманистическим оговоркам и элементам субъектности), аксиологический метод (позволил выявить ценностные ориентиры, лежащие в основе идеи квазисубъектности и публичного интереса в защите животных).

Комплексное применение данных методов обеспечило целостное, критическое и многомерное рассмотрение правового положения животных и позволило обосновать выводы о необходимости нормативного признания их особого статуса в правовой системе Российской Федерации.

Информационная база исследования включает в себя законодательство Российской Федерации, международные договоры и стандарты (включая CITES, Конвенцию о биологическом разнообразии,

Боннскую конвенцию о мигрирующих видах, документы ВОАН, руководства ФАО).

Научная новизна диссертации.

1) Проанализированы политико-философские основы правового регулирования положения животных, изучены подходы к правовому положению животных исходя из различных теорий правопонимания.

2) Определены подходы к «правосубъектности» животных и разработана концепция квазисубъектности животных, основанная на выявлении ее существующих элементов в российском праве и судебной практике.

3) Проведен сравнительно-правовой анализ национальных и международных моделей регулирования положения животных и выявлена существующая тенденция перехода от восприятия животных как вещей к признанию их чувствующими существами и особыми объектами правовой защиты;

4) Обоснована интеграция междисциплинарных подходов с учетом данных биологии, экологии, этики и социологии, обосновывающая необходимость межотраслевого и системного правового регулирования, исключающего фрагментарность и коллизионность правовых норм;

5) Вводится трёхуровневая иерархия «Ценностей животных» и раскрыто ее содержание.

6) Выявлены и классифицированы основные группы противоречий в правовом регулировании в сфере обращения с животными в российском законодательстве.

7) Сформулированы предложения по внесению изменений в действующее законодательство Российской Федерации, направленные на нормативное закрепление правового положения животных;

8) Обоснована необходимость гуманизации права через внедрение зоозащитной проблематики в юридическое образование.

Обоснованность и достоверность результатов исследования обеспечивается выбранной методологией, включающей как теоретический, так и практико-ориентированный уровни анализа и использование методов, адекватных предмету, целям и задачам диссертационного исследования. Надежность полученных выводов определяется также комплексным междисциплинарным рассмотрением проблемы правосубъектности животных и возможностью их верификации посредством сопоставления с положениями философско-правовых доктрин, зарубежных и отечественных нормативных моделей, а также судебной практики. Кроме того, достоверность результатов подтверждается их апробацией в рамках научных публикаций, обсуждений на конференциях и экспертных оценок, что свидетельствует о практической и теоретической значимости проведенного исследования.

Положения, выносимых на защиту и имеющие научную новизну:

1) Разработана концепция биоэтического подхода к регулированию юридического положения животных. Изучены подходы к правовому положению животных исходя из различных теорий правопонимания: (юридический позитивизм, социологическая школа права, естественно-правовая теория, аксиологическая юриспруденция, биоэтический подход к праву). Юридический позитивизм сам по себе не исключает правовой защиты животных, однако его практическая реализация затруднена: при вещном статусе животного как «объекта» существенно ограничиваются доступные меры эффективной охраны. В рамках альтернативных теорий правопонимания, предоставляющих животным более высокую степень защиты, формируется биоэтический подход, выходящий за пределы традиционных доктрин (что соответствует п. 14 паспорта специальности 5.1.1).

2) Обоснована необходимость нормативного закрепления в отечественном праве особой категории квазисубъектности животных и установления юридической обязанности человека по обеспечению благополучия животных. Эволюция правового регулирования отношений

человека и животных демонстрирует формирование устойчивой межкультурной традиции охраны животных, обусловленной религиозно-этическими и социально-экономическими факторами. Анализ национального законодательства, судебной практики и механизмов правоприменения в России позволяет констатировать наличие нормативных и институциональных элементов квазисубъектности животных, ограничении вещных прав, уголовно-правовой и административной охране, а также опосредованном представительстве их интересов через субъектов права. Однако отсутствие целостной юридической конструкции, фрагментарность регулирования, неопределенность понятийного аппарата и слабая институционализация механизмов защиты препятствуют реализации принципов гуманного обращения, что требует нормативного закрепления особого статуса животных как квазисубъектов права, обладающих охраняемыми интересами и правовой защитой, независимой от имущественного статуса (что соответствует п. 16, 25, 26 паспорта специальности 5.1.1).

3) Выявлены различия в моделях правового регулирования положения животных в разных странах. Европейский союз и развитые страны Европы внедрили концепцию животных как чувствующих существ на законодательном уровне, что привело к созданию сложной системы норм и ответственности, фактически интегрирующей «права животных» в общеправовой порядок. Англо-американский мир, исходивший из идеи «животное – собственность человека», эволюционирует в сторону признания особого статуса животных: вводятся позитивные обязанности по уходу, уголовные наказания за страдания животных, некоторые юридические институты для представительства интересов животных. Азия и Ближний Восток, во многом опирающиеся на богатое духовное наследие, начинают переводить милосердие из плоскости морали в плоскость закона. Латинская Америка и Африка предлагают новаторские синтезы: через права природы и экосистем они расширяют рамки до прав животных как части природы,

признавая их внутреннюю ценность и даже юридический статус (Бразилия, Колумбия, ЮАР). Повсеместно наблюдается гуманизация отношения к животным: растёт общественный запрос на этическое обращение, и зарубежное право отвечает введением новых норм (что соответствует п. 23, 26, 29 паспорта специальности 5.1.1).

4) Обосновывается целесообразность введения в категориальный аппарат общей теории права выработанное автором понятие «уязвимый субъект» применительно к животным, основанное на их способности испытывать боль, стресс и страдания, зависимости от человека и невозможности самостоятельной правовой самозащиты; определяются границы их «правосубъектности» как охраняемого интереса, реализуемого исключительно через институты опеки и представительства и не тождественного полной правосубъектности человека; проведено сопоставление с иными недееспособными/ограниченно дееспособными участниками правоотношений — несовершеннолетними, лицами, признанными недееспособными, лицами с ограниченной дееспособностью, что обосновывает необходимость процессуального представительства и допустимого ограничения вещных прав собственника ради охраны интересов животного (что соответствует п. 16, 23, 26 паспорта специальности 5.1.1).

5) Установлено, что в российском праве присутствуют отдельные элементы квазисубъектности животных: признание их как существ, способных испытывать эмоции и физические страдания, наличие уголовно- и административно-правовых механизмов охраны, а также судебные решения, опосредованно признающие общественный интерес в их защите. Эти признаки свидетельствуют о наличии правовых оснований для формирования самобытной модели правозащиты животных, не требующей заимствования чуждых национальной системе концепций, но опирающейся на актуальные научные данные о животных. Взамен существующих в международном праве, но не имплементированных в российское законодательство «Пяти свобод животных» предлагается ввести трёхуровневую иерархию «Ценностей

животных»: «фундаментальные ценности» задают пределы допустимого (императивные запреты), «дополнительные ценности» конкретизируют позитивные обязанности должной заботы в виде обязанности соблюдать стандарты благополучия и надлежащего обращения, а «обеспечительные ценности» закрепляют их в практике через соответствующие институты и процедуры (представительство интересов) (что соответствует п. 14, 17 паспорта специальности 5.1.1).

б) Выявлен бессистемный характер правового регулирования в сфере обращения с животными, порождающий множественные нормативные и правоприменительные противоречия. К числу основных групп противоречий относятся:

доктринальные: между вещным статусом животных в гражданском праве и признанием их чувствующими существами в специальном законодательстве;

коллизийные: между нормами Гражданского кодекса РФ и Федерального закона от 27.12.2018 г. N 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными»;

институциональные: между компетенциями различных надзорных органов, не обладающих единой системой взаимодействия и правовой специализацией;

терминологические: отсутствие четких дефиниций ключевых понятий («безнадзорное животное» и др.);

правоприменительные: неоднородность квалификации одних и тех же деяний (например, натравливание животных трактуется как жестокое обращение, хулиганство или причинение вреда);

отраслевые: фрагментарность подходов в различных отраслях права, регулирующих отношения человека и животных (гражданское, уголовное, административное, экологическое и др.) (что соответствует п. 20, 23 паспорта специальности 5.1.1).

7) Впервые предложена необходимость системной и концептуальной реформы законодательства с целью устранения указанных противоречий и выстраивания последовательной, непротиворечивой модели правовой охраны животных. Предлагается закрепить в правовой доктрине и законодательстве категорию животного как чувствующего существа, обладающего охраняемыми законом интересами, которые реализуются через институт юридической опеки под руководством специально назначенного представителя; критерием для отнесения к данной категории служит наличие у животного сознания, подтверждаемое современными научными данными (что соответствует 23, 26 паспорта специальности 5.1.1).

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в возможности использовать его для дальнейших научных исследований в области правовой теории защиты животных. Материал диссертации содержит конкретные предложения для правотворческих органов для внесения изменений в законодательство, для создания методических рекомендаций для правоприменительных органов. Материалы диссертации могут быть использованы в рамках учебных дисциплин «Теория государства и права», «История государства и права», для разработки специального курса «История правозащиты животных».

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы, содержащиеся в диссертации, изложены автором в научных работах, в том числе в статьях, опубликованных в рецензируемых научных изданиях по специальности 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки». Апробация и внедрение результатов диссертации осуществлялись автором:

а) в научно-исследовательской деятельности:

Автором были сделаны доклады по теме диссертации на научно-практических конференциях, в том числе Международный научно-практический форум VI Сибирские правовые чтения (г. Тюмень, тема выступления: «Правовые ценности и правовая защита животных в цифровую эпоху»); IX Всероссийской конференции с международным участием

«Комфортное сосуществование людей и животных на урбанизированных и особо охраняемых природных территориях: международная и российская практика» (г. Москва, тема выступления: «Проблема становления института уполномоченного по «правам животных» в России»); на III Российской конференции по «правам животных» (г. Санкт-Петербург, тема выступления: «Безнадзорные животные: зарубежный подход к решению проблемы»); XVI Конгрессе антропологов и этнологов России (г. Пермь, тематическая секция: Отношение человека и животных: социокультурный аспект, тема выступления: «Права животных: история вопроса»).

б) в педагогической деятельности:

Отдельные положения диссертационного исследования были апробированы автором в ходе проведения по поручению кафедры гражданского и международного права НИУ РАНХиГС тематических занятий в рамках учебных курсов «Экологическое право», а также кафедры теории и истории государства и права ННГУ им. Н.И. Лобачевского по дисциплинам: «История правовых и политических учений», «История государства и права зарубежных стран», «Теория государства и права».

Структура диссертации определяется тематикой исследования, а также ее целями и задачами. Работа состоит из введения, трех глав, объединяющих одиннадцать параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложения.

Перечень публикаций автора по теме исследования

Публикации в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, рекомендованных ВАК Минобрнауки России

1. Чайка Ю.В. О проблеме определения правового статуса животных в российском праве // Евразийский юридический журнал. 2024. № 2 (189). С. 124-125.
2. Чайка Ю.В. Проблема становления института уполномоченного по правам животных в России: теоретико-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. № 7 (194). С. 84-85.
3. Чайка Ю.В. Правозащита животных: опыт Бразилии, Боливии, Колумбии и ЮАР // Евразийский юридический журнал. № 11. Сдано в печать.
4. Чайка Ю.В. К вопросу о формировании экологичного общественного правосознания // Образование и право. № 12. Сдано в печать.
5. Чайка Ю.В. Проблема животных в праве, в образовании, в социальной практике современного государства / Я.В. Безносова, В.Б. Романовская, Ю.В. Чайка // Образование и право. 2024. №5. С. 223-226.
6. Чайка Ю.В. Правовые нормы об использовании животных в Великой Отечественной Войне / С.К. Крепышева, Ю.В. Чайка, В.В. Крепышева // Образование и право. 2025. №7. С. 620-625.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЖИВОТНЫХ

§1. Политико-правовые основы исследования положения животных

Проблема отношения человека к животным имеет глубокие политико-философские корни. Уже в античности возникали размышления о месте животных в миропорядке, об их сопоставлении с человеческим разумом и этикой. Эти рассуждения формировали не только мировоззренческую, но и правовую основу, определявшую характер отношения общества к животным на протяжении веков. Анализ этих подходов позволяет понять, как из философских представлений о природе и человеке постепенно сформировались предпосылки для постановки вопроса о правовом положении животных.

Античная философия закладывает фундамент антропоцентрической традиции, которая впоследствии определила юридическое и этическое восприятие животных. Уже у Аристотеля мы находим рассуждения об иерархии бытия, где каждое существо занимает строго определённое место в естественном порядке. Согласно Аристотелю, «растения созданы для блага животных, а животные – для блага человека»⁶. Платон, в свою очередь, рассматривал животных как низшую форму воплощённой души, результат деградации человеческого начала. В диалогах «Тимей»⁷ и «Федон»⁸ он выстраивает представление о переселении душ, где животное воплощает наказание за неразумие или аморальность. Хотя это учение вводит идею духовного родства живых существ, оно не ставит вопрос о равенстве их

⁶ См. *Аристотель*. Сочинения в четырёх томах / Академия Наук СССР Институт философии. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 452.

⁷ См. *Платон*. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 / Пер. С. С. Аверинцева; сверка текста И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1994. (Серия «Философское наследие»; т. 117). С. 85-87, 118-120.

⁸ См. Там же. С. 192-196.

морального или правового «статуса». Человек остаётся единственным субъектом разума и добродетели, а значит носителем прав. Стоицизм поднимает новые этические вопросы, связанные с животными. В частности, идея справедливости, как согласия с природой, включает требования к умеренности при использовании природных объектов, в том числе при обращении с животными⁹. Однако, животные по-прежнему рассматривались как существа, лишённые рациональности, а, следовательно, и моральной ценности в собственном смысле. Человек, наделённый разумом, выступал хранителем мировой гармонии, но не как равный среди живых существ, а как её распорядитель. Римская философия и право закрепляют эту традицию в юридических категориях. В классическом римском праве животные определялись как вещи, объекты имущественных отношений. Известные римские юристы, формулируя основы гражданского права, исходили из того, что животное не обладает волей, а значит, не может быть субъектом права¹⁰.

Средневековье усилило антропоцентризм, соединив философские представления античности с христианской догматикой. Фома Аквинский в своем труде прямо утверждает, что животные существуют ради пользы человека и не обладают ни разумом, ни бессмертной душой¹¹. Однако в рамках христианской этики формируется принцип милосердного отношения к живому, обусловленный не «правами животных»¹², а обязанностью человека проявлять доброту как отражение божественной любви.

⁹ См. *Сенека Л. А.* Нравственные письма к Луцилию / Пер. С. А. Ошерова. М.: Наука, 1977. (Серия «Философское наследие»). С.67-74.

¹⁰ См. *Дигесты Юстиниана*: В 4 т. Т. 1. Кн. I–IV / Пер. с лат. Л. Л. Кофанова, И. С. Перетерского (тит. 1–9); общ. ред. Л. Л. Кофанова; ред. Конституций и кн. I В. А. Томсинов. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2008. С.112-114.

¹¹ См. *Аквинский. Ф.* Сумма против язычников / пер. Т. Ю. Бородай. В 2-х Кн. - М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. / Кн. 2. С. 82.

¹² Прим. Концепция «прав животных» рассматривается как один из ключевых подходов к определению их правового статуса. Основная идея этого направления заключается в признании равноценности базовых «прав» человека и животных, включая «право на жизнь», «права на телесную неприкосновенность» и т.д. Сторонники подхода опираются на разные философские основания, но сходятся в одном: животные не могут рассматриваться как объект частной собственности или ресурс, предназначенный для получения пищи, одежды, развлечений или проведения экспериментов. В рамках этого

Ренессанс и раннее Новое время вносят новые мотивы в понимание природы и роли человека. Рене Декарт развивает идею рационального господства человека над природой. Декарт в своих рассуждениях о теле и разуме формулирует знаменитую концепцию «животного-автомата». Он утверждает, что животные лишены сознания, их поведение механистично и подчинено физиологическим импульсам. Отсюда следует, что животные не могут страдать — их реакция на боль не является свидетельством внутреннего переживания¹³. Эта идея оказала мощное влияние на научное восприятие животных вплоть до XIX века, оправдывая эксперименты и эксплуатацию. Мыслители Нового времени, среди которых были Иеремия Бентам, Джон Локк и Жан-Жак Руссо, начали резко критиковать практику «вживисекции»¹⁴ и иные формы жестокого обращения с животными. Со временем стала обретать влияние идея о том, что животные способны испытывать физическую боль и эмоциональные переживания, вследствие чего их интересы необходимо учитывать при определении режима обращения с ними.

Иммануил Кант сохраняет различие между человеком и животным, но наполняет его новым содержанием. В кантовской этике животные остаются вне сферы морального закона, так как они не являются личностями, у них нет самосознания и разума. Однако Кант утверждает, что «тот, кто жесток к животным, становится жесток и к людям; ведь жестокость к живым существам притупляет естественное сочувствие»¹⁵. «Лекции по этике» Иммануила Канта заложили основы для формирования неокантианства как самостоятельного

подхода развивается и идея справедливости по отношению к животным, предполагающая, что этически оправданным может считаться только такое отношение, которое признаёт ценность всех живых существ и исключает любое неоправданное причинение вреда.

¹³ См. *Декарт Р.* Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. Т. 1 / Сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1989. 654 с.

¹⁴ Прим. «Вживисекция» обозначает проведение опытов на **живом** животном, направленных на изучение функций организма, решение научных или образовательных задач. Однако термин нередко используется ошибочно — им часто называют любые эксперименты с участием животных, даже если они проводятся на неживом объекте исследования.

¹⁵ См. *Кант И.* Лекции по этике / Пер. с нем.; общ. ред. А. А. Гусейнова. М.: Республика, 2000. С. 443.

направления в философии права. В кантовской этике утверждается принцип автономии разума и морального долга, не зависящего от внешних последствий. Именно из этого положения выросло неокантианское понимание права как системы ценностей, а не совокупности эмпирических фактов. Для Канта человек является целью, а не средством, что послужило базовым тезисом для последующего расширения этического круга до отношения к другим формам жизни. Неокантианство восприняло этот подход, интерпретировав его через призму ценностной философии. Живые существа, лишённые рациональной способности к моральному выбору, рассматриваются не как обладатели автономии, а как объекты морального долга человека. Их существование имеет ценность постольку, поскольку через отношение к ним человек утверждает собственное достоинство и моральное совершенство. Жестокость к животным, с этой точки зрения, порочит не животных, а самого человека, нарушая гармонию его нравственной природы¹⁶. Подобное понимание стало переходным звеном между классической этикой долга и современными биоцентрическими концепциями. Неокантианцы, опираясь на кантовский принцип уважения к жизни как к моральной категории, придали ему правовое измерение, где гуманное обращение с животными выражает ценность нравственного долга и ответственности¹⁷. Подробнее эта идея получает развитие уже в рамках аксиологической юриспруденции, где ценность жизни и существования становится центральной категорией права.

Подлинный поворот в философском осмыслении отношения к животным связан с Иеремией Бентамом. В его утилитаристской философии впервые прозвучал принципиально новый критерий отношения к животным — способность животных испытывать страдание. Бентам писал: «Вопрос не в

¹⁶ См. Горбань В.С. «Учение о правильном праве» Р. Штамллера как синтез формально-рационалистического (кантианского) подхода правопонимания и телеологической концепции права Р. Иеринга // Право и политика. 2017. N9. С.18.

¹⁷ См. Белов В.Н. Этика в системе философского критицизма Германа Когена / Этическая мысль. 2014. N14. С.23-42.

том, могут ли они (животные) рассуждать, не в том, могут ли говорить, а в том, могут ли они страдать»¹⁸. Эта формула стала ключевой для всей последующей этической и правовой мысли, связанной с защитой животных. Для Бентама страдание — универсальный показатель, и потому граница между человеком и животным теряет абсолютный характер. Хотя он не призывал к юридическому уравниванию «статусов», его подход подрывал фундаментальные основания правового антропоцентризма. Учение Бентама оказало влияние и на развитие правовых теорий. Если для Декарта животное — это бездушный механизм, то для Бентама оно — живое существо. Эта идея заложила основы современного биоэтического дискурса, где моральные и правовые критерии оцениваются через призму страдания, а не через способность к рациональному суждению.

Переход от философских рассуждений об ответственности человека перед природой к попыткам осмыслить место животного в системе права стал одним из наиболее значимых сдвигов в этико-правовой мысли XX-XXI веков. Идеи британского писателя, социального реформатора Генри Солта оказали значительное влияние на формирование правовых представлений о положении животных. Труд «Права животных: рассмотренные в связи с общественным прогрессом»¹⁹ стал одной из первых системных попыток рассмотреть вопрос «прав животных» как логическое продолжение развития политико-правовой мысли о равенстве живых существ. Автор утверждает, что традиционные различия между человеком и животными носят во многом искусственный характер. Человек, по мнению Солта, использует животных исключительно как средство достижения своих целей, игнорируя их собственные интересы. Он указывает, что подобное отношение противоречит самой логике нравственного прогресса: «мы не можем говорить о справедливом обществе, пока продолжаем оправдывать страдания существ,

¹⁸ См. *Бентам И.* Введение в основания нравственности и законодательства. М.: «Российская политическая энциклопедия*» (РОССПЭН), 1998. С. 311. 415 с.

¹⁹ См. *Salt H.S.* Animals' Rights: Considered in Relation to Social Progress / H. S. Salt. London: G. Bell & Sons Ltd., 1892. 166 p.

способных чувствовать боль»²⁰. Особое внимание Солт уделяет взаимосвязи между этическим и социальным развитием. Для него отношение человека к животным является индикатором уровня цивилизационного прогресса. Если общество стремится к справедливости, гуманизму и равенству, то оно должно последовательно распространять эти принципы на все формы жизни²¹.

В философской плоскости идеи Солта перекликаются с утилитаристами, однако имеют существенные отличия. Так, для Солта не имеет значения, могут ли животные рассуждать или говорить; важно то, что они испытывают боль, и этого уже достаточно для признания за ними определённых моральных и правовых притязаний²². В этом смысле его позиция не основана на рациональности, которая традиционно считалась главным критерием правового признания животных. Солт был убеждён, что юридическое закрепление прав животных неизбежно станет частью общей эволюции прав человека. Он считал, что развитие правовых систем всегда сопровождается расширением круга субъектов, обладающих правами: когда-то права признавались только за мужчинами, позже признавались за женщинами, затем — за представителями других рас. Следующим шагом, по его мнению, должно стать признание морального и правового значения животных²³.

Одним из первых мыслителей, кто сформулировал целостную этическую концепцию, основанную на идее равенства между человеком и животным — стал профессор биоэтики Принстонского университета Питер Сингер. Его труд «Освобождение животных» (1975) считается фундаментом современного движения за «права животных». В центре аргументации Сингера лежит принцип «спесишизм»²⁴, согласно которому способность

²⁰ См. *Ibid.* P.25.

²¹ См. *Salt H.S. Animals' Rights: Considered in Relation to Social Progress* / H. S. Salt. London: G. Bell & Sons Ltd., 1892. P. 82-83.

²² *Ibid.* P. 6-7.

²³ *Ibid.* P. 82–85.

²⁴ Прим. В 1970 году Райдер впервые использовал термин «спесишизм» для обозначения дискриминации на основании принадлежности существа к определённому виду. См. *Ryder R.D. All beings that feel pain deserve human rights* / *The Guardian*.

испытывать страдания является достаточным основанием для включения живого существа в сферу этического рассмотрения. П. Сингер продолжает развивать линию, начатую Иеремией Бентамом. Сингер проводит аналогию между спесишизмом, расизмом и сексизмом, определяя их как различные формы дискриминации, которые должны быть осуждены с моральной и правовой точек зрения²⁵. Развивая тезисы Бентама, Сингер подчеркивает, что животные не обладают «правами» в классическом юридическом понимании, однако, с философско-правовой позиции, и люди, и животные в равной степени заинтересованы в избегании страданий и мучений. Исходя из данного положения, он постулирует необходимость принятия правовых и этических решений, направленных на максимальное снижение страданий животных. Вместе с тем необходимо отметить, что профессор Сингер не считает, что все виды животных заслуживают единого подхода и одинаковой степени защиты. Напротив, он признает, что интересы представителей различных видов существенно различаются²⁶. Такой подход, по мнению Сингера, будет способствовать улучшению общественного благополучия и нравственному оздоровлению общества, являясь важным ориентиром для формирования политики и законодательства в области защиты животных²⁷.

Тем не менее, следует подчеркнуть, что в современной юридической науке утилитаризм неоднократно подвергался критике за его возможную неспособность учитывать внутреннюю ценность живых существ и за то, что интересы животных и интересы человека не всегда могут быть корректно сопоставлены²⁸. Вследствие этого в зарубежной правовой доктрине продолжается активная дискуссия относительно целесообразности и границ

[Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/uk/2005/aug/06/animalwelfare> (дата обращения: 28.01.2025).

²⁵ См. *Сингер П.* Освобождение животных / Пер. с англ. А. Г. Голубев, А. Ю. Сидорова; под ред. С. С. Неретиной. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. С. 15-16.

²⁶ Там же. С. 27–28.

²⁷ Там же. С. 15.

²⁸ См. *Francione G.L.*, *Animal Rights Theory and Utilitarianism: Relative Normative Guidance / Animal Law Review*, Vol. 3, No. 1 (1997), pp. 75-100.

влияния утилитаристской доктрины на зоозащитное законодательство разных государств.

Дальнейшее развитие идеи «прав животных» связано с именем профессора философии Университета Северной Каролины Тома Ригана, чья работа «В защиту прав животных» (1983) стала ответом на утилитаризм Сингера. Профессор Риган утверждает, что животные обладают внутренней ценностью, которая не зависит от их полезности или способности приносить счастье другим. Том Риган, развивая традицию естественно-правовой философии, утверждает, что признание за людьми естественных прав основано не на их принадлежности к конкретному биологическому виду, а на наличии у них сознания и самосознания. Если же сознанием и способностью воспринимать собственное существование обладают не только люди, но и некоторые животные, то, по мнению Ригана, им должно быть предоставлено то же базовое признание естественных прав, которое обосновывает правосубъектность человека²⁹. Т. Риган вводит понятие «субъекта жизни», которое охватывает всех существ, обладающих восприятием, интересами и памятью. Именно эти качества и делают жизнь такого существа ценной, независимо от её пользы для других. Следовательно, животное не может рассматриваться как средство для достижения внешних целей. Использование его ради потребностей другого субъекта противоречит самой идее морали, основанной на уважении к внутренней ценности жизни³⁰. Риган различает два типа моральных существ: «агентов морали» и «пациентов морали». Первые — это те, кто способен осознанно руководствоваться принципами морали, действовать в соответствии с ними и нести ответственность за свои поступки. Вторые же, те, кто не способен к рефлексии, однако по отношению к ним применяются моральные нормы. К этой категории, по его мнению, относятся младенцы, люди с когнитивными нарушениями и, как минимум, некоторые

²⁹ См. *Regan T. The Case for Animal Rights / Berkeley: University of California Press, 1983. P. 243.*

³⁰ *Ibid.*, P. 243

животные. Они не могут осознанно различать добро и зло, пользу и вред, но при этом остаются объектами морального долга человека³¹. Риган подчёркивает, что его теория не является всеобъемлющей по отношению ко всем живым существам: она не распространяется, например, на насекомых или низшие организмы. Он ограничивает круг «субъектов жизни», в первую очередь, здоровыми млекопитающими старше примерно одного года, то есть теми, кто обладает устойчивыми когнитивными и эмоциональными характеристиками, позволяющими говорить о наличии у них интересов, опыта и предпочтений. Эти существа, по Ригану, имеют естественные права, аналогичные базовым правам человека, прежде всего — право не быть средством для чужих целей и не подвергаться уничтожению ради пользы других³².

Если Питер Сингер, исходя из утилитаристской традиции, сосредоточен на минимизации страданий и допускает, что в некоторых ситуациях использование животных может быть вполне оправданным (при условии, что это приводит к общему увеличению блага), то Риган занимает принципиально иную позицию — абсолютного запрета эксплуатации животных во всех сферах. Риган становится одним из первых, кто переводит дискуссию из сферы моральной риторики в пространство правового мышления, где животное рассматривается как возможный субъект права, пусть и в особом смысле. На основе воззрений Тома Ригана, развивавшего теорию «естественных прав животных» формируется ещё одно направление в современной этико-правовой мысли — аболиционистский подход. Если Риган в первую очередь обосновывает этическую недопустимость использования животных как средств для достижения человеческих целей, то аболиционисты делают следующий шаг — они требуют юридического закрепления этого принципа в форме безусловного запрета права собственности на животных.

³¹ См. *Regan T. The Case for Animal Rights / Berkeley: University of California Press, 1983. P. 151-152.*

³² *Ibid.*, P. 248.

Одним из наиболее значимых направлений современной теории прав животных стала концепция «Зоополис» (*Zoopolis*), предложенная канадскими философами Сью Дональдсон и Уиллом Кимликой в одноимённой монографии «Зоополис: Политическая теория прав животных» (2011)³³. Их подход представляет собой попытку пересмотра устоявшейся либеральной модели правосубъектности через включение животных в пространство политического сообщества. Авторы подхода исходят из того, что существующие модели отношения к животным не решают фундаментальную проблему: каким образом животные могут быть признаны не просто объектами защиты, а субъектами права, имеющими политический статус. С. Дональдсон и У. Кимлика предлагают рассматривать животных не в контексте их биологической природы или этических соображений, а с точки зрения их социальных отношений с людьми. Это радикальный сдвиг от классической биоэтики к политической теории справедливости, где вопрос о «статусе» животных формулируется в категориях гражданства и суверенитета.

Согласно логике исследователей, права не могут быть универсальными без учёта фактического положения субъектов в системе общественных связей. Если животные участвуют в человеческом сообществе, то они должны быть признаны его членами, пусть и со специфическими формами участия³⁴. В рамках своей теории Дональдсон и Кимлика выделяют три категории животных, каждая из которых предполагает различный политический, и, следовательно, правовой «статус»:

1. Домашние животные — включаются в человеческое общество и зависят от человека; им должен быть предоставлен статус гражданства, включающий право на защиту, участие и благополучие;

³³ См. *Donaldson S., Kymlicka W. Zoopolis. A Political Theory of Animal Rights / Oxford University Press, 2011. 329 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://global.oup.com/academic/product/zoopolis-9780199599660> (дата обращения: 29.10.2025).*

³⁴ *Ibid.* P. 58-63.

2. Дикие животные — представляют отдельные сообщества, взаимодействующие с людьми минимально; им предлагается статус суверенных сообществ, аналогичный независимым политическим образованиям;
3. Соседствующие животные — живут рядом с человеком, но не приручены (например, голуби, крысы); им присваивается статус резидентов, то есть право на жизнь и уважение в рамках совместного пространства³⁵.

Такое распределение статусов отражает попытку выстроить новую классификацию, основанную не на биологических признаках, а на степени социальной интеграции. Дональдсон и Кимлика утверждают, что концепция гражданства животных позволяет преодолеть противопоставление «человек-животное», не лишая при этом юридическую систему функциональности³⁶. Авторы не предлагают формального приравнивания животных к людям, но настаивают на том, что права должны коррелировать с конкретным типом отношений. Для домашних животных это право на опеку, безопасность и участие в жизни общества; для диких — право на территорию, экологическую целостность и невмешательство; для городских — право на существование в границах человеческой среды при недопустимости произвольного уничтожения³⁷. Такой подход предполагает дифференциацию «прав», что делает концепцию применимой на практике. Фундамент «Зоополиса» строится на критике либерального индивидуализма, который ограничивает категорию субъекта права рамками автономной личности. Дональдсон и Кимлика утверждают, что если отдельные категории людей (например, недееспособные лица) не лишаются статуса субъектов права, то отказ

³⁵ См. *Donaldson S., Kymlicka W. Zoopolis. A Political Theory of Animal Rights / Oxford University Press, 2011. P. 71-75. [Электронный ресурс]. URL: <https://global.oup.com/academic/product/zoopolis-9780199599660> (дата обращения: 29.10.2025).*

³⁶ *Ibid.* P. 103–107.

³⁷ *Ibid.* P. 130–135.

признать аналогичный статус за животными является логическим противоречием³⁸.

Особое внимание авторы уделяют вопросу политического представительства. Поскольку животные не способны выражать волю в привычных формах, их интересы должны представляться через систему делегированного представительства — институтов, опекунов, этических комиссий³⁹. Это создаёт основу для формирования политического сообщества, где человеческое общество несёт юридическую обязанность действовать от имени зависимых существ.

Идея «прав животных» получила новое направление благодаря работам одной из крупнейших представительниц политико-правовой мысли, профессора права и этики Чикагского университета Марты Нуссбаум. В её трудах: «Пределы справедливости: инклюзивность, национальность, принадлежность к виду»⁴⁰, «Справедливость для животных: общая ответственность»⁴¹ — сформирована оригинальная теория, в которой защита животных рассматривается через призму «подхода потребностей». Профессор Нуссбаум предлагает рассматривать справедливость в отношении животных как обязанность общества создавать условия, позволяющие каждому живому существу реализовывать присущие ему потребности. Отправной точкой для Нуссбаум становится критика традиционного антропоцентризма и рационалистического подхода к правосубъектности животных. Она утверждает, что «права животных» не могут определяться только через

³⁸ Ibid. P. 104–106.

³⁹ См. *Donaldson S., Kymlicka W. Zoopolis. A Political Theory of Animal Rights / Oxford University Press, 2011. P. 209-214. [Электронный ресурс]. URL: <https://global.oup.com/academic/product/zoopolis-9780199599660> (дата обращения: 29.10.2025).*

⁴⁰ Nussbaum M. C. *Frontiers of Justice: Disability, Nationality, Species Membership / M. C. Nussbaum. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2006. 487 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hup.harvard.edu/books/9780674024106> (дата обращения: 29.10.2025).*

⁴¹ Nussbaum M. C. *Justice for Animals: Our Collective Responsibility / M. C. Nussbaum. New York: Simon & Schuster, 2022. 353 p. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.com/books/about/Justice_for_Animals.html?id=kcv5EAAAQBAJ (дата обращения: 29.10.2025).*

аналогию с человеческими правами, поскольку животные обладают иными формами существования и видами благополучия. Главная цель справедливости, по её мнению, — не уравнивание всех существ по человеческим меркам, а обеспечение возможности каждой формы жизни развиваться в соответствии со своей природой⁴².

В рамках своего подхода Нуссбаум формирует список основных потребностей, которые должны быть гарантированы каждому существу. К ним относятся возможность жить, потребности в обеспечении здоровья, свободе передвижения, чувственному восприятию, социальным отношениям, игре и взаимодействию с окружающим миром⁴³. Согласно автору подхода, обязанность государства и общества заключается не только в защите животных от насилия, но и в активном создании среды, способствующей их процветанию⁴⁴. Это включает в себя изменение законодательства, практик промышленного животноводства, форм досуга и участия животных для научных целей.

В отличие от Стивена Уайза, который делает акцент на интеллектуальных способностях животных, Нуссбаум утверждает, что даже те виды, которые не обладают сложными когнитивными функциями, имеют ценность как субъекты права⁴⁵. Следовательно, для признания их прав не

⁴² См. *Nussbaum M. C. Frontiers of Justice: Disability, Nationality, Species Membership / M. C. Nussbaum. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2006. P. 326-330. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hup.harvard.edu/books/9780674024106> (дата обращения: 29.10.2025).*

⁴³ См. *Nussbaum M. C. Frontiers of Justice: Disability, Nationality, Species Membership / M. C. Nussbaum. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2006. P. 392-401. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hup.harvard.edu/books/9780674024106> (дата обращения: 29.10.2025).*

⁴⁴ См. *Nussbaum M. C. Justice for Animals: Our Collective Responsibility / M. C. Nussbaum. New York: Simon & Schuster, 2022. P. 115-118. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.com/books/about/Justice_for_Animals.html?id=kcvSEAAAQBAJ (дата обращения: 29.10.2025).*

⁴⁵ См. *Nussbaum M. C. Frontiers of Justice: Disability, Nationality, Species Membership / M. C. Nussbaum. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2006. P. 380. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hup.harvard.edu/books/9780674024106> (дата обращения: 29.10.2025).*

требуется наличие интеллекта, достаточно способности жить и стремиться к благополучию.

Особое место в философии Нуссбаум занимает идея всеобщего сообщества живых существ. Она утверждает, что правовая система должна быть перестроена так, чтобы учитывать взаимозависимость всех форм жизни на планете⁴⁶. То есть, такая категория как справедливость должна выходить за пределы человеческого сообщества и быть более универсальной. М. Нуссбаум настаивает на том, что животные являются участниками системы справедливости, а не просто объектами защиты. Поэтому требуется признание за животными статуса субъектов права, чьи потребности настолько же значимы, как и человеческие⁴⁷.

Современные дискуссии о «правах животных» невозможно представить без трудов профессора права Гарвардского университета Касса Санстейна, который рассматривает проблему «прав животных» в плоскости публичного права. В отличие от радикальных этико-философских концепций, профессор Санстейн утверждает, что для эффективной зоозащиты не обязательно приравнивать животных к полноправным субъектам права. В одной из работ «Права животных: современные дискуссии и актуальные направления»⁴⁸, он отмечает, что защита животных должна развиваться поэтапно, через реформы законодательства и институтов, а не посредством мгновенного признания «прав» существ равных человеческим правам. Санстейн утверждает, что «права животных» нельзя рассматривать в отрыве от политического контекста и структуры государства. Юридические гарантии в его понимании должны

⁴⁶ См. *Nussbaum M. C. Justice for Animals: Our Collective Responsibility* / М. С. Nussbaum. New York: Simon & Schuster, 2022. P. 261-266. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.com/books/about/Justice_for_Animals.html?id=kcvseEAAAQBAJ (дата обращения: 29.10.2025).

⁴⁷ См. *Nussbaum M. C. Justice for Animals: Our Collective Responsibility* / М. С. Nussbaum. New York: Simon & Schuster, 2022. P. 276. [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.com/books/about/Justice_for_Animals.html?id=kcvseEAAAQBAJ (дата обращения: 29.10.2025).

⁴⁸ См. *Sunstein C. R., Nussbaum M.C. Animal Rights: Current Debates and New Directions* / Oxford University Press, 2004. P. 3–19. [Электронный ресурс]. URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/books/11/> (дата обращения: 29.10.2025).

сочетаться с общественными обязанностями, формируемыми через нормы публичного права, административное регулирование, позиции судов и конституционные принципы.

Особое внимание Санстейн уделяет балансу интересов — он признаёт, что животные могут обладать моральной ценностью и иметь условные «права», но их защита должна быть соразмерна интересам человека и потребностям общества. При этом он подчёркивает, что традиционные представления о собственности на животных противоречат принципу справедливости, поскольку они игнорируют способность животных испытывать боль и страдания⁴⁹.

В своих статьях, в частности в работе «Имеют ли животные право на судебную защиту?»⁵⁰, Санстейн обсуждает возможность представительства интересов животных в судах через систему опекунов и представителей⁵¹. Он предлагает модель, при которой животные хотя и не обладают дееспособностью, но могут быть представлены в суде уполномоченными лицами, по аналогии с несовершеннолетними или недееспособными гражданами⁵². Это позволяет включить животных в сферу права на защиту, не нарушая логики юридической системы.

Кроме того, профессор Санстейн предлагает различать права как свободы и права как защиту интересов. Животные, по его мнению, не обладают автономией в человеческом смысле, но имеют интересы, требующие правового признания⁵³. Отсюда вытекает идея «позитивных обязательств

⁴⁹ Ibid. P. 20-23.

⁵⁰ См. *Sunstein C.R.* Can Animals Sue? // *Animal Rights: Current Debates and New Directions*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 251-261. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195305104.003.0012> (дата обращения: 29.10.2025).

⁵¹ Ibid. P. 251-252.

⁵² См. *Sunstein C.R.* The Rights of Animals: A Very Short Primer // *University of Chicago Law School Public Law and Legal Theory Working Paper N59*. 2002. P. 5–9. [Электронный ресурс]. URL: https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1339&context=public_law_and_legal_theory. P. 17-20.

⁵³ См. *Sunstein, C.R.* Standing for Animals (with Notes on Animal Rights) // *University of Chicago Law School, Public Law and Legal Theory Working Paper No. 6*. Chicago, 1999. P. 37-

государства», включающая создание механизмов предотвращения страданий, регулирования промышленного животноводства и обеспечения минимальных стандартов благополучия животных. Поэтому особое место в своей концепции Санстейн отдает государству и его институтам. Он рассматривает защиту животных как часть системы публичной политики, где законодатель, исполнительная власть и суды несут ответственность за развитие правовых механизмов защиты живых существ⁵⁴. В этом аспекте его подход близок к идеям М. Нуссбаум, однако отличается большей юридической направленностью. Также Санстейн отмечает взаимосвязь защиты животных с экологическим правом, утверждая, что гуманное отношение к животным является компонентом устойчивого развития⁵⁵. В целом, данный подход можно охарактеризовать как публично-правовую модель защиты животных, основанную на идее представительства интересов, постепенных реформ и баланса между правами и обязанностями.

Аболиционистский подход к «правам животных» представляет собой радикальное течение, исходящее из убеждения, что основой любой подлинной защиты должно быть не улучшение условий эксплуатации животных, а полное упразднение самой возможности правового владения ими. Аболиционисты исходят из того, что все живые существа, обладающие чувствительностью, то есть способностью испытывать боль, удовольствие, страх и другие формы субъективного опыта, обладают внутренней ценностью, несовместимой с их

45. / [Электронный ресурс]. URL: <https://dash.harvard.edu/entities/publication/73120378-d028-6bd4-e053-0100007fdf3b> (дата обращения: 29.10.2025).

⁵⁴ См. *Sunstein C.R.* The Rights of Animals: A Very Short Primer // University of Chicago Law School Public Law and Legal Theory Working Paper N59. 2002. P. 5–9. [Электронный ресурс]. URL: https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1339&context=public_law_and_legal_theory; См. *Sunstein C.R.* Can Animals Sue? // *Animal Rights: Current Debates and New Directions*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 260. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195305104.003.0012> (дата обращения: 29.10.2025).

⁵⁵ См. *Sunstein C.R.* The Rights of Animals: A Very Short Primer // University of Chicago Law School Public Law and Legal Theory Working Paper N59. 2002. P. 27–30. [Электронный ресурс]. URL: https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1339&context=public_law_and_legal_theory. (дата обращения: 29.10.2025).

обращением в объект собственности. По мнению сторонников этого подхода, именно институт собственности является главным источником систематического насилия и страданий животных. Пока животные рассматриваются как имущество, любые законодательные меры, направленные на «улучшение условий содержания» или «гуманизацию обращения» не устраняют несправедливость.

Наиболее последовательным и влиятельным представителем аболиционизма считается американский юрист, профессор права и философии Ратгерского университета Гэри Франсион. В своих трудах, таких как «Животные, собственность и право»⁵⁶, «...Идеология движения за права животных»⁵⁷, «Введение в права животных...»⁵⁸, он утверждает, что вся современная система правового регулирования отношений человека и животных внутренне противоречива: с одной стороны, она провозглашает заботу о «гуманном обращении», а с другой — закрепляет право собственности на живых существ. Именно поэтому, профессор Франсион убежден, что, любые реформы, направленные на улучшение условий содержания животных, только укрепляют их зависимое положение, создавая иллюзию этического прогресса там, где в действительности сохраняется эксплуатация⁵⁹. Г. Франсион утверждает, что в США не существует подлинного движения за права животных, поскольку внимание общественности и правотворческих структур сосредоточено преимущественно на проблемах «благополучия», а не на вопросе признания

⁵⁶ См. *Francione G.L. Animals, Property, and the Law.* // Philadelphia: Temple University Press, 1995. 367 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt1bw1jm9> (дата обращения: 29.10.2025).

⁵⁷ См. *Francione G. L. Rain Without Thunder: The Ideology of the Animal Rights Movement.* // Philadelphia: Temple University Press, 1996. 276 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/rainwithoutthund0000fran> (дата обращения: 29.10.2025).

⁵⁸ См. *Francione G. L. Introduction to Animal Rights: Your Child or the Dog?* // Philadelphia: Temple University Press, 2000. 338 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/introductiontoan0000fran> (дата обращения: 29.10.2025).

⁵⁹ См. *Francione G. L. Rain Without Thunder: The Ideology of the Animal Rights Movement.* // Philadelphia: Temple University Press, 1996. P. 35. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/rainwithoutthund0000fran> (дата обращения: 29.10.2025).

животных носителями прав. Его критика направлена на то, чтобы показать: всякий раз, когда законодательство ограничивается регулированием условий обращения с животными, но не пересматривает их статус объекта права, оно фактически узаконивает эксплуатацию, а не ограничивает её⁶⁰.

В своих работах профессор Франсион делает акцент на том, что декларирование прав без возможности обеспечить их реальное применение сводится к лицемерию. Если животное остаётся объектом права, оно существенно ограничено в возможностях своей защиты⁶¹. С этой позиции аболиционизм призывает не к «реформированию» существующего законодательства, а к его коренной трансформации, в рамках которой животные должны рассматриваться как чувствующие субъекты, а не объекты человеческой собственности.

Следующим ярким представителем данного подхода является американский юрист и основатель организации «Права нечеловеческих существ»⁶² — Стивен Уайз. В своих работах, в частности в книге «Провести черту: наука и аргументы в пользу прав животных»⁶³, Уайз выдвигает идею признания правосубъектности животных, основанную на научных данных о развитии сознания и мышления у разных видов. Он вводит понятие «когнитивной автономии»⁶⁴, которая выражается в способности животного понимать причинно-следственные связи и принимать решения, направленные на достижение собственных целей. Он предлагает рассматривать когнитивные способности как ключевой критерий для присвоения им правового статуса⁶⁵.

⁶⁰ Ibid. P. 60-62.

⁶¹ См. *Francione G.L. Animals, Property, and the Law.* // Philadelphia: Temple University Press, 1995. P. 26-27. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt1bw1jm9> (дата обращения: 29.10.2025).

⁶² Nonhuman Rights Project. Проект прав нечеловеческих существ // Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nonhumanrights.org> (дата обращения: 29.10.2025).

⁶³ См. *Wise S.M. Drawing the Line: Science and the Case for Animal Rights* / S. M. Wise. Cambridge(MA): Perseus Books, 2002. — 322 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/drawinglinescien0000wise> (дата обращения: 02.11.2025).

⁶⁴ Ibid. P. 60-100.

⁶⁵ Ibid. P. 49-55.

Именно эти способности, по мнению автора, делает возможным юридическое признание прав животных.

Стивен Уайз предлагает иерархическую модель правосубъектности, в которой разные виды животных занимают различные позиции в зависимости от уровня интеллектуального развития. Он признаёт, что не все животные могут быть наделены одинаковыми правами, но утверждает, что у тех, кто демонстрирует высокую степень сознательности, должны быть признаны как минимум основные права нечеловеческой личности. В первую очередь это касается человекообразных обезьян, китообразных и слонов. Для них автор требует признания правового статуса, аналогичного статусу недееспособных людей⁶⁶. В отличие от традиционных этических аргументов, он стремится выстроить юридическую теорию, опирающуюся на объективные критерии способностей отдельных видов животных. Главная цель, поставленная автором, определить, где именно проходит граница между теми существами, которые должны обладать правами, и теми, кто остаётся вне этой сферы⁶⁷. Интересной частью концепции Уайза является идея о том, что право, как и мораль, развивается по пути расширения сфер защиты. То, что когда-то казалось невозможным — признание прав рабов или женщин, впоследствии стало очевидной нормой. В этом контексте предоставление базовых прав высокоразвитым животным рассматривается как следующий логический этап в развитии права⁶⁸. То есть, признание животных субъектами права не подрывает правовую систему, а делает её внутренне последовательной.

Следует отметить, что концепция Стивена Уайза имеет не только философское, но и практическое значение. Он является инициатором судебных процессов в США, где от имени животных (через представителей) подаются иски о признании их правосубъектности. Эти дела направлены не столько на немедленное изменение законодательства, сколько на постепенное

⁶⁶ Ibid. P. 202-207.

⁶⁷ Ibid. P. 27-31.

⁶⁸ Ibid. P. 225.

формирование правового базиса (судебной практики), признающей животных обладателями правового статуса, может и не соразмерного человеческому, но вполне к нему приближенному⁶⁹.

Рассматривая вопросы правосубъектности животных, нельзя не отметить вклад профессора права Мичиганского Университета Дэвида Фавра в развитие теории прав животных. Он считается одним из основоположников современного направления (отрасли права) «*Animal law*»⁷⁰. Исследования Д. Фавра, нацелены на поиск юридических механизмов защиты животных в рамках действующей правовой системы, не требующих радикального отказа от существующих категорий, но способных изменить их содержание. Одним из центральных понятий в трудах Фавра является идея «животного как живого имущества». Он отмечает, что традиционная правовая доктрина рассматривает животных исключительно как объекты права, что исторически закрепились в гражданском праве. Однако, по мнению профессора Фавра, это понимание должно быть пересмотрено. Он предлагает рассматривать животных как особую категорию права, обладающую собственными интересами. Такое переосмысление позволяет сохранить формальную правовую структуру, но наполнить её новым содержанием, при котором животные получают частичную правосубъектность.

В своей работе «Справедливое самовладение для животных»⁷¹ Д. Фавр утверждает, что животное может рассматриваться как субъект, обладающий внутренним интересом к жизни и благополучию, а человек — как опекун или

⁶⁹ См. *Wise S.M.*, *The Struggle for the Legal Rights of Nonhuman Animals Begins: The Experience of the Nonhuman Rights Project in New York and Connecticut / Animal L.* 2019. P. 35. [Электронный ресурс]. URL: <https://lawcommons.lclark.edu/alr/vol25/iss3/6> (дата обращения: 29.10.2025).

⁷⁰ Прим. В российской научной литературе отсутствует единый вариант перевода «*Animal Law*». Наряду с дословным вариантом «Право животных» используются и смысловые интерпретации, стремящиеся точнее передать содержание данной отрасли права: «Право защиты животных», «Законодательство о животных», «Правовое регулирование обращения с животными», «Фаунистическое право» и др. В исследовании сохраняется использование оригинального термина «*Animal Law*» без перевода.

⁷¹ См. *Favre D.* *Equitable Self-Ownership for Animals // Duke Law Journal.* 2000. Vol. 50, No. 2. P. 473-502.

доверительный собственник, обязан действовать в интересах животного. Это создаёт аналог траста, где животное становится выгодоприобретателем, а человек — управителем его интересов⁷². Такой подход позволяет соединить принципы права собственности и этический подход, создавая переходную модель между статусом «вещи» и статусом «личности», пусть и нечеловеческой. Животные, по мнению Фавра, не могут быть полностью приравнены к людям в правах, но должны иметь юридические гарантии, вытекающие из их способности к социальной коммуникации и способности испытывать большой спектр эмоций⁷³. Профессор Д. Фавр также подчёркивает, что «права животных» должны рассматриваться как юридические обязанности человека. В отличие от классических прав, «права животных» — это права, реализуемые с помощью представителя, хозяина животного. Он называет это «этическим партнерством» между человеком и животным, где люди обязаны выступать посредниками между правом и интересами живых существ.

В своей работе «Живое имущество: новый статус животных в правовой системе»⁷⁴ Д. Фавр систематизирует свою теорию, предлагая конкретные пути правовой реформы. Он выступает за создание трёхуровневой системы защиты животных:

Базовый уровень — признание животного как «живого имущества», исключающего произвольное причинение вреда;

Средний уровень — введение механизмов опеки и доверительного управления интересами животных (через суды, общественные организации, представителей);

⁷² Ibid. P. 483.

⁷³ См. Favre D. Integrating Animal Interests into Our Legal System // Animal Law. 2004. Vol. 10. P. 87-98.

⁷⁴ См. Favre D. Living Property: A New Status for Animals Within the Legal System / D. Favre // Marquette Law Review. 2010. Vol. 93, No. 4. P. 1021-1070.

Высший уровень — признание за некоторыми видами ограниченной правосубъектности, выражающейся в возможности участия в правовых отношениях через представителей⁷⁵.

Весьма любопытным является рассуждения профессора Д. Фавра об ограниченной правосубъектности животных. Он утверждает, что на этот вопрос нельзя отвечать категорично («является ли животное субъектом права или нет»). Определённые виды (например, млекопитающие с развитым сознанием) могут обладать частью прав, связанных с защитой их физической целостности и благополучия⁷⁶. С практической точки зрения профессор Фавр предлагает внедрять эти идеи через национальное законодательство, судебную практику и образовательные программы. Он активно участвовал в разработке курсов по праву животных в США и продвигает идею создания реестра прав животных, аналогичного имущественному, где фиксируются обязательства собственников и статус подопечных животных⁷⁷. Его концепция оказала значительное влияние на развитие американского и международного законодательства о защите животных, включая реформы в области уголовного права, регулирования приютов и зоопарков, а также в сфере признания животных участниками судебных процессов через представителей.

Зарубежная политико-правовая мысль демонстрирует значительное разнообразие подходов к определению правового положения животных и вырабатывает широкий спектр теоретических моделей их «статуса». На этом фоне особенно заметно, что в отечественной политико-правовой традиции подобная проблематика длительное время оставалась на периферии научного интереса. Впервые вопросы положения животных были предметно осмыслены в российской политико-правовой мысли лишь в 1898 году, когда в Санкт-Петербурге был опубликован труд врача Самуила Захаровича Фишера

⁷⁵ Ibid. P. 1050-1056.

⁷⁶ Ibid. P. 1060-1064.

⁷⁷ См. *Favre D. Animal Law: Welfare, Interests, and Rights* // New York: Aspen Publishers, 2008. P. 410-432 [Электронный ресурс]. URL: <https://aspublishing.com/products/animal-law-favre> (дата обращения: 29.10.2025).

«Человек и животное: этико-юридический очерк»⁷⁸. В этой работе Фишер утверждал, что государство должно охранять интересы животных, и предлагал признать их правовую личность, наделив животных определенной долей правоспособности⁷⁹.

Идеи Фишера нашли поддержку среди известных ученых и общественных деятелей того времени. В 1903 году в Москве была издана монография историка, доцента Московского университета Павла Владимировича Безобразова «О правах животных»⁸⁰. В этой работе П.В. Безобразов утверждал, что у животных есть душа, схожая с человеческой, и что они имеют право на признание их существами, «одаренными душой»⁸¹. Он также подчеркивал, что животные способны к переживаниям аналогичным человеческим. Примерно в это же время, в России, стали активно развиваться общества покровительства животным⁸².

После 1917 года, в период становления советского государства, вопросы ответственного обращения с животными утратили свое значение в официальной государственной идеологии. Однако уже к 1960-1970-х годам интерес к этим темам вновь возобновился. На страницах центральной прессы появились дискуссии о нравственно-правовых аспектах охоты, инициированные публикациями писателей Л. Леонова⁸³ и Б. Рябина⁸⁴. Эти обсуждения привели к законодательному запрету весенней охоты в 1969 году

⁷⁸ См. *Фишер С.* Человек и животное: этико-юридический очерк. // СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1898. 281 с.

⁷⁹ Там же. С. 66-67.

⁸⁰ См. *Безобразов П.В.* Права животных // Москва: Печатня А. И. Снегиревой, 1903. [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003735339> (дата обращения: 05.01.2024).

⁸¹ Там же. С. 18.

⁸² Прим. Нижегородское отделение общества покровительства животным было одним из образцовых и активных. См. *Безносова Я.В.* Роль Российского общества покровительства животным в совершенствовании законодательства Российской империи в области гуманного обращения с животными во второй половине XIX века // Вестник Костромского государственного университета. 2024. Т. 30, N 3. С. 275-281.

⁸³ См. *Леонов Л.* Пора подумать о совести // Литературная газета. 1969. N 10. С. 2.

⁸⁴ См. *Рябинин Б.* Весенняя охота и нравственность // Литературная газета. 1969. N 12. С. 3.

на территории РСФСР⁸⁵. В этот же период при Московском, Нижегородском, Новгородском и других городских обществах охраны природы были созданы секции по защите животных от жестокого обращения⁸⁶. В конце 1990-х годов в странах СНГ вновь начали активно обсуждаться вопросы экологической этики и надлежащего обращения с животными. В Москве были изданы труды известного государственного и общественного деятеля Татьяны Николаевны Павловой⁸⁷: «Биоэтика в высшей школе»⁸⁸, сборники эссе «Экологическая антология»⁸⁹ и «Думая, как гора»⁹⁰. В этих работах рассматривались современные подходы к правовой и нравственной защите окружающей среды и животных.

Анализ политико-философских концепций показывает, что взгляды на животных динамично изменялись на протяжении веков. В античности господствовал выраженный антропоцентризм, в рамках которого животные рассматривались как низшие существа, предназначенные для обслуживания человеческих потребностей. В средневековой традиции эти представления сохранялись, однако постепенно усиливались гуманистические тенденции: мыслители и учёные того времени начали критически относиться к вивисекции и иным формам жестокого обращения с живыми существами. Эти гуманистические импульсы стали интеллектуальной предпосылкой для формирования современных концепций. Появление теорий утилитаризма, естественных прав животных, политического гражданства животных и «подхода потребностей» отражает смещение акцента с утилитарного

⁸⁵ См. *Кожевников Г.А.*, 1907. Против весенней охоты // Охотничий вестник. N 11. С. 170-171.

⁸⁶ Архив РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 47. С. 18-19.

⁸⁷ Прим. Татьяна Николаевна Павлова — руководитель Центра этичного отношения к животным (ЦЭОЖ, г. Москва), Ученый секретарь Комиссии по проблеме этики отношения к животным Комитета по биоэтике РАН, участвовала в разработке ныне действующего Федерального закона «Об Ответственном обращении с животными».

⁸⁸ См. *Павлова Т.Н.* Биоэтика в высшей школе. М.: Изд-во МГУ, 1997. 75 с.

⁸⁹ См. *Павлова Т.Н.* Экологическая антология / сост. В.И. Данилов-Данильян. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С.270.

⁹⁰ См. *Павлова Т.Н.* Думая, как гора: сборник эссе по экологической этике / под ред. Ю.Е. Горячева. М.: Социально-экологический союз, 1998. С 287.

использования животных к восприятию их как существ, обладающих внутренней ценностью и правами, свободами, интересами. Такая трансформация политико-правовой мысли формирует теоретическую основу для постановки вопроса о возможной правосубъектности животных и разработки правовых моделей, способных учесть их особое положение между классическими категориями объекта и субъекта права.

§2. Влияние правопонимания на подходы к определению правового положения животных

Юридический позитивизм как приоритетное направление в современной теории права представляет собой попытку очистить правовую науку от метафизических, религиозных и моральных допущений. Так, Ганс Кельзен, в своей «Чистой теории права» настаивал на том, что право должно изучаться исключительно как иерархия норм, без обращения к их ценностному содержанию или социальной справедливости⁹¹. Право в данной парадигме существует автономно, а его источником является не природа, а воля законодателя. В этой логике субъектом права признаётся лишь то лицо, чьи права и обязанности прямо установлены в тексте закона. Такое понимание исключает возможность признания животных субъектами права, поскольку они не обладают ни правоспособностью, ни дееспособностью, не могут быть участниками правоотношений, не несут юридической ответственности. В логике юридического позитивизма, в которой отсутствует возможность признания «правосубъектности» животных на основе философского обоснования, животные оказываются в статусе объектов. Это положение глубоко укоренено в гражданском праве большинства стран, где животные, наряду с вещами, включены в категорию имущества. Однако современное

⁹¹ См. *Кельзен Г.* Чистое учение о праве / Пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лёзова; под ред. М. В. Антонова. 2-е изд. Санкт-Петербург: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2015. С. 7–9.

законодательство демонстрирует всё более очевидное расхождение между формальной конструкцией позитивизма и общественной моралью. Несмотря на формальный статус «вещи», животные уже обладают определенным уровнем правовой защиты, что вступает в противоречие с базовой установкой юридического позитивизма. Наиболее очевидной формой такого конфликта становится институт права собственности на животных. В классической модели имущественных правоотношений собственник обладает правом полного распоряжения вещью, вплоть до ее уничтожения. Однако в отношении животных это право ограничено рядом императивных норм, запрещающих жестокое обращение, истязание, излишние страдания или бесцельное умерщвление даже владельцем⁹². Это означает, что в теле позитивистского права появляется аксиологическая трещина: животное не совсем вещь, но и не субъект. Так, § 90а Гражданского кодекса Германии прямо указывает, что «животные не являются вещами», но к ним применяются правила о вещах, если иное не установлено законом⁹³. Аналогичное положение содержится в статье 515-14 Гражданского кодекса Франции, где животные названы «чувствующими существами»⁹⁴.

Современная теория права все чаще сталкивается с феноменом гибридных правовых форм, находящихся на границе между традиционными категориями субъекта и объекта. Животные выступают ярчайшим примером этой тенденции. Их способность испытывать чувства схожие с человеческими, их социальная значимость требуют эффективных механизмов защиты, однако

⁹² См. Уголовный кодекс Российской Федерации, ст. 245 «Жестокое обращение с животными» // СПС КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 05.01.2025); Tierschutzgesetz (TierschG) vom 24. Juli 1972 (BGBl. I S. 1277), §§ 1, 17. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/tierschg/> (дата обращения: 05.01.2025); Ley 7/2023, de protección de los derechos y el bienestar de los animales , Art. 27-30 // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-2023-7477> (дата обращения: 05.01.2025).

⁹³ Bürgerliches Gesetzbuch (BGB) § 90a «Tiere» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/90a.html> (дата обращения: 05.01.2025).

⁹⁴ Code civil Artю 515-14 [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000030250342/ (дата обращения: 05.01.2025).

современная юриспруденция не располагает адекватными правовыми конструкциями, позволяющими придать им юридический статус субъекта без подрыва существующей нормативной архитектуры. Наиболее показательной в этом контексте является теория «живого имущества» профессора права Дэвида Фавра⁹⁵. Учёный, опираясь на юридический позитивизм, предлагает не разрушать правовую систему, а трансформировать её изнутри: рассматривать животных как особую категорию собственности, обладающую собственными интересами, подлежащими защите через механизмы опеки. Фавр фактически смещает позитивистскую парадигму в сторону этико-правового компромисса. Его идея «живого имущества» созвучна позиции мягкого позитивизма, развитой Г. Хартом⁹⁶ и Дж. Разом⁹⁷, допускающих включение моральных принципов в правовую систему при условии их законодательного закрепления. Такая интерпретация открывает путь к юридическому признанию базовых интересов животных (жизни, свободы от страданий) без необходимости провозглашать их полноправными субъектами.

Современные позитивисты, подобно профессору права К. Санстейну, также стремятся к трансформации классических представлений. Санстейн рассматривает положение животных в контексте публичного права и утверждает, что эффективная защита возможна без приравнивания их к субъектам права⁹⁸. Он предлагает использовать механизмы процессуального представительства, аналогичные тем, что применяются к

⁹⁵ См. Favre D. Living Property: A New Status for Animals Within the Legal System / D. Favre // *Marquette Law Review*. 2010. Vol. 93, No. 4. P. 1021–1032.

⁹⁶ См. Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 302 с.

⁹⁷ См. Раз Дж. Авторитет права. Эссе о праве и морали / пер. с англ. И. Дягилевой; под науч. ред. Д. Раскова. (Философия права). Москва: Издательство Института Гайдара, 2021. 552 с.

⁹⁸ См. Sunstein C.R. The Rights of Animals: A Very Short Primer // *University of Chicago Law School Public Law and Legal Theory Working Paper N59*. 2002. P. 27-30. [Электронный ресурс]. URL: https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1339&context=public_law_and_legal_theory. (дата обращения: 29.10.2025).

несовершеннолетним или недееспособным лицам⁹⁹. Давление со стороны моральной философии, зоозащитного движения и биоправовой доктрины приводит к необходимым трансформациям позитивистской модели: закон вынужден учитывать моральное чувство большинства, даже если это не соответствует логике данного подхода. В этом смысле биоэтический протест становится катализатором правовой эволюции.

Таким образом, юридический позитивизм, в своей классической форме, на протяжении столетий удерживал животных в статусе объектов, исключая возможность их юридического признания и охраны как субъектов права. Однако внутренняя логика системы подвергается давлению со стороны биоэтических принципов. Введение новых категорий, таких как «чувствующее существо», «объект с охраняемой ценностью» свидетельствует о зарождении новой модели права, в которой юридический позитивизм трансформируется в более гибкую, ценностно-ориентированную систему.

Вопрос правосубъектности животных тесно связан с естественно-правовой теорией права. Как показывает современная юриспруденция, юснатурализм — это учение, исходящее из существования права высшего порядка, которое принадлежит каждому существу от природы. Истоки подобного взгляда можно проследить у Аристотеля, который в «Никомаховой этике» писал, что «справедливое от природы выше справедливого по закону». Если естественное право отражает объективный порядок природы, то лишение животных права на жизнь или на свободу от страданий не может быть признано правомерным, даже если оно разрешено законом. Важно понимать, что в этой модели понятие «природы» имело антропоцентрический характер: права принадлежали исключительно человеку как существу, обладающему разумом и волей. Животные же рассматривались как часть природного порядка, предназначенная для служения человеку.

⁹⁹ См. *Sunstein, C.R. Standing for Animals (with Notes on Animal Rights) // University of Chicago Law School, Public Law and Legal Theory Working Paper No. 6. Chicago, 1999. P. 37-45. [Электронный ресурс]. URL: <https://dash.harvard.edu/entities/publication/73120378-d028-6bd4-e053-0100007fdf3b> (дата обращения: 29.10.2025).*

Тем не менее уже в эпоху Просвещения начинает формироваться иная интерпретация естественного закона, связанная не с рациональной природой человека, а с чувственной природой живого. Этот сдвиг особенно ярко проявился в натурализме Дэвида Юма, где мораль впервые выводится не из разума, а из чувств. Юм утверждает, что моральные суждения формируются не посредством рассудка, а благодаря способности сочувствовать страданиям другого. Эта способность распространяется не только на людей, но и на животных, которые вызывают аналогичные реакции. Мы испытываем отвращение к жестокому обращению с ними не потому, что нам так велит закон, а потому что наша природа не выносит страдания другого, даже если этот другой не принадлежит к человеческому роду¹⁰⁰.

Если права человека базируются на автономии, свободе воли и способности к моральному выбору, то права животных выводятся из другой, но не менее значимой характеристики — из способности чувствовать боль, стремиться к благополучию и избегать угроз. С точки зрения естественного права, эти качества делают животное не просто объектом охраны, а моральным субъектом, носителем внутренней ценности. Как писал Том Риган, каждое живое существо, обладающее восприятием и памятью, является «субъектом жизни», и потому имеет врождённое достоинство, не сводимое к полезности¹⁰¹. Это достоинство и есть основа его естественных прав. В книге «В защиту прав животных» Риган формулирует центральное понятие своей концепции — «субъект жизни». Под этим он понимает любое живое существо, которое обладает сознанием, восприятием, памятью, предпочтениями, интересами и чувством собственного благополучия¹⁰². То есть, речь идёт о существе, способном воспринимать мир, иметь субъективный опыт и стремиться к сохранению своей жизни. Эта способность к восприятию и

¹⁰⁰ См. Юм, Дэвид. Трактат о человеческой природе: Кн. 1 // Пер. с англ. [и предисл.] Софии Церетели. Юрьев: тип. Э. Бергмана, 1906, С. 349-357, 367-369.

¹⁰¹ См. Regan T. The Case for Animal Rights / Berkeley: University of California Press, 1983. P. 230-234.

¹⁰² Ibid. P. 120-121.

осознанному переживанию становится критерием морального статуса. Согласно Ригану, все субъекты жизни обладают внутренней ценностью, которая не зависит от их пользы для других. В отличие от утилитаристов (в частности, Питера Сингера), Риган утверждает, что нельзя оправдать нарушение прав одних существ ради пользы других.

В этом ключе любопытен подход Г. Солта. В своем труде «Права животных: рассмотренные в связи с общественным прогрессом» он выделяет три базовых категории прав животных:

Право на жизнь как необходимая граница, запрещающий уничтожение животного без крайней необходимости;

Право на свободу как ограничение на содержание в неволе, эксплуатацию, порабощение, не вызванные соображениями безопасности или защиты;

Право на освобождение от ненужных страданий как всеобщий этический минимум, отрицающий допустимость страданий животных, причиняемой с целью выгоды, науки или развлечения.

В своей аргументации он систематически анализирует каждую из форм нарушений этих прав: охоту, бойни, вивисекцию, скотобойни и т.п., подвергая критике не только действия, но и идеологию, которая их оправдывает¹⁰³.

Современная международная практика защиты животных наглядно демонстрирует, как естественно-правовые идеи воплощаются в общепринятых стандартах. В 1979 году британский Комитет по благополучию сельскохозяйственных животных сформулировал пять фундаментальных свобод, которые признаны во всём мире как минимальные права животных: свобода от голода и жажды; свобода от дискомфорта; свобода от боли, травм и болезней; свобода выражать нормальное поведение; свобода от страха и

¹⁰³ См. *Salt H.S. Animals' Rights: Considered in Relation to Social Progress* / H. S. Salt. London: G. Bell & Sons Ltd., 1892. P.67-71.

стресса¹⁰⁴. Эти принципы, на первый взгляд, касаются лишь условий содержания животных, но, по сути, отражают естественно-правовую идею защиты базовых интересов живого существа. Они не требуют от животного разумности или иных способностей — достаточно самого факта жизни, чтобы право признало за животное субъектом права. В этом контексте сопоставление прав человека и животных сводится к единому принципу: существование каждого существа само по себе представляет ценность. Для человека из этого вытекает право на свободу, участие в общественной жизни; для животного — право на жизнь, на физическое и психическое благополучие. Государство, закрепляя эти принципы в нормах, не создаёт право, а лишь подтверждает естественный порядок. Естественно-правовая аргументация при этом не уравнивает животных с человеком и не снимает различий между ними. Человек остаётся единственным существом, наделённым полной правоспособностью. Именно поэтому естественное право возлагает на человека обязанность быть гарантом и представителем животных в публичном пространстве. Такое понимание превращает право человека из привилегии в обязанность — защищать тех, кто не может защищаться сам.

Социологическая школа права исходит из того, что юридическая реальность формируется не в текстах законов, а в самом обществе. Право — это живой порядок, возникающий в результате взаимодействия людей, институтов и практик, а не просто совокупность формально закреплённых норм. В этом смысле, как писал Э. Эрлих, «истинное право — это право живое», то есть нормы, реально действующие в поведении и сознании людей¹⁰⁵. Социологическое правопонимание переносит акцент с нормы права на реально существующие правоотношения. В контексте правового положения животных этот подход открывает принципиально новую

¹⁰⁴ Universal Declaration on Animal Welfare (UDAW) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldanimalprotection.ca/our-work/global-animal-protection/universal-declaration/> дата обращения: 29.10.2025).

¹⁰⁵ См. Антонов М. В. Путь и перспективы правового учения Ойгена Эрлиха // Правовая мысль: история и современность. 2021. С. 40.

перспективу. Если естественно-правовая школа обосновывает их права через идею внутренней ценности живого, то социологическая школа рассматривает животных через призму социальных ролей, которые они фактически играют в человеческом обществе. Здесь объем прав животных не имеет первоначального закрепления, а вытекает из социальной практики — из того, как животные участвуют в отношениях собственности, труда, семьи, медицины и иных сфер. Иными словами, «статус» животных можно связать с выполняемыми в социуме ролями: члены семьи, служебные партнёры, участники судебных дел в качестве жертв насилия или деления имущества хозяев, и даже (со)граждане. Например, собаки-поводыри, полицейские кони, домашние питомцы в делах о разделе имущества фактически становятся участниками таких правоотношений.

Одним из наиболее ярких современных проявлений социологического правопонимания в отношении животных является концепция «Зоополис», предложенная Сью Дональдсон и Уиллом Кимликой. Авторы исходят из того, что животные — это не изолированные существа, а постоянные участники человеческих сообществ, имеющие устойчивые формы участия в общественной жизни. В своей модели Дональдсон и Кимлика предлагают три типа статуса животных, каждый из которых отражает специфическую форму социального включения¹⁰⁶.

Показательно, что современные суды в Испании, Латинской Америке и США всё чаще рассматривают домашних животных как членов семьи, а не как имущество. В Испании, например, суд в Вальядолиде в 2019 году постановил определить «совместную опеку» над собакой при разводе супругов¹⁰⁷, а в 2021

¹⁰⁶ Прим. подробнее об этой теории см. в п.1 С. 28.

¹⁰⁷ См. SJPI 88/2019 (Juzgado de Primera Instancia núm. 9 de Valladolid, Испания, 27.05.2019) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.derechoanimal.info/sites/default/files/doc-law/Jdo%201%C2%A1%20Inst.%209%20Valladolid%20-%2027%20mayo%202019%20-%20tenencia%20compartida-%20cendoj.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).

году были внесены изменения в Гражданский кодекс, обязавшие суды учитывать благополучие животных в подобных делах¹⁰⁸.

Социологическая школа права раскрывает динамическую сторону правовой реальности, показывая, как идеи и ценности, возникающие в общественной практике, постепенно обретают нормативное выражение. Однако для полного понимания природы права и его способности отражать моральные идеалы одного лишь анализа социальной функции недостаточно. Следующий шаг в эволюции правовой мысли связан с обращением к аксиологическому подходу, который исследует внутренние ценностные основания права и раскрывает его этическую природу.

Как отмечает д.ю.н., профессор А.Н. Бабенко, именно аксиологическая юриспруденция позволяют преодолеть рамки позитивного права и опереться на смысловые и ценностные основания правовой реальности¹⁰⁹. В данном ракурсе проблема положения животных выступает не столько как вопрос юридической техники, сколько как ценностно-мировоззренческий и социокультурный вызов, требующий нового правового мышления. Одним из центральных постулатов аксиологической школы права является утверждение о том, что право представляет собой форму социального бытия, неразрывно связанную с культурными практиками, нормами и убеждениями общества. Из этого следует, что правосознание — это не производная от позитивного закона, а форма социального самосознания, отражающая господствующие ценности, установки и идеалы¹¹⁰.

К.ю.н., доцент И.В. Фабрика, отмечает, что правосознание тесно связано с ментальностью и правовой культурой общества, а следовательно, его

¹⁰⁸ См. Ley 17/2021, de 15 de diciembre, de modificación del Código Civil / Boletín Oficial del Estado, núm. 299, 15.12.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.boe.es/eli/es/l/2021/12/15/17> (дата обращения: 10.01.2025).

¹⁰⁹ См.: Бабенко А.Н. Аксиологические подходы к изучению правовых явлений // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2021. N 5. С. 32–37.

¹¹⁰ См. Бабенко А.Н. Взаимодействие ценностей и норм в процессе становления правовой системы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2015. Т. 15, N 3. С. 7-11.

структура способна трансформироваться под влиянием социальных изменений¹¹¹. Так, например, включение животных в сферу правовой защиты их интересов происходит именно на этом уровне. То есть не через законодательную инициативу, а посредством изменения общественных установок, признания чувствительности животных как юридически значимого признака. Такой подход разрушает традиционное разделение на субъектов и объектов права и открывает путь к признанию животных в качестве переходных участников правоотношений. Одним из ключевых положений работы И.В. Фабрики является понимание правосознания как динамической, креативной структуры, создающей и транслирующей правовые смыслы. Правовые идеи, правовые ценности, правовые установки — это этапы формирования правового отношения к действительности, в том числе и к «иному», к тому, что ранее находилось за пределами юридического признания¹¹². Если животные начинают восприниматься в массовом и элитарном правосознании не как вещи, а как существа, обладающие интересами и ценностью, это изменяет не только общественную мораль, но и основы права. В этом контексте защита животных получает двойное обоснование: с одной стороны, как нравственная обязанность, вытекающая из представлений о справедливости, сострадании и уважении к жизни; с другой как юридически релевантная норма, соответствующая изменяющимся ценностям общества.

Социологические данные, проанализированные в диссертации И.В. Фабрики, указывают на кризис нормативной легитимности, расщепление между нормативными предписаниями и их восприятием в массовом сознании¹¹³. Этот правовой нигилизм может быть преодолен не столько путем

¹¹¹ См. *Фабрика И.В.* Аксиологическая сущность правосознания личности: теоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / И. В. Фабрика. Челябинск, 2007. С.15.

¹¹² См. *Фабрика И.В.* Аксиологическая сущность правосознания личности: теоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / И. В. Фабрика. Челябинск, 2007. С.179-183.

¹¹³ Там же. С. 93-96.

ужесточения контроля, сколько через включение новых ценностей, соответствующих социальному запросу. Включение животных в сферу правового интереса может сыграть роль катализатора этой переоценки. Животные как «моральные маркеры» отражают не только состояние правовой культуры, но и ее потенциальный вектор развития. Их признание в правосознании граждан как носителей ценности способно не только усилить доверие к праву, но и расширить его гуманистические основания, сделать его ближе к универсальным принципам справедливости, гуманности и ответственности. Аксиологический подход к праву исходит из признания того, что ценности — это не простое внешнее приложение к праву, а его фундаментальное основание. Если традиционно эти ценности считались применимыми исключительно к человеку, то современная биоэтическая и правовая мысль меняет этот порядок.

В настоящем исследовании предлагается трёхуровневая иерархия ценностей животных, базовые ценности задают пределы допустимого (императивные запреты), дополнительные конкретизируют позитивные обязанности должной заботы в виде обязанности соблюдать стандарты благополучия и надлежащего обращения, а обеспечительные закрепляют их в практике через соответствующие институты и процедуры (представительство интересов).

Так, к базовым относятся: самоценность животного как существа, ценного независимо от его пользы для человека (что выражается в презумпции уважения к жизни и интересам и в запрете жестокости); чувствительность животных как способность испытывать боль, стресс, страх, удовольствие и иные состояния (отсюда — обязанность предотвращать страдания); уважение к видовой принадлежности и биологическим особенностям животного, требующее сохранения видовой целостности и запрета практик, наносящих вред популяции, за исключением случаев крайней необходимости.

Во-вторых, дополнительные ценности предметно раскрывают базовые охраняемые законом интересы животных: жизнь и свобода от жестокого

обращения (запрет бесцельного умерщвления); об благополучие как совокупность минимальных стандартов содержания и обращения; телесная неприкосновенность; обязательный учет видовых поведенческих потребностей (требования к среде: пространство, социальность, если необходимо запрет депривации); экологической ценности животного как члена сообщества и элемента единой экосистемы (режим охраны среды обитания, миграционных путей и популяционной устойчивости).

В-третьих, обеспечительные ценности. Сюда входят процессуальная защита (введение представителя интересов животного (институт уполномоченного по защите интересов животных), признание публичного интереса и оценка ущерба интересу животного, информационная и учётная компонента (введение реестра животных, контроль в сфере разведения животных) и культурно-символическая составляющая (запрет жестоких зрелищ и ограничения эксплуатации в индустрии развлечений).

В отличие от традиционных школ, стремящихся определить природу права через одну доминирующую категорию (норму, мораль или практику), интегративная юриспруденция рассматривает его как систему, соединяющую ценностное, нормативное и социальное измерения. Это позволяет праву откликаться на новые формы бытия и новые вызовы. Интегративный подход к праву возник как реакция на ограниченность монистических концепций, стремившихся объяснить право либо через волю государства (позитивизм), либо через мораль и природу человека (естественно-правовая школа). Современные теоретики утверждают, что подлинное понимание права возможно только при признании его многоуровневого характера, где сочетаются нормы, ценности, сознание и практика.

Согласно д.ю.н., профессору В.В. Лазареву, право выполняет функцию интеграции общественных отношений, объединяя различные элементы социальной жизни в единую систему смыслов и ценностей¹¹⁴. Эта идея

¹¹⁴ См. *Лазарев В.В.* Интегративное восприятие права // *Юридическая наука: история и современность.* 2017. N 2. С. 20-28.

напрямую перекликается с проблемой отношения человека к животным, где требуется не противопоставление интересов видов, а поиск правового компромисса, основанного на идее гармонии живых существ в едином правовом пространстве. Такое понимание соотносится с принципами экологического гуманизма и биоцентризма, где человек рассматривается как часть природы, а не её владыка.

К.ю.н., доцент Ю.А. Гаврилова видит в интегративной концепции способ преодоления дуализма философии и юриспруденции, предлагая синтез их категорий в единую систему смыслов¹¹⁵. Это особенно актуально в контексте защиты животных, поскольку именно здесь проявляется разрыв между этическими нормами и юридической практикой. С одной стороны, общественное сознание признаёт моральную ценность жизни животных, с другой — действующее право по-прежнему ограничивает их роль рамками права собственности или объектов охраны.

Особое значение для применения интегративного подхода к вопросу правосубъектности животных имеет аспект правосознания. Согласно к.ю.н., доценту М.А. Гусаровой, правосознание является неотъемлемой частью правовой реальности и формируется на основе ценностей и культурных кодов общества¹¹⁶. То есть если общество воспринимает животных как живых существ, способных испытывать определенный спектр реакций, то и право должно постепенно адаптироваться, отражая эти изменения. Это создает основу для формирования новых юридических категорий. В этой связи примечателен пример, рассмотренный в диссертационной работе М.А. Гусаровой: интегративная методология способна преодолеть противоположность западных и славянофильских воззрений, связывая

¹¹⁵ См. *Гаврилова Ю.А.* Интегративная концепция права: от философско-юридического дуализма к синтезу в смысловой теории // *Российский журнал правовых исследований.* 2017. N 1 (10). С. 88-94.

¹¹⁶ См. *Гусарова М.А.* Понятие правосознания в современных интегративных теориях // *Юридическая наука: история и современность.* 2019. N 5. С. 134-141.

правовое мышление с культурно-историческими традициями народа¹¹⁷. Применительно к животным это означает необходимость учета социокультурных особенностей восприятия природы и животных в российском обществе, где традиционно сильны идеи правозащиты животных (например, российские общества покровительства животным). Таким образом, интегративное правопонимание открывает возможность рассматривать животных не только как объекты охраны, но как носителей определённых интересов, признанных правом. В этом контексте можно говорить о формировании особого типа юридической ответственности человека перед живыми существами, где правовые нормы синтезируются с этическими принципами.

Влияние интегративного подхода проявляется и в судебной практике. Как отмечает В.В. Лазарев, суды становятся пространством реализации идеи целостности права, где формируются новые интерпретации справедливости, гуманизма и ответственности¹¹⁸. Наиболее ярко это проявляется в зарубежной судебной практике, связанной с защитой животных, где все чаще применяются именно такие интегративные принципы — баланс интересов государства, общества и природы¹¹⁹.

Развитие науки и технологий в XXI веке привело к глубокому пересмотру представлений о границах права и морали. В области философии права формируется новая парадигма — биоюриспруденция, интегрирующая знания о жизни, биологии, биоэтике и юриспруденции. Она рассматривает жизнь во всех её проявлениях, человеческих и нечеловеческих, как высшую ценность, подлежащую правовой защите. Так, все чаще в научном и общественном дискурсе звучит призыв к выработке биоцентрического правопонимания.

¹¹⁷ См. *Гусарова М.А.* Проблема интегративного подхода к пониманию права и государства в философско-правовом творчестве Н. Н. Алексеева // *Теория и практика общественного развития.* 2020. N 1. С. 112-118.

¹¹⁸ См. *Лазарев В.В.* Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // *Журнал российского права.* 2017. N 7. С. 16-17.

¹¹⁹ Прим. подробнее о зарубежной судебной практике см. в гл. 2.

Идея биоюриспруденции в качестве самостоятельного направления была впервые сформулирована философом права Р. Токарчуком¹²⁰. Первоначально она была ориентирована на человека, однако сама логика этой дисциплины, признание значимости живого, неизбежно ведет к включению в ее правовое поле и животных. В научных трудах д.ю.н., профессора В.Н. Корнева биоюриспруденция определяется как новое направление юридической науки, изучающее жизнь человека и других живых существ как предмет правового регулирования, где центральное место занимают вопросы биоэтики¹²¹. Биоэтика — философско-нормативная основа биоюриспруденции. Она утверждает, что каждое живое существо обладает внутренним достоинством, независимо от пользы для человека¹²². В международных документах¹²³ закреплён принцип уважения жизни во всех её формах.

Д.ю.н., профессор И.А. Кравец предлагает понятие «биоэтическое благополучие», означающее состояние правовой системы, при котором обеспечивается баланс между технологическим развитием и сохранением живого мира¹²⁴. С позиции биоэтики, правосубъектность животных не требует их приравнивания к человеку. Речь идёт о функциональной субъектности — способности быть адресатами правовых норм. Такая позиция уже реализуется в зарубежной практике: в Конституции Индии и Эквадора провозглашены

¹²⁰ См. Токарчук Р.А. Zakresy przedmiotu Historia myśli politycznej i prawnej i Jurysprudencja oraz ich komparatystyka // *Miscellanea Historico-Iuridica*. 2016. Т.15. С. 35-52. [Электронный ресурс]. URL: <https://repozytorium.uwb.edu.pl/jspui/handle/11320/5966> (дата обращения: 09.11.2025).

¹²¹ См. Корнев В.Н. Биоюриспруденция – новое направление в праве и юридической науке XXI века // *Правосудие*. 2021. Т. 3, N 4. С. 8-15.

¹²² См. Lecaros J.A. *Biolaw and Bioethics: Convergences and Divergences* // *International Library of Ethics, Law, and the New Medicine*. 2019, С. 95-97.

¹²³ UNESCO. *Universal Declaration on Bioethics and Human Rights* / Париж: (ЮНЕСКО), 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000146180> (дата обращения: 09.11.2025).

¹²⁴ См. Кравец И.А. Конституционная биоюриспруденция и достижение биоэтического благополучия (часть 1) // *Сравнительное конституционное обозрение*. 2022. N 2 (147). С. 16-42.

права природы¹²⁵, а суды Аргентины и Колумбии признали отдельных животных (например, шимпанзе Сесилию¹²⁶ и медведицу Чуну¹²⁷) «нечеловеческими лицами».

Биоэтика, как подчеркивает д.ю.н., профессор Н.Н. Седова, уже давно вышла за пределы медицинской деонтологии и превратилась в междисциплинарную дисциплину. Биоэтика выступает как связующее звено между этическим восприятием жизни и ее правовым облачением. Если право исходит из системных, кодифицированных норм, то биоэтика предлагает содержательные ориентиры ценности, обязывающие морально, а затем и юридически¹²⁸. Одним из таких ориентиров является принцип «не навреди». В рамках биоэтики он получает универсальное значение и выходит за пределы медицины¹²⁹. При рассмотрении животных в биоэтическом ключе этот принцип требует признания чувствительности животных. Биоэтика, следовательно, формирует концептуальный фундамент для расширения круга участников правоотношений и, соответственно, надлежащей юридической защиты. Важно подчеркнуть, что в контексте биоэтики животные рассматриваются не в качестве объектов охраны, а как существа, по отношению к которым применимы принципы справедливости, ответственности и защиты. Это открывает путь к обоснованию новых моделей правового взаимодействия с животными, включая ответственность за причиненный вред, обязательств по обеспечению условий содержания животных и признание, соответствующей виду, правовой защиты.

¹²⁵ Прим. подробнее об этом см. в гл. 2.

¹²⁶ См. *Zoo de Mendoza s Amparo*, Expte. P-72.254/15. Sentencia del 03.11.2016 / Tribunal de Mendoza (Argentina). [Электронный ресурс]. URL: <https://jurisprudencia.mpd.gov.ar/Jurisprudencia/Archivo/CSJ%205/CSJ%205%20-%202016/CSJ%205%20-%202016%20-%20Cecilia.pdf> (дата обращения: 09.11.2025).

¹²⁷ См. *Sentencia STC4360-2017 del 26.07.2017* / Corte Suprema de Justicia de Colombia. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cortesuprema.gov.co/corte/wp-content/uploads/2017/12/STC-4360-2017.pdf> (дата обращения: 09.11.2025).

¹²⁸ См. *Седова Н.Н.* Биоэтическая парадигма интенциональности в образовательных практиках // *Биоэтика*. 2023. Т. 16, N 2. С. 3-7.

¹²⁹ См.: *Кашипов Ф.А.* Философские основания биоэтики: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01. Челябинск, 2005. С. 38-40.

Так, в трудах профессора, д.ю.н. В.П. Сальникова выделяются такие направления, как правовая перинатология, соматология и танатология, каждая из которых оперирует нормативным содержанием жизни в ее ключевых биофазах: рождение, телесное существование, смерть¹³⁰. Хотя эти категории применяются преимущественно к человеку, они могут быть концептуально адаптированы к живым существам вообще, если принять в качестве общего основания наличие витальности и чувствительности. Животные обладают телесностью, подверженной способностью испытывать боль. Они рождаются, испытывают широкий спектр реакций, умирают. Следовательно, они не только биологические существа, но и носители тех состояний, которые уже признаны юридически значимыми в отношении человека. Защита их жизни, предупреждение страданий, обеспечение этически допустимых условий содержания и обращения становятся не просто актами гуманности, а требованиями внутренне непротиворечивой правовой системы, признающей жизнь как высшую ценность.

Как отмечает Т.Н. Павлова, становление биоэтики в высшей школе и профессиональной культуре сопровождается изменением ментальности и правосознания. Право начинает восприниматься как способ выражения ценностей, укорененных в уважении к жизни. В этом контексте биоэтический императив не является абстрактной нормой, а работает как механизм аксиологической перенастройки юридической культуры. Биоэтика предлагает язык для выражения тех переживаний, которые не вмещаются в традиционные (позитивные) юридические рамки¹³¹. Так, например, когда человек чувствует несправедливость по отношению к животному, он еще не обладает инструментарием для юридического реагирования. Биоэтика заполняет этот пробел: она легитимирует переживания, структурирует их в этические принципы и подводит к юридической воплощению. То есть, трансформация

¹³⁰ См. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Биоюриспруденция: проблема отграничения от схожих правовых конструкций // Юридическая наука: история и современность. 2013. N 10. С.192-193.

¹³¹ Павлова Т. Н. Биоэтика в высшей школе // Биоэтика. 2020. Т. 14, N 3 (51). С. 8-9.

правосознания в биоэтическом ключе становится необходимым этапом институционального признания животных как значимых участников правоотношения.

Подводя итоги, можно заключить, что эволюция правопонимания привела к постепенному смещению границ между субъектом и объектом права применительно к животным. Классический позитивизм, отрицавший возможность их правосубъектности, столкнулся с внутренними противоречиями, когда нормы о запрете жестокости и ограничении права собственности начали отражать ценностное восприятие живого. В ответ на это в правовой доктрине возникли гибридные категории — «живое имущество», «чувствующее существо», «объект с охраняемой ценностью» — отражающие поиск компромисса между нормативной системностью и моральными основаниями. Естественно-правовой подход дополнил этот процесс, выдвинув критерий чувствительности и внутренней ценности жизни как основу правовой защиты. Социологическая и аксиологическая школы, акцентируя роль общественного правосознания, показали, что изменение статуса животных зарождается в социальной практике и ценностных установках. В итоге интегративная и биоюридическая парадигмы объединили эти подходы, оформив новую модель права, где защита животных строится на синтезе позитивных норм, моральных принципов и биоэтических ориентиров.

§3. Проблемы содержания категории «правосубъектности» животных

Эволюция понятия субъекта права отражает не только расширение круга участников правоотношений, но и глубокое переосмысление оснований признания такого статуса. В классической теории права под субъектом права понимается физическое или юридическое лицо, способное обладать правами и нести обязанности. Эта концепция, сложившаяся в рамках римского и впоследствии гражданского права, опиралась на представления о правоспособности, дееспособности и деликтоспособности как обязательных

признаках субъекта. Однако по мере усложнения общественных отношений и развития глобальных процессов традиционные границы правосубъектности начали размываться. Наряду с физическими и юридическими лицами правосубъектность стали приобретать государства, муниципалитеты, международные организации, публично-правовые образования, а также все чаще поднимается вопрос о возможности правового признания искусственного интеллекта. Каждая из этих категорий обладает своими особенностями: государственные и муниципальные образования участвуют в гражданских правоотношениях с сохранением элементов публичного иммунитета; международные организации действуют в рамках специальной правосубъектности, определяемой учредительными актами; публично-правовые корпорации реализуют государственные функции через механизм ограниченной правоспособности; искусственный интеллект пока не признан субъектом, но активно обсуждается в контексте потенциальной ответственности.

Дихотомия субъект-объект представляла собой удобный теоретический инструмент, позволяющий упорядочить правоотношения. Однако ее практическое применение к ряду феноменов вызывало значительные затруднения. Так, в праве уже давно существует категория, выходящая за пределы этой схемы, например, эмбрионы, ИИ, алгоритмы, народы, трудовые коллективы, и конечно животные. В течение столетий животные занимали положение вещей, что было закреплено в законодательстве государств, где к животным применяется режим имущества. Однако начиная с конца XX века наблюдается правовой сдвиг: в ряде стран (Франция, Германия, Швейцария, Португалия и т.д.) в законодательство введены положения, признающие животных чувствующими живыми существами, с охраняемыми законом интересами. Животное утрачивает статус «вещи» в юридическом смысле, но при этом ещё не приобретает свойств полноценного субъекта права. Возникает правовой вакуум, в рамках которого формируется потребность в выработке новой юридической конструкции, способной теоретически объяснить

специфический правовой «статус» таких живых существ. На уровне практики признание подобного промежуточного «статуса» животных могло бы стать основой для повышения эффективности механизмов защиты: создания специализированных институтов защиты, представительства интересов животных, введения самостоятельных составов правонарушений и преступлений против животных, а также ужесточения санкций за жестокое, небрежное обращение с животными.

Современная теория правосубъектности в российской юридической науке демонстрирует высокий уровень концептуальной зрелости и стремление адаптировать традиционные подходы к новым вызовам. Так, д.ю.н., профессор И.Л. Честнов в своих трудах последовательно развивает подход к субъекту права как к феномену, включающему не только формальные юридические параметры, но и социокультурную и аксиологическую наполненность. Он настаивает на необходимости перехода от формальных критериев правосубъектности к содержательному анализу социальной и правовой значимости участника правоотношений¹³². В этой логике правосубъектность понимается как динамическая конструкция, возникающая из взаимодействия человека с правовым и культурным контекстом.

Д.ю.н., профессор С.И. Архипов рассматривает право не как совокупность норм или институтов, а как особую форму бытия субъекта, в которой выражается его правовая воля, сознание и ценностная ориентация. Субъект права, по его мнению, — это не биологическая и не социально-административная единица, а носитель правовой энергии, создающий право в процессе коммуникации с другими субъектами. В своих трудах профессор Архипов определяет субъект права как «центральное начало правовой системы, источник её духовного содержания и носителя правовой воли»¹³³.

¹³² См. Честнов И. Л. Антропологизация правовых понятий как способ преодоления догматизации юриспруденции // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2023. N 1. С. 11-17.

¹³³ См. Архипов С.И. Субъект права (теоретическое исследование). Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 2005. С. 25. 522 с.

С.И. Архипов критикует попытки признания правосубъектности за искусственным интеллектом, роботами и иными нечеловеческими системами. В своей статье он предупреждает, что подобные проекты ведут к дегуманизации права¹³⁴. Учёный указывает, что право, утратив человеческий центр, рискует превратиться в инструмент управления, а не сферу свободы. Вместе с тем он не отвергает идею юридического признания новых участников правовой сферы. С.И. Архипов предлагает ввести категорию «переходных субъектно-объектных состояний», к которым относит технические системы, высокоорганизованных животных и иные феномены, сочетающие свойства субъекта и объекта. Для таких образований он предлагает установить особый правовой режим, обеспечивающий их защиту и регулирование, но не связанный с наделением их полноценной правосубъектностью¹³⁵. Их «миссия» в праве, по его словам, заключается не в выражении воли, а в выполнении технико-вспомогательных и исполнительских функций. Такой подход отличается от классических конструкций правосубъектности своей онтологической глубиной. Он не ограничивается юридической фиксацией статуса, а связывает право с идеей духовного присутствия человека в мире, с его моральной ответственностью перед другими формами жизни.

На этом фоне возникает закономерный вопрос: каким образом следует рассматривать животных в контексте современной правосубъектности? Традиционно право относило животных к категории вещей, объекта собственности. Однако данные современной науки о когнитивных и эмоциональных способностях животных, международная правовая практика, а также философско-этические подходы (утилитаризм, теория справедливости, биоцентризм) подрывают этот редуционистский взгляд. Животные, в отличие от большинства «новых» субъектов, обладают внутренним опытом, способностью испытывать страдания и

¹³⁴ См. *Архипов С. И.* Субъект права в цифровую эпоху // Вестник Гуманитарного университета. 2023. N 4 (43). С. 7-16.

¹³⁵ См. *Архипов С.И.* Субъект права (теоретическое исследование). Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 2005. С. 81-92.

чувствительностью. Это ставит их в особое положение по отношению к, например, юридическим лицам или искусственному интеллекту, поскольку они (животные) не являются результатом правовой фикции, но, напротив, требуют от права признания уже наличествующего статуса.

К.ю.н., доцент Е.В. Пономаревой вводит в юридическую науку новую категорию — «квазисубъект права» — участника, наделённого отдельными правомочиями, но не обладающего полным набором свойств субъекта¹³⁶. Появление категории квазисубъекта в теории права свидетельствует о фундаментальной трансформации традиционного понимания правосубъектности. Квазисубъект — это юридическая конструкция, которая формируется на стыке правовых, этических и философских дискурсов, стремящихся ответить на вызов нормативной невозможности оставлять чувствующих живых существ в статусе безмолвных объектов, не предоставляя им при этом полной правосубъектности, присущей человеку. Квазисубъектность может быть присуща как искусственным системам (ИИ, роботам, алгоритмам), так и живым существам, интересы которых нуждаются в юридическом признании. Е.В. Пономарева подчёркивает, что право может и должно вырабатывать переходные конструкции, позволяющие учитывать интересы таких существ без разрушения традиционного понятийного аппарата¹³⁷.

Схожей точки зрения придерживается к.ю.н., доцент А.А. Головина, отмечающая, что попытки распространить концепт «прав и свобод» на животных свидетельствуют о формировании предпосылок для признания за ними особого, промежуточного статуса — между категориями «объект правоотношений» и «субъект правоотношений»¹³⁸. По мнению

¹³⁶ См. Пономарева Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: УрГЮУ, 2019. 203 с.

¹³⁷ См. Пономарева Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дисс. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: УрГЮУ, 2019. С. 25.

¹³⁸ См. Головина А.А. Квазисубъекты права в современной теории правоотношений: понятие и перспективы развития в XXI в // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023, С. 156-158.

исследовательницы, в перспективе животные могут занять аналогичное положение, которое в современной теории права обсуждается применительно к автономным роботизированным системам. В своей работе А.А. Головина проводит параллель между правовым статусом животных и роботизированных систем, отмечая, что животные занимают особое положение среди объектов права. Они обладают способностью к самостоятельным действиям и элементарным формам автономного поведения, которые в отдельных случаях могут причинять вред имуществу, жизни или здоровью граждан (например, нападение бойцовской собаки). При этом, подчёркивает А.А. Головина, в отличие от роботов, животные способны испытывать простейшие эмоции, ощущать как физическую боль, так и эмоциональные страдания, что принципиально отличает их от искусственно созданных систем и требует иного подхода к их правовому положению¹³⁹.

Д.ю.н., профессор А.П. Семитко в одной из своих работ поднимает вопрос, который в XXI веке приобретает фундаментальное значение: что, если у субъекта права нет воли?¹⁴⁰ Этот, на первый взгляд, риторический вопрос ставит под сомнение само основание классической теории правосубъектности. Ещё со времён римского права субъект рассматривался как носитель воли, способный осознанно действовать, выбирать, нести ответственность. Но если, как отмечает А.П. Семитко, принять выводы естественных наук, согласно которым человеческие решения являются результатом нейронных и биохимических процессов, подчинённых законам физики и химии, то идея автономной «свободной воли» превращается в юридическую фикцию. Профессор Еврейского университета Ю.Н. Харари в своей книге отмечает, что, «вскрыв чёрную шкатулку Homo sapiens, учёные не нашли ни души, ни свободной воли — лишь гены, гормоны и нейроны»¹⁴¹. Эта мысль ставит под

¹³⁹ Там же. С.155.

¹⁴⁰ См. *Семитко А.П.* Рецензия на диссертацию Е. В. Пономаревой «Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения» // Вестник Гуманитарного университета. 2020. N 1 (28). С. 69-75.

¹⁴¹ Там же. С. 70.

сомнение классическое представление о человеке как о существе, наделённом автономной волей — одним из ключевых свойств, которое традиционно лежит в основе правосубъектности.

В этом контексте заслуживает внимания позиция выдающегося российского правоведа Г.Ф. Шершеневича, который писал: «...естественное право выступает в качестве действующего права: это то право, которое должно применяться там, где молчат законы, а иногда и там, где они явно противоречат разуму»¹⁴².

Если принять эту установку, то возникает следующий вопрос: насколько справедливо признавать человека субъектом права, а животное всего лишь объектом? Оба подчиняются детерминизму природы, человек нейронным импульсам, животное — инстинктам. Однако право традиционно строится на предпосылке, что только человек способен к саморегуляции, осознанию норм и моральному выбору. Парадокс современности состоит в том, что нейронаука разрушает эту позицию, а юридическая доктрина её сохраняет. Если воля человека обусловлена биохимией, то он столь же «несвободен», как и любое живое существо. Но право, сохраняя такую конструкцию, тем самым формирует юридическую фикцию. Однако такая фикция, будучи признанной, не должна служить основанием для исключения других чувствующих существ из правового поля.

В этой связи любопытным видится сопоставление положения животных с иными отчасти схожими юридическими конструкциями.

Ограниченная правосубъектность — это конструкция, применяемая к субъектам, чья правоспособность или дееспособность ограничены по объективным причинам. Например, малолетние, лица, признанные недееспособными по медицинским основаниям, юридические лица как фиктивные образования, все они включены в правовую систему через механизм опеки, попечительства, представительства. Перенесение этой

¹⁴² См. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права // СПС Гарант. С. 29. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/3943993/> (дата обращения: 11.04.2025).

модели на животных представляется возможным, поскольку и те, и другие не могут выражать свою волю, но обладают интересами, достойными правовой защиты. Через институт представительства животные могут быть стороной в судебном процессе, например, по искам о жестоком обращении или изъятию из неблагоприятных условий. Такие иски подаются от имени животных их представителями НКО, государственными органами или прокурорами.

Конструкция специального субъекта применяется в тех случаях, когда участник правоотношения признается субъектом не по универсальному признаку, а по функциональному в рамках конкретной отрасли права. Так, субъектами признаются, например, религиозные объединения, политические партии, природные территории, и т.д. Животное как специальный субъект может быть признано в рамках законодательства о защите животных, где оно становится центральным адресатом норм, направленных на предотвращение страданий, регулирование условий содержания и обращения. Такая конструкция не признает за животным отдельного правового «статуса», а лишь предоставляет ему роль «объекта охраны».

Одним из центральных теоретико-правовых препятствий к признанию животных субъектами права остается аргумент об обязанностях, который утверждает, что правосубъектность немислима без способности исполнять юридические обязательства. Однако несовершеннолетние, лица с психическими расстройствами, пациенты в коме и другие лица признаются субъектами права. Они обладают правами, подлежат защите, и их интересы представляются в праве через институты опеки, попечительства или государственного представительства. Следовательно, аргумент об обязанностях применим лишь в контексте юридической ответственности, но не в вопросе признания правосубъектности как таковой. Сильвина Пеццетта подчеркивает, что аргумент об обязанностях является по сути идеологическим механизмом исключения, созданным для поддержания антропоцентрического ядра правовой системы. Она указывает, что животные уже вовлечены в социальные отношения, взаимодействуют с людьми и зависят от них, а значит,

заслуживают включения в правовое пространство на тех же основаниях, что и иные уязвимые субъекты права.

Правовой статус несовершеннолетних основан на признании за ними правоспособности с частичной дееспособностью. Их участие в правоотношениях осуществляется через законных представителей (родителей, опекунов или органы опеки). Однако сам факт их включенности в систему права, возможность быть стороной в судебном процессе (например, в делах о защите прав ребенка), получение имущественных и личных прав позволяет рассматривать их как полноправных участников правоотношений, несмотря на отсутствие у них автономной юридической воли. Несовершеннолетние обладают индивидуальностью, воспринимаются как обладатели интересов, достойных охраны, и признаются частью морального и правового сообщества. Их неспособность к юридической автономии не воспринимается как препятствие к наделению их правами.

Лица, признанные юридически недееспособными, также продолжают быть субъектами права. Их правосубъектность сохраняется, несмотря на невозможность самостоятельного волеизъявления, а защита их интересов осуществляется через механизм представительства. Как и в случае с несовершеннолетними, в отношении недееспособных обеспечивается юридическая защита на основе его восприимчивости к рискам, зависимости от других и ограниченной автономии. Доктринально этот подход основан на идее, что субъектом может быть и тот, кто не способен к самостоятельному действию, но нуждается в правовой защите. Именно эта логика лежит в основе современного расширительного понимания субъектности, которое становится все более значимым в контексте биоэтики и юриспруденции.

Таким образом, между несовершеннолетними, недееспособными и животными обнаруживаются важные точки соприкосновения: все три случая не способны к юридической автономии, но обладают интересами, которые могут быть нарушены и потому требуют защиты. Эти интересы становятся источником обязанностей для других как частных лиц, так и государства.

Юридический механизм представительства и опеки, уже применяемый к детям и недееспособным, может быть адекватно адаптирован и к защите интересов животных. Животные, в этом контексте, это уязвимые субъекты права, чья правовая значимость проистекает из зависимости от человека и из наличия охраняемых интересов.

Современное право демонстрирует высокую степень правовой гибкости, признавая субъектами не только физических лиц, но и образования, лишенные сознания, чувствительности и физического воплощения.

Сопоставление физического и юридического лиц наглядно показывает разные логики использования фикции. Правовой статус физического лица строится как абстракция над реальным человеком: право выделяет юридически значимые свойства — имя, возраст, дееспособность, место жительства — и связывает с ними последствия. Здесь нет отсылки к «иной» ситуации: субъектом остаётся конкретный человек, чья воля и действия и образуют фактическую основу регулирования. Лишь в особых случаях (например, защита интересов ещё не родившего или уже умершего) правопорядок прибегает к фикции, но это исключение, а не характеристика физического лица в целом. Иная природа у юридического лица. Корпорация — нормативно созданный субъект, чьи действия совершают люди, однако право предписывает считать эти действия действиями самой организации, а имущественные права — её собственными. Юридические лица, согласно этой типологии, это инструментальные конструкции, чья правосубъектность обусловлена полезностью и удобством юридического оборота. Животные же, будучи реальными, чувствующими и страдающими существами, ближе ко второй категории: они обладают реально подтвержденной способностью к переживанию боли, эмоций, социальному взаимодействию и наделены инстинктом самосохранения. Именно в этой связи возникает парадокс: право предоставляет более высокую степень субъектности корпорациям, чем чувствующим существам.

В рамках этой логики, профессор права исследовательского Университета Пеппердин Ричард Купп предлагает модель субъектности, согласно которой определенные правовые режимы могут признавать за животным статус субъекта в зависимости от функции регулирования. Так, в сфере уголовного права животное может быть признано жертвой, в гражданском — объектом охраняемых минимальных «прав», в административном являются участником процедур по надзору, содержанию и обращению. Важно, что профессор Р. Купп не считает нужным уравнивание животных и юридических лиц, а напротив, подчеркивает, необходимость критически пересмотреть привилегированный статус искусственных образований в свете объективной значимости реальных, чувствующих существ¹⁴³.

Аналогичного подхода придерживается американский исследователь Дж. Кайт, доцент Университета Небраски, который отмечает, что между правовым статусом корпораций и потенциальным статусом животных существует существенное сходство. По его мнению, «имеется более чем достаточно оснований для защиты и расширения прав животных: та же правовая база, которая применяется к корпорациям, может и должна быть использована для признания животных юридическими лицами. Аргумент прост — благодаря своему разуму, когнитивным способностям и эмоциональному интеллекту животные заслуживают статуса юридического лица»¹⁴⁴.

Итак, попытаемся перенести конструкцию юридического лица на животных. Явный аргумент в пользу такой модели — это возможность вести

¹⁴³ См. *Cupp, R.L.*, Moving Beyond Animal Rights: A Legal Contractualist Critique (May 29, 2009) // Pepperdine University Legal Studies Research Paper 2009. Vol. 46, N2. [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=1411863> (дата обращения: 01.01.2025).

¹⁴⁴ См. *Kight, J.* Legal Personhood: An Analysis of the Legal Rights of Nonhuman Animals // *Journal of Animal Ethics*. 2022. Vol.12, N1. P. 23-40. [Электронный ресурс]. URL: <https://scholarlypublishingcollective.org/uip/jane/article-abstract/12/1/23/294267/> (дата обращения: 11.01.2025).

иски «от имени» животного, закреплять целевое имущество в его интересах, устанавливая опеку. Однако прямой перенос такой конструкции на биологическое существо методологически уязвим. «Воля» юридического лица — это результат организованного выражения интересов через органы, тогда как у животного нет воли таковой.

В этом ключе мы вновь возвращаемся к уже знакомой нам фикции квазисубъекта. При таком подходе выражение и защита интересов осуществляются через установленного представителя: опекуна, уполномоченную НКО или публичного защитника при органе власти¹⁴⁵. Такая фикция совместима с действующими институтами, не требует приписывать животному «волю» и даёт измеримый практический эффект: легче вводить специальные составы правонарушений против животных, усиливать санкции за жестокость, закреплять обеспечительные меры вроде изъятия из опасных условий, запрета эксплуатации, установления обязательных стандартов содержания и т.д. Схожесть этой модели с фикцией юридического лица в том, что и там, и здесь в правовую коммуникацию включают то, что не обладает человеческой волей; действует представитель, а последствия закрепляются за иным носителем. Но решающее отличие — в цели и адресате. Для юридического лица фикция создаёт самостоятельного носителя прав и обязанностей. Для животного — она преобразует биологические видовые потребности животного, его интересы, в юридическую категорию, не навязывая живому существу чуждой ему «воли». То есть, исключение животных из правового сообщества лишь на основании их неспособности к

¹⁴⁵ Прим. В России с 2016 года предпринимаются неоднократные попытки законодательного закрепления института уполномоченного по защите животных. Последняя попытка была в 2025 году, — проект отклонен. См. Проект федерального закона N 493859-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части совершенствования регулирования отношений в области обращения с животными)» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/493859-8> (дата обращения: 10.06.2025). Подробнее об институте УПЖ см. *Чайка Ю.В.* Проблема становления института уполномоченного по правам животных в России: теоретико-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. N 7 (194). С. 84-85.

воле — это не правовая необходимость, а политико-правовой выбор. Сравнение с несовершеннолетними и недееспособными показывает, что уже существует действенный инструментарий представительства и защиты таких субъектов. Сравнение животных с юридическими лицами позволяет лишний раз подчеркнуть: если фиктивное, неживое образование может быть субъектом права, то тем более схожая юридическая фикция должна быть применима к действительно живым существам.

Рассуждая о категориях субъекта права, невозможно обойти вниманием проблему антропоцентризма, неизбежно возникающую при их теоретическом осмыслении. Современная юридическая наука переживает этап переосмысления оснований, на которых строится представление о субъекте права. На протяжении нескольких столетий господствующей методологией правопонимания оставался антропоцентризм — представление о человеке как центральной фигуре и единственном носителе правового статуса. Эта установка, закреплённая в европейской правовой традиции эпохи Просвещения и кодифицированная в концепции естественных прав, стала не только основой современного правового государства, но и одновременно источником ограничений юридического мировоззрения. Как отмечает Е. А. Капитонова, именно антропоцентризм породил кризисные явления в праве, когда идея абсолютного приоритета личности над обществом привела к утрате баланса между правами и обязанностями, свободой и ответственностью¹⁴⁶. Антропоцентрическая модель, исходившая из исключительности человека, изначально формировалась в гуманистическом контексте, однако по мере развития правовой мысли стала проявлять свои методологические пределы. Юридическая реальность XXI века требует более широкого взгляда на систему субъектов, включающего не только человека, но и иные формы социальной и биологической организации — коллективные образования, искусственный

¹⁴⁶ См. Капитонова Е.А. Кризис антропоцентризма в современной правовой науке // Современные проблемы права и государства: межвузовский сборник научных трудов. 2023. N 2. С. 56-64.

интеллект, природные объекты. Сужение понятия субъекта права исключительно до человека больше не отражает сложность современного мира и порождает многочисленные противоречия, особенно в сфере экологического и цифрового регулирования.

В этом контексте особое значение приобретает подход, предложенный Д. А. Пашенцевым, который рассматривает антропоцентризм не как неизменную данность, а как методологическую позицию, требующую трансформации. По мысли учёного, современная постклассическая наука должна рассматривать право не как совокупность норм, а как систему, конструируемую субъектом в процессе правового поведения. Однако сам субъект перестаёт быть исключительно человеком — он становится элементом более широкой правовой реальности, формируемой множеством взаимодействующих факторов: социальных, технологических, экологических¹⁴⁷. Антропоцентризм в таком понимании трансформируется в конструктивистскую парадигму, где субъектом права является не просто индивид, а деятельный элемент сложной правовой системы, способный конструировать нормы через практику их применения. Если традиционный антропоцентризм исходил из постулата автономной человеческой воли, то современная юридическая теория всё чаще ставит под сомнение саму эту предпосылку. Появление искусственного интеллекта, обладающего элементами автономного принятия решений, и одновременное признание в науке детерминированности человеческого поведения биологическими и социальными факторами подрывают привычное разграничение между субъектом и объектом права. То есть, антропоцентрическая модель теряет теоретическую устойчивость, когда оказывается, что граница между «человеческим» и «нечеловеческим» участием в праве становится всё менее очевидной. Выход из этого кризиса, по мнению Е. А. Капитоновой, возможен через переосмысление самой категории правового статуса личности. Учёная

¹⁴⁷ См. Пашенцев Д.А. Антропоцентризм как преодоление нарратива в историко-правовых исследованиях // История государства и права. 2022. N 13. С. 5-10.

предлагает заменить акцент с «правового статуса» на «правовой модус личности» — понятие, отражающее не только совокупность прав, но и ответственность, ограничения и социальные обязательства человека перед обществом. Такая категория позволяет восстановить баланс между управомочивающими и обязывающими элементами правового регулирования, что особенно важно в условиях нарастающего правового индивидуализма¹⁴⁸.

Таким образом, проблема правосубъектности животных отражает кризис традиционной дихотомии «субъект-объект» и необходимость поиска переходных правовых форм. Современная юридическая мысль приходит к выводу, что животные не могут рассматриваться лишь как имущество, поскольку обладают чувствительностью, индивидуальными интересами и способностью испытывать страдания, стресс и прочие реакции. Вместе с тем они не соответствуют классическим критериям правосубъектности: правоспособности, дееспособности и волеизъявлению. В этих условиях формируются гибридные конструкции: «квазисубъект», «переходное субъектно-объектное состояние», «функциональная субъектность». Эти модели позволяют включить животных в правовую сферу через институты представительства и опеки, аналогичные применяемым к несовершеннолетним и недееспособным. Признание их квазисубъектами означает не уравнивание с человеком, а юридическое признание их уязвимости и внутренней ценности.

§4. Формирование экологичного общественного правосознания

Формирование экологического правосознания — одно из важнейших направлений современного государственного и образовательного развития России. В условиях глобальных экологических вызовов и усиления биоэтической повестки право призвано не только регулировать отношения

¹⁴⁸См. *Капитонова Е.А.* Правовой модус личности: генезис термина и новый подход к его трактовке // Государственная служба и кадры. 2019. N 3. С. 54–56.

человека с окружающей средой, но и формировать ответственное отношение к другим живым существам. Это направление получило конституционное закрепление: согласно пункту «е» статьи 114 Конституции Российской Федерации, к полномочиям Правительства отнесено «формирование в обществе ответственного отношения к животным», что подразумевает просветительскую деятельность и воспитание бережного отношения к ним, в том числе у молодёжи¹⁴⁹. То есть, государство впервые официально признало необходимость развития этико-экологического правосознания, основанного на принципах гуманизма и соучастия человека в экосфере.

Как отмечает В. И. Андрейцев, экологизация правосознания личности становится не факультативным, а структурным элементом правового мировоззрения, направленным на гармонизацию отношений человека и природы¹⁵⁰. В этой связи правозащита животных рассматривается не только как правовое, но и как эконософское явление — результат мировоззренческой трансформации, при которой человек осознаёт себя не властителем, а ответственным участником единой экосистемы. Эконософия права, согласно А. И. Грачёву, формирует ценностно-методологические основания для экологизации законодательства, подчеркивая, что устойчивое развитие невозможно без признания приоритета природного бытия и охраны всех форм жизни¹⁵¹. Применительно к животным это означает, что их защита должна пониматься не как ограниченная область законодательства, а как часть общей стратегии экоправовой справедливости. Иными словами, гуманное отношение к животным становится индикатором зрелости правовой системы и уровня правового сознания общества.

¹⁴⁹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными 1 июля 2020 г.) / СПС Гарант [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/10103000/> (дата обращения: 01.01.2025).

¹⁵⁰ См. *Андрейцев В.И.* Эконософия права и экологизация правосознания личности // Эконософия права: экология и право человека. М., 2021. С. 45-53.

¹⁵¹ См. *Грачёв А.И.* Эконософские основы правотворчества. М.: ИНИОН РАН, 2020. С. 130—136.

Существенную роль в развитии экологически ориентированного правосознания способна сыграть новая междисциплинарная область юридической науки и педагогики — специальная дисциплина «Правозащита животных», которая по своему содержанию и целям соотносится с зарубежным направлением «*Animal Law*». Как отмечает доцент факультета права Университета Виктории (Канада) Маниша Декшха становление «*Animal Law*» как академического направления обусловлено не только необходимостью регуляции, но и критическим переосмыслением самой природы права¹⁵².

В соответствии с экософским подходом, развитие такой специальной дисциплины должно способствовать не только изменению норм, но и трансформации мышления. Доктор философии, профессор Университета Эдинбурга Джилл МакКей утверждает, что включение биоэтики и изучение «*Animal law*» в образовательные программы формирует системное мышление, способность оценивать долгосрочные экологические последствия юридических решений и готовность защищать интересы живых существ как участников общей биосферы¹⁵³.

На международном уровне процессы преподавания такой специальной учебной дисциплины уже носят системный характер. В США более 150 юридических школ включили дисциплину в учебные программы; в Австралии, Канаде и Бразилии курсы по праву животных получили аккредитацию и признание академического сообщества⁶. Ассоциации, такие как «Фонд правовой защиты животных» (ALDF)¹⁵⁴, способствуют развитию образовательных платформ и исследовательских центров, объединяющих

¹⁵² См. *Deckha M. Critical Animal Studies and Animal Law // Animal Law. 2012. Vol. 18, N2. P. 207-236.*

¹⁵³ См. *MacKay, J.R.D. Discipline-Based Education Research for Animal Welfare Science // Frontiers in Veterinary Science. 2020. Vol. 7, Art. 7. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fvets.2020.00007/full> (дата обращения: 05.01.2025).*

¹⁵⁴ *Animal Legal Defense Fund (ALDF) [Электронный ресурс]. URL: <https://aldf.org/> (дата обращения: 12.11.2025).*

юристов, философов и экологов. Как справедливо отмечает профессор права Сайман Бруман, признание «*Animal Law*» напрямую зависит от интеграции этой дисциплины в базовую структуру юридического образования¹⁵⁵.

В российском контексте формирование правозащиты животных как академического направления тесно связано с задачами экологизации права. Несмотря на недостаток специализированных нормативных актов, ряд университетов (НИУ ВШЭ, СПбГУ) уже внедряют элективные курсы по биоэтике и схожим специальным дисциплинам по защите животных. По мнению Т.Н. Павловой, биоэтическое образование юристов способствует развитию эмпатийного мышления и способности видеть за юридической нормой живое существо, нуждающееся в защите¹⁵⁶.

Следует подчеркнуть, что правозащита животных как научная дисциплина не ограничивается изучением действующих норм. Её цель — переосмысление самих оснований правового мышления. Концепты квазисубъектности, правового положения животных, представительства интересов становятся конкретными инструментами новой юриспруденции. В целом, экософский подход к правозащите животных позволяет рассматривать её как часть более широкой задачи — формирования экологичного правосознания. Важно понимать, что гуманное отношение к животным не вторично по отношению к «человеческому» праву, а является его естественным продолжением.

Формирование экологичного правосознания отражает переход от утилитарного отношения к природе к этической модели, в которой человек осознаёт себя частью единой экосистемы и несёт ответственность за все формы жизни. Государственное признание необходимости воспитания гуманного отношения к животным закрепило этот вектор на конституционном уровне, превратив экологизацию правосознания в элемент правовой культуры.

¹⁵⁵ См. *Brooman S.* Animal Law, Education and the Future of Legal Thinking // *Journal of Animal Law and Ethics*. 2020. Vol. 13, No. 2. P. 45-60.

¹⁵⁶ См. *Павлова Т.Н.* Биоэтика в высшей школе. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 56-68.

Экософия права формирует методологическую основу для такого сдвига, объединяя юридические, философские и биоэтические принципы в единую концепцию. В этом контексте гуманное обращение с животными становится показателем зрелости правовой системы. Важнейшим инструментом развития экологичного мышления выступает правовое образование: включение дисциплин по биоэтике и праву животных формирует у будущих юристов способность видеть в праве не только нормативную систему, но и средство защиты живого. Таким образом, формирование экологичного правосознания — это не частная задача просвещения, а стратегическое направление развития современного права, обеспечивающее его гуманизацию и устойчивость в условиях глобальных биосферных вызовов.

По итогам главы определены философско-правовые детерминанты и концептуальные подходы, обусловившие постепенную трансформацию правового мышления и развитие институтов, направленных на признание и защиту правового «статуса» животных. На протяжении веков происходит постепенная трансформация правового мышления: от позитивистского восприятия животного как объекта собственности — к интегративному и биоэтическому пониманию его как живого существа, интересы которого необходимо защищать. Изучение ключевых теорий правопонимания (юридический позитивизм, естественно-правовая школа, социологическая и аксиологическая юриспруденция, биоюриспруденция) показало, что каждая из них по-своему расширяет границы правосубъектности, но именно интегративный подход обеспечивает ценностное и нормативное обоснование необходимости признания за животными особого правового положения. Позитивистская доктрина сохраняет важное значение для юридической системности, однако её применение ограничено рамками вещного статуса животных, что сдерживает развитие эффективных механизмов защиты. Альтернативные теории права предлагают решения, основанные на этических принципах, чувствительности и внутренней ценности жизни, формируя основу для концепции квазисубъектности животных — промежуточной

правовой категории, сочетающей элементы охраны, представительства и ограниченной субъектности. Российская правовая система уже содержит отдельные признаки этой модели: уголовно-правовую и административную защиту, гуманистические оговорки, ограничения вещных прав. Однако отсутствие единой юридической конструкции и четкой понятийной базы делает регулирование фрагментарным и снижает его эффективность.

ГЛАВА 2. МОДЕЛИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПОЛОЖЕНИЯ ЖИВОТНЫХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

§1. Европейский подход к правовому положению животных

Правовые системы Европейского Союза и отдельных стран-членов ЕС представляют собой одни из наиболее развитых и последовательных моделей нормативного регулирования обращения с животными, демонстрирующих устойчивую тенденцию к гуманизации законодательства, включению биоэтических принципов и экологических приоритетов в общую структуру правового порядка. Начав с фрагментарного регулирования в 1970-х годах, ЕС к настоящему времени выстроил многоуровневую систему правового регулирования положения животных, в центре которой — признание животных существами, обладающими чувствительностью, требующими правовой защиты. Эта трансформация, переход к биоцентрическому подходу, ярко прослеживается в эволюции договорного и вторичного законодательства ЕС, судебной практики и стратегических программ в сфере сельского хозяйства, науки и экологии.

Первичный импульс развитию «прав животных» в ЕС был задан с принятием статьи 13 Договора о функционировании Европейского Союза (TFEU), согласно которой при формировании политики в таких секторах, как сельское хозяйство, наука и транспорт, государства-члены обязаны учитывать благополучие животных, признавая их «*sentient beings*» — чувствующими существами¹⁵⁷. Ключевым документом в области защиты животных стала Директива 2010/63/ЕС, в которой закреплён принцип 3R — Replacement, Reduction, Refinement (замена, сокращение, усовершенствование)¹⁵⁸. Эта

¹⁵⁷ Договор о функционировании Европейского Союза (редакция 2016 г.). Статья 13 // EUR-Lex. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2021-0295_EN.html (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁵⁸ Директива 2010/63/ЕС Европейского парламента и Совета от 22 сентября 2010 г. о защите животных, используемых в научных целях // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2010/63/oj/eng>

директива стала поворотной вехой в истории правового регулирования научных экспериментов: она требует применения альтернативных методов исследования, запрещает необоснованные или повторяющиеся опыты над живыми существами, а также обязывает использовать только тех животных, которые содержатся в специальных условиях и в рамках утвержденных протоколов. Впервые на общеевропейском уровне вводятся нормы, основанные не на допустимости страдания, а на его категорическом недопущении, за исключением крайней необходимости, подтвержденной научно и юридически. В долгосрочной перспективе директива провозглашает полный отказ от использования животных в научных целях, делая акцент на развитии «*in vitro, in silico*»¹⁵⁹ и иных альтернативных технологий.

Не менее значимым направлением является регулирование обращения с животными в пищевой промышленности. В этой области действуют два фундаментальных регламента: Регламент (ЕС) N1099/2009 «О защите животных при убое»¹⁶⁰ и Регламент (ЕС) N1/2005 «О защите животных при транспортировке»¹⁶¹. Первый из них устанавливает обязательность предварительного оглушения животных перед забоем, требует обучения и сертификации работников бойни, а также проведения контроля со стороны ветеринарных служб. Его гуманистическая направленность получила поддержку в решении Суда ЕС по делу C-497/17 (OABA), где было признано, что религиозный обряд забоя не освобождает от обязанности соблюдать общие стандарты гуманного обращения¹⁶². Второй регламент детально

¹⁵⁹ Прим. Директива ориентирована на развитие науки, которая способна заменить эксперименты на животных высокотехнологичными моделями, сохраняя научную достоверность, но исключая причинение страданий живым существам. То есть, эксперименты проводятся в искусственной среде (*in vitro*) или с применением компьютерного моделирования (*in silico*).

¹⁶⁰ Регламент (ЕС) N 1099/2009 от 24 сентября 2009 г. «О защите животных при убое» // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2009/1099/oj/eng> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁶¹ Регламент (ЕС) N 1/2005 от 22 декабря 2004 г. «О защите животных при транспортировке и связанных операциях» // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2005/1/oj/eng> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁶² Суд Европейского союза. Решение от 26 февраля 2019 г. по делу C-497/17 Организация по защите животных на бойнях (OABA) против Министерства сельского

определяет условия транспортировки: от вентиляции и температурного режима до продолжительности перемещения, обязательного доступа к корму и воде, а также обязательной регистрации и сопровождения документацией. Особое значение имеет решение Суда ЕС по делу C-424/13, в котором Суд подтвердил, что требования Регламента (ЕС) N 1/2005 о защите животных при транспортировке сохраняют силу и за пределами территории Европейского Союза, если перевозка началась в государстве-члене. То есть, стандарты гуманного обращения накладывают обязательства и на операции, осуществляемые за границей¹⁶³. Прецедент стал значимым вкладом в процесс унификации норм гуманного обращения с животными на международном уровне.

Качественный правовой шаг в европейской системе защиты животных связан с пакетом реформ Европейской комиссии 2023-2024 годов, в рамках которого был подготовлен новый корпус актов о благополучии сельскохозяйственных животных. Особое значение имеет Предложение Комиссии о Регламенте «О благополучии животных, содержащихся для сельского хозяйства» (COM/2023/770 final), представившее концептуально новую модель регулирования. Впервые в праве Европейского Союза предлагается учитывать эмоциональное состояние животного: стресс, тревожность, страх — как юридически значимые категории при оценке условий содержания, обращения и транспортировки. Кроме того, в проекте регламента вводится концепция «этического маркирования», предполагающая присвоение продукции статуса, отражающего уровень соблюдения требований благополучия на всех этапах производства. Такое маркирование призвано повысить прозрачность цепочек поставок и стимулировать

хозяйства и продовольствия Франции и др. // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX%3A62017CJ0497> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁶³ Суд Европейского Союза. Решение от 23 апреля 2015 г. по делу C-424/13 Zuchtvieh-Export GmbH (компания по экспорту племенного скота) // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62013CJ0424> (дата обращения: 01.08.2025).

соблюдение гуманистических стандартов в аграрном секторе¹⁶⁴. Разработка проектов таких регламентов вполне логична, так как осуществляется в сочетании с международными обязательствами, включая Конвенцию CITES¹⁶⁵ и три ключевых соглашения Совета Европы: ETS N87 «О защите сельскохозяйственных животных»¹⁶⁶, ETS N65 «О международной транспортировке»¹⁶⁷ и ETS N123 «О защите экспериментальных животных»¹⁶⁸. Включение этих стандартов в правовую систему ЕС подчеркивает приверженность Союза идее наднациональной гармонизации законодательства и следованию глобальным гуманистическим стандартам. Указанные международные акты закрепляют базовые требования к условиям содержания животных и одновременно служат основанием для признания их чувствительности как правовой характеристики.

Наряду с нормативными актами значительное влияние на развитие законодательства о животных оказывают декларации, резолюции и политические инициативы Европейского парламента и Европейской комиссии, отражающие биоэтические стандарты и общественный запрос на

¹⁶⁴ Предложение Комиссии ЕС о Регламенте Европейского парламента и Совета о благополучии животных, содержащихся для сельского хозяйства (COM/2023/770 final) // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52023PC0770> (дата обращения: 01.08.2025); Предложение Комиссии ЕС о Регламенте Европейского парламента и Совета о защите животных при транспортировке (COM/2023/798 final) // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52023PC0798> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁶⁵ Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (Вашингтон, 3 марта 1973 г.) // CITES Secretariat. URL: <https://cites.org/eng/disc/text.php> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁶⁶ Европейская конвенция о защите животных, содержащихся на фермах (ETS No. 87, Страсбург, 10 марта 1976 г.) // Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=087> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁶⁷ Европейская конвенция о защите животных при международной транспортировке (ETS No. 65, Париж, 13 декабря 1968 г.) // Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=065> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁶⁸ Европейская конвенция о защите позвоночных животных, используемых в экспериментах и для иных научных целей (ETS No. 123, Страсбург, 18 марта 1986 г.) // Council of Europe. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=123> (дата обращения: 01.08.2025).

гуманные формы взаимодействия с животными. Эти декларации выполняют функцию стратегического вектора, определяя направления будущих законодательных реформ и усиливая ценностный компонент нормативной политики ЕС.

Одной из ключевых является Резолюция Европейского парламента от 10 июня 2021 года «О прекращении клеточного содержания сельскохозяйственных животных» (2021/2690(RSP))¹⁶⁹. В ней Европарламент выразил политическую поддержку гражданской инициативе «*End the Cage Age*» (Положить конец клеточному содержанию животных), собравшей более 1,4 миллиона подписей по всей Европе, и призвал к поэтапному отказу от использования клеток для содержания несушек, супоросных свиноматок, телят и других животных к 2027 году. Этот документ положил начало подготовке комплекса новых актов, направленных на внедрение безклеточных систем в агропромышленность, и стал ключевым элементом Стратегии «*Farm to Fork*» (С фермы на стол)¹⁷⁰.

Другим важным шагом стала Резолюция Европейского парламента от 16 сентября 2021 года «О поэтапном отказе от использования животных в научных целях, тестировании и образовании» (2021/2784(RSP))¹⁷¹. В резолюции содержится призыв к Европейской комиссии разработать «дорожную карту» по прекращению экспериментов на животных, расширению финансирования альтернативных методов, а также к ужесточению контроля за соблюдением уже действующих норм в рамках

¹⁶⁹ Европейский парламент. Резолюция от 10 июня 2021 года «О гражданской инициативе “End the Cage Age” (2021/2633(RSP))» // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021IP0295> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁷⁰ Там же. П. 12-15.

¹⁷¹ Европейский парламент. Резолюция от 16 сентября 2021 года «О планах и действиях по ускорению перехода к инновациям без использования животных в исследованиях, регуляторных тестах и образовании» (2021/2784(RSP)) // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021IP0387> (дата обращения: 01.08.2025).

Директивы 2010/63/ЕС¹⁷². Таким образом, эта декларация сформулировала концептуальную основу для отказа от экспериментов над животными как научно устаревшей и этически неприемлемой практики.

В 2023 году Европейский парламент также провозгласил Декларацию «О прекращении тестирования косметики на животных на глобальном уровне», поддержав инициативу, направленную на включение отказа от тестирования в международную торговую политику и стандарты Всемирной торговой организации (ВТО). В документе подчеркивается, что несмотря на запрет в ЕС (введенный ранее), незаконные/обходные пути ввоза продукции, испытанной на животных в третьих странах, продолжают существовать, что подрывает единство нормативной базы и требует создания механизма глобального воздействия¹⁷³.

Европейский союз в этот период реализует последовательный и системный курс на обновление нормативной базы в сфере защиты животных. Стратегическое направление задаётся в рамках уже знакомой нам программы Европейской комиссии «*Farm to Fork*» (С фермы на стол), в которой благополучие животных определено как ключевой элемент устойчивой агропродовольственной политики¹⁷⁴. Именно в контексте выполнения этой стратегии Комиссия инициировала комплексную ревизию всего законодательства ЕС в области обращения с животными, включающую оценку эффективности действующих актов, анализ пробелов регулирования и разработку предложений новых регламентов¹⁷⁵. Эта линия получила

¹⁷² Директива 2010/63/ЕС Европейского парламента и Совета от 22 сентября 2010 г. «О защите животных, используемых в научных целях» // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2010/63/oj/eng> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁷³ Европейский парламент. Резолюция от 16 февраля 2023 г. «О глобальном запрете тестирования косметики на животных» (2023/2504(RSP)) // EUR-Lex. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2023-0067_EN.html (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁷⁴ Европейский парламент. Резолюция от 10 июня 2021 года «О гражданской инициативе “End the Cage Age” (2021/2633(RSP))» // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021IP0295> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁷⁵ См. Revision of EU animal-welfare legislation: official page of the European Commission // European Commission URL: <https://food.ec.europa.eu/animals/animal->

дополнительное политическое укрепление через серию уже упомянутых выше резолюций Европейского парламента.

Таким образом, законодательство ЕС на 2025 год отражает поступательное развитие в направлении формирования комплексного подхода: от регулирования отдельных эпизодов взаимодействия с животными к формированию единой экосистемы, в которой каждое животное рассматривается не только как биологический организм, но и как чувствующее существо, обладающее охраняемыми интересами. Это законодательство опирается на судебную практику, международные стандарты и биоэтические ориентиры, демонстрируя зрелость и последовательность европейской практики. Хотя часть этих актов не носят обязательной силы, однако, они обладают значительным влиянием на законодательный процесс, служа мостом между научной доктриной, интересами общества и правоприменением.

Общие принципы правового регулирования положения животных, разработанные в рамках ЕС, восприняты и национальными правовыми порядками государств-членов ЕС. Одной из первых стран, юридически признавшей животных чувствующими существами является Германия. Немецкое законодательство выстроено на прочной этико-правовой основе, в которой охрана животных воспринимается не как производная от интересов человека, а как самостоятельная обязанность государства. Это подтверждается как нормами Конституции ФРГ, так и положениями федерального законодательства, судебной практикой и развитой правовой доктриной. Принципиально важным шагом в рамках развития биоэтики стало внесение в 2002 году поправки в Основной закон Германии, согласно которой охрана животных включена в число государственных целей. Измененная редакция статьи 20a гласит: «Государство ... несет ответственность за защиту естественных основ жизни и животных в интересах будущих поколений»¹⁷⁶.

welfare/evaluations-and-impact-assessment/revision-eu-animal-welfare-legislation_en (дата обращения: 01.08.2025)

¹⁷⁶ Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland (Основной закон Германии). Art. 20a // Gesetze im Internet. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_20a.html

Это положение закрепило на самом высшем уровне обязанность государства обеспечивать защиту животных, наряду с охраной окружающей среды. Оно служит базовым принципом правового регулирования зоозащиты в Германии и оказывает влияние на правоприменительную практику в сферах гражданского, административного и уголовного права.

Ключевым положением, определяющим особый правовой статус животных в частном праве, стало введение параграфа 90а в Гражданский кодекс Германии (BGB). Его текст гласит: «Животные не являются вещами. К ним применяются положения, относящиеся к вещам, только постольку, поскольку не установлено иное. Законы об охране животных остаются в силе»¹⁷⁷. Этот параграф, вступивший в силу в 1990 году, является символическим и юридическим отказом от традиционного восприятия животных в качестве «живых вещей». Он закрепляет уникальную для романо-германской правовой традиции модель: животное больше не является «вещью» в классическом понимании, нормы вещного права могут применяться к нему только в тех случаях, когда это не противоречит его природе. Важно, что § 90а BGB не наделяет животное полноценной правосубъектностью, но утверждает его особый статус как «неравной вещи», тем самым формируя переходную категорию — между объектом и субъектом. Это открывает путь к дифференцированной правовой защите животных и дает нормативное основание для ограничения прав владельцев в пользу интересов самого животного.

Федеральный закон от 24 июля 1972 г. (*Tierschutzgesetz*) «О защите животных» является основным актом, регулирующим сферу обращения с животными в Германии. Его первая статья устанавливает этико-правовой императив: «Никто не должен причинять животному боль, страдание или вред

¹⁷⁷ Bürgerliches Gesetzbuch, BGB (Гражданский кодекс Германии). § 90а «Животные не являются вещами» // Gesetze im Internet: официальный портал законодательства ФРГ. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/_90a.html (дата обращения: 01.08.2025).

без уважительной причины»¹⁷⁸. Закон «О защите животных» охватывает широкий спектр аспектов, касающихся обращения с животными, формирует комплексную правовую базу охраны фауны. В качестве основополагающего принципа он закрепляет признание чувствительности животных, их способности испытывать боль, страх и страдания, как юридически значимых оснований для их защиты. Закон запрещает причинение животным боли, страданий и стресса без достаточной и обоснованной причины. Он устанавливает четкие правила, регулирующие условия содержания, кормления, разведения, транспортировки и убоя животных, обеспечивая соответствие этих условий биологическим и этологическим потребностям различных видов. Кроме того, в законе закреплены нормы, касающиеся проведения экспериментов на животных, включая обязательные разрешительные процедуры и ограничения, направленные на минимизацию вреда. Существенным элементом регулирования выступают положения о государственном и ветеринарном контроле за соблюдением требований закона, а также предусмотренная система санкций, административных и уголовных, за нарушение установленных норм. Закон «О защите животных» строится на концепции охраняемого интереса животного, и в совокупности с § 90a BGB формирует специальный режим обращения с животными, в котором они рассматриваются как морально значимые существа с правом на уважение и защиту от страданий.

Немецкие суды активно применяют как положения BGB (§ 90a), так и федеральное законодательство, формируя практику, в которой благополучие животного признается юридически значимым интересом. Судебная практика в Германии последовательно отражает признание благополучия животного как юридически значимого интереса. Суды исходя из положений § 90a BGB и Закона «О защите животных» принимают решения, направленные на защиту

¹⁷⁸ Tierschutzgesetz (Закон Германии «О защите животных») от 24 июля 1972 г. в ред. от 19 июня 2020 г. // Gesetze im Internet. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/tierschg/> (дата обращения: 01.08.2025).

конкретных животных от жестокого или ненадлежащего обращения. Так, в решении суда первой инстанции Марбурга от 18 июня 2024 года (дело N74 F809/23 WH) суд постановил, что при определении судьбы общего животного в случае расставания партнеров главенствующую роль играет благополучие животного, а не формальное право собственности¹⁷⁹. В ряде дел выносились решения о недопустимости содержания животных в условиях, не соответствующих их биологическим и поведенческим особенностям. Так, Суд административного округа Нойштадт, в решении от 25 мая 2010 года постановил, что изъятие принадлежащих владельцу лошадей органом ветеринарного контроля было правомерным и необходимым. Суд установил, что животные находились в условиях, представлявших серьезную угрозу их здоровью и благополучию, а именно: недостаточное кормление, отсутствие надлежащего ухода, неудовлетворительное состояние помещений и отсутствие необходимого ветеринарного обслуживания. На основании §16а Закона о защите животных (*Tierschutzgesetz*) административный орган имеет право изымать животных, если их дальнейшее содержание у владельца сопряжено с риском страданий, повреждений или ухудшения состояния здоровья.¹⁸⁰ При выявлении фактов жестокого обращения суды допускают изъятие животных у владельцев в целях их защиты. Так, в решении Административного суда Майнца от 24 ноября 2016 г. (1 К 760/15.MZ) суд признал законным изъятие пятнадцати собак, указав, что хронические нарушения условий содержания представляли для животных угрозу болезней, истощения и дальнейших страданий. Суд подчеркнул, что меры по изъятию соответствуют конституционной обязанности государства по защите

¹⁷⁹ Amtsgericht Marburg. Beschluss vom 18.06.2024, Az. 74 F 809/23 WH // Urteile.News. [Электронный ресурс]. URL: <https://urteile.news/FundstellenausderMDR> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁸⁰ Verwaltungsgericht Neustadt. Urteil vom 25.05.2010 5 K 143/10.NW // Justiz Rheinland-Pfalz. [Электронный ресурс]. URL: <https://vgne.justiz.rlp.de/de/entscheidungen/detail/news/detail/News/urteil-vom-25052010-5-k-14310nw/>

животных (ст. 20a GG)¹⁸¹. Более того, страдания животного могут учитываться как отягчающее обстоятельство при вынесении административных и уголовных наказаний. Так, дело, рассмотренное судом Регенсбурга 14 сентября 2020 года (RN5K19.1787), стало одним из значимых примеров судебной практики, в которой страдания животных признаются отягчающим обстоятельством, оправдывающим применение административных мер, вплоть до полного запрета на содержание животных. Суд подчеркнул, что длительные и значительные страдания животных образуют иную степень тяжести нарушения, чем разовое или случайное ухудшение условий содержания¹⁸².

Немецкая юридическая доктрина трактует § 90a BGB как закрепление ограниченной правосубъектности¹⁸³ или, по меньшей мере, охраняемого статуса животного как индивидуализированного объекта защиты¹⁸⁴. Это сближает немецкое правопонимание с концепцией «субъекта жизни» Т. Ригана, характерной для современных биоэтических теорий. Эта концепция подтверждается существованием в немецком законодательстве индивидуальных режимов охраны животных в зависимости от вида, чувствительности и степени зависимости от человека. Это отражено как в

¹⁸¹ Verwaltungsgericht Mainz. Urteil vom 24.11.2016 – 1 K 760/15.MZ // Justiz Rheinland-Pfalz. [Электронный ресурс]. URL: <https://vgmz.justiz.rlp.de/de/entscheidungen/detail/news/detail/News/urteil-vom-24112016-1-k-76015mz/>

¹⁸² Verwaltungsgericht Regensburg. Urteil vom 14.09.2020 RN 5 K 19.1787 // Bayern.Recht. URL: <https://www.gesetze-bayern.de> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁸³ См. *Pihlajamäki, Hanna* (ed.). *The Ethical and Legal Foundations of Germany's Tierschutzgesetz / Animal Law Blog Series*. [Электронный ресурс]. URL: <https://blogs.helsinki.fi/animallawblogseries/2025/05/08/the-ethical-and-legal-foundations-of-germanys-tierschutzgesetz/> (дата обращения: 03.08.2025).

¹⁸⁴ См. *Kempers E.B.* Neither persons nor things: the changing status of animals in private law // *Revue européenne de droit privé*, 2021, Vol. 29/1, P. 39-70.

самом законе, так и в многочисленных подзаконных актах¹⁸⁵, инструкциях¹⁸⁶ и рекомендациях¹⁸⁷.

Немецкое законодательство проводит четкое различие между различными категориями животных, устанавливая для каждой из них специфический режим правовой охраны. Домашние животные пользуются расширенной защитой, включая признание их особого статуса в рамках гражданско-правовых отношений, что проявляется, в частности, при разрешении имущественных и семейных споров¹⁸⁸. В отношении сельскохозяйственных животных действуют специальные требования, касающиеся условий их содержания, транспортировки и уоя, направленные на минимизацию страданий и соблюдение видовых потребностей¹⁸⁹. Использование животных в научных целях допустимо только при условии отсутствия альтернативных методов и после прохождения процедуры разрешения, которая включает строгую экспертную оценку¹⁹⁰. В отношении

¹⁸⁵ Deutscher Bundestag. Tierschutz als Staatsziel: Dokumentation zur Grundgesetzänderung 2002. URL: https://www.bundestag.de/resource/blob/195982/64648c51e05d96320de18c3f8cc9f4e2/tierschutz_als_staatsziel-data.pdf (дата обращения: 15.07.2025).

¹⁸⁶ Bundestierärztekammer (BTK). Leitfaden für tierschutzgerechten Transport von Tieren (инструкция по гуманной транспортировке животных). // Gesetze im Internet. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundestieraerztekammer.de/tierhalter/leitfaden-tiertransport/> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁸⁷ Tierärztliche Vereinigung für Tierschutz (TVT). Merkblatt Nr. 82: Verhaltenstherapie bei Hunden (рекомендация ветеринарной ассоциации по воспитанию собак) // Gesetze im Internet. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tierschutz-tvt.de/merkblaetter/> (дата обращения: 01.08.2025); Tierärztliche Vereinigung für Tierschutz (TVT). Merkblatt Nr. 101: Tierschutz bei der Haltung von Kleinsäugetieren (требования к содержанию мелких домашних млекопитающих). // Gesetze im Internet. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tierschutz-tvt.de/merkblaetter/> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁸⁸ Tierärztliche Vereinigung für Tierschutz (TVT). Merkblatt Nr. 80: Mindestanforderungen für die Haltung von Katzen (Минимальные требования к содержанию кошек). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tierschutz-tvt.de/merkblaetter/> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁸⁹ Tierschutz-Schlachtverordnung (TierSchlV) // Gesetze im Internet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/tierschlvtv/>; Tierschutz-Nutztierhaltungsverordnung (TierSchNutzV) // Gesetze im Internet. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/tierschntvtv/> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁹⁰ Tierschutz-Versuchstierverordnung (TierSchVersV) // Gesetze im Internet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/tierschversv/> (дата обращения: 01.08.2025); Umsetzung der Richtlinie 2010/63/EU // Gesetze im Internet.

диких животных, содержащихся в неволе (в зоопарках, цирках или других учреждениях), действуют особые правила, ограничивающие допустимость содержания с учетом как биологических особенностей вида, так и этических стандартов¹⁹¹. Для всех категорий действуют критерии «уважительной причины»¹⁹² и запрета страданий¹⁹³, что делает биоэтические ориентиры составной частью правоприменения.

Германия представляет собой пример государства, осуществившего переход от утилитарной к этико-правовой модели зоозащиты. Ее законодательство сочетает отказ от признания животных вещами с внедрением специальных правовых механизмов охраны их интересов. Опыт Германии демонстрирует, что включение животных в сферу правовой защиты возможно даже без формального признания их субъектами права. Для российской правовой системы немецкая модель может служить ориентиром при реформировании законодательства о животных. Особенно важным представляется перенятие логики § 90а BGB: с формулированием особого правового статуса животных как чувствующих существ, к которым нормы о вещах применимы лишь в той мере, в какой это не противоречит их природе и интересам. Такая модель не требует немедленного наделения животных полноценной правосубъектностью, но позволяет выстроить гибкую, морально обоснованную и юридически согласованную систему их правовой охраны.

Французская правовая модель прошла фундаментальную трансформацию в подходе к животным, перейдя от их восприятия как

[Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/tierschg/anlage_1.html (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁹¹ BMEL Leitlinien zur Haltung von Tieren in Zirkusbetrieben oder ähnlichen Einrichtungen (Руководство по содержанию животных в цирковых или аналогичных учреждениях). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bmel.de/DE/themen/tiere/tierschutz/leitlinien-zirkustiere.html> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁹² Tierschutzgesetz (TierSchG). § 3 Verbotene Handlungen // Gesetze im Internet. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/tierschg/_3.html (дата обращения: 03.08.2025).

¹⁹³ Tierschutzgesetz (TierSchG). §§ 6-6a Eingriffe an Tieren // Gesetze im Internet. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/tierschg/6.html> (дата обращения: 03.08.2025).

объектов вещного права к признанию за ними статуса «живых существ, наделенных чувствительностью»¹⁹⁴. Эта трансформация опирается как на глубокие гуманистические традиции Франции, так и на современные биоэтические и зоозащитные концепции, формирующие нормативное основание для новой модели правосубъектности животных. Началом формирования такого правового порядка стала реформа Гражданского кодекса Франции в 2015 году, когда в него была включена статья 515-14, гласившая: «Животные являются живыми существами, наделенными чувствительностью. Подчиняясь законам, которые их защищают, животные находятся под режимом, установленным для имущества»¹⁹⁵. Этот параграф признает за животными двойственный правовой «статус»: они продолжают рассматриваться как объекты вещного права, но одновременно их чувствительность требует особого режима правовой защиты.

Принятие Закона «О борьбе с жестоким обращением с животными и укреплении связи между животными и человеком» N 2021-1539 от 30 ноября 2021 года ознаменовало собой кардинальный поворот в подходе Франции в отношении животных, отразив сдвиг от формального антропоцентризма к более сбалансированной, эмпатичной модели регулирования¹⁹⁶. Принятие данного закона отражает ответ государства на усиливающееся общественное беспокойство относительно обращения с животными в таких сферах, как разведение, индустрия развлечений и коммерческая торговля, одновременно интегрируя современные научные знания о когнитивных, эмоциональных и сенсорных способностях животных. Закон представляет собой комплексный акт, который одновременно внес существенные изменения в три ключевых

¹⁹⁴ Гражданский кодекс Франции. Art. 515-14 // JORF n°0102 du 02.05.2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000030254207 (дата обращения: 01.08.2025)

¹⁹⁵ Ibid. Art. 515-14.

¹⁹⁶ Закон N 2021-1539 от 30 ноября 2021 г. «О борьбе с жестоким обращением с животными и об укреплении связи между животными и человеком» // JORF n°0279 du 01.12.2021. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000044387560> (дата обращения: 01.08.2025).

кодифицированных свода Франции: Гражданский кодекс, Кодекс сельского хозяйства и рыболовства и Уголовный кодекс. Законодатель подчеркивает, что защита животных не может быть изолирована в рамках какой-либо одной правовой отрасли, напротив, она требует междисциплинарного подхода.

Один из наиболее значимых аспектов закона — усиление уголовно-правовой охраны животных, в особенности в части ужесточения санкций за жестокое обращение и убийство. Статья 521-1 Уголовного кодекса была дополнена и модифицирована, а также была введена новая статья 522-1, устанавливающая самостоятельный состав преступления: преднамеренное причинение смерти животному без необходимости, даже при отсутствии явных признаков жестокости¹⁹⁷. Такое решение представляет собой беспрецедентный случай признания ценности самой жизни животного как охраняемого законом блага. Тем самым французский законодатель выводит животных из сферы сугубо инструментального отношения, признавая их внутреннюю значимость и защищая от жестокого обращения.

Следующей важной инновацией стало введение института сертификата об обязательствах и осведомленности, который отныне обязаны подписывать все физические лица, впервые приобретающие животное-компаньона или лошадь¹⁹⁸. Этот документ фиксирует, что новый владелец обладает минимальным объемом знаний о биологических, поведенческих и этических потребностях животного. Подписание сертификата происходит до заключения сделки о передаче животного и предполагает обязательный «период обдумывания»: не менее семи дней между подписанием и фактическим приобретением¹⁹⁹. Иными словами, вводится срок, в течение которого

¹⁹⁷ Уголовный кодекс Франции. Art. 521-1, 522-1 // JORF n°0074 du 28.03.1994, mod. Loi n° 2021-1539. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGISCTA000006165366> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁹⁸ Code rural et de la pêche maritime (Сельскохозяйственный кодекс и Кодекс рыболовства Франции). Art. L. 214-8, L. 211-10-1 // Version consolidée au 01.08.2025. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006071367> (дата обращения: 01.08.2025).

¹⁹⁹ Закон N 2021-1539 от 30 ноября 2021 г. «О борьбе с жестоким обращением с животными и об укреплении связи между животными и человеком» (Loi n° 2021-1539 du 30

потенциальный владелец должен осмыслить свою будущую ответственность за животное. Это нововведение имеет ярко выраженную превентивную функцию, направленную на снижение уровня безответственного содержания животных и, как следствие, на предотвращение случаев отказа от них.

Особое внимание в законе уделено ограничению коммерческой эксплуатации животных, особенно в сфере розничной торговли. Так, вводится прямой запрет на демонстрацию животных в витринах зоомагазинов²⁰⁰, которая ранее была широко распространенной практикой. Закон также ограничивает онлайн-торговлю животными, запрещая продажу через электронные площадки без соблюдения строгих условий, включая обязательную идентификацию продавца, проверку условий содержания, ветеринарное освидетельствование животного и указание регистрационного номера²⁰¹.

Не менее важной мерой стало установление законодательного запрета на использование диких животных в цирках, передвижных зверинцах и иных формах публичных зрелищ. Новая редакция статьи L. 413-10 Экологического кодекса Франции вводит прямой запрет на эксплуатацию животных, не являющихся домашними, в целях представлений, не соответствующих их биологической природе²⁰². В данном контексте законодатель исходит из идеи, что естественные поведенческие потребности и психологическое

novembre 2021) // JORF n° 0279, 01.12.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000044387560> (дата обращения: 03.08.2025).

²⁰⁰ Code rural et de la pêche maritime (Сельскохозяйственный кодекс и Кодекс рыболовства Франции). Art. L 214 8 1, II. Introduit par la loi n° 2021 1539 du 30 novembre 2021 visant à lutter contre la maltraitance animale // Légifrance. [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000043666956/ (дата обращения: 03.08.2025).

²⁰¹ Закон N 2021-1539 от 30 ноября 2021 г. «О борьбе с жестоким обращением с животными и об укреплении связи между животными и человеком». Art. 9, 14 // JORF n°0279 du 01.12.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000044387560> (дата обращения: 01.08.2025).

²⁰² Экологический кодекс Франции. Art. L. 413-10 // редакция от 01.08.2025. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006074220> (дата обращения: 01.08.2025).

благополучие диких животных несовместимы с условиями содержания в цирковых условиях, что подтверждается многими этологическими исследованиями. Кроме того, запрет направлен на формирование нового общественного отношения, исключающего эксплуатацию живых существ в развлекательных целях.

Таким образом, Закон N 2021-1539 представляет собой не просто набор поправок к действующим кодексам, а качественный нормативный акт, осуществляющий этико-юридическое переосмысление места животного в обществе и правовой системе. Он демонстрирует переход от охраны животного как имущества к признанию его индивидуальности, чувствительности и права на достойное обращение, формируя тем самым предпосылки для расширения концепции правосубъектности животных во французском праве.

Важную роль в развитии правового регулирования положения животных сыграла высшая административная инстанция Франции, Государственный совет. В ряде решений конца 2010-х и начала 2020-х годов Совет неоднократно подчеркивал обязанность государства учитывать этическое измерение обращения с животными и балансировать экономические и зоозащитные интересы.

Так, в деле N 441360 от 16 апреля 2021 г. Государственный совет Франции признал допустимым запрет на практику (уничтожения цыплят методом измельчения, подчеркнув, что государство вправе ограничивать аграрные методы, причиняющие страдания животным, даже при наличии экономических преимуществ²⁰³. В деле N 459109 от 1 июля 2022 г. Совет подтвердил запрет использования животных в цирковых представлениях, мотивируя это необходимостью защиты их достоинства и естественного

²⁰³ CE, 16 avril 2021, n° 441360 // Recueil Lebon. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000043395063> (дата обращения: 01.08.2025).

поведения²⁰⁴. Также важно отметить позицию Кассационного суда Франции по делу N 19-85.171 от 9 декабря 2020 года, где суд признал виновным ветеринара, не оказавшего помощи тяжелораненому животному, указав, что его бездействие нарушает этический долг сострадания, закрепленный в статье L. 214-1 Сельскохозяйственного кодекса²⁰⁵.

Таким образом, судебная практика демонстрирует сдвиг к функциональному признанию за животными определенных элементов правосубъектности, прежде всего права на защиту от страданий, на уважение к их телесной целостности и, в ряде случаев, на интерес к жизни как юридическую категорию.

Юридические реформы во Франции сопровождаются активной биоэтической и философской рефлексией. В доктрине подчеркивается, что признание чувствительности животного — это не просто декларация, а требование справедливости по отношению к уязвимому иному²⁰⁶.

Кроме того, концепция «чувствующего субъекта» тесно связана с новейшими теориями «прав животных»²⁰⁷, согласно которым субъективный опыт страдания и благополучия должен становиться основанием для признания животных юридическими адресатами норм, даже если их не следует приравнивать к людям в полном объеме.

²⁰⁴ CE, 1er juillet 2022, n° 459109 // Recueil Lebon. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000046099345> (дата обращения: 01.08.2025).

²⁰⁵ Cour de cassation, crim., 9 décembre 2020, n° 19-85.171 // Bulletin criminel. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000042654582> (дата обращения: 01.08.2025).

²⁰⁶ См. *Proctor H.* Searching for animal sentience: a systematic review of the scientific literature // *Animals*. 2013. Vol. 3, no. 3. P. 882–906; *Browning H., Birch J.* The sentience shift in animal research // Preprint (accepted manuscript). 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://eprints.lse.ac.uk/115111/1/Browning_sentience_shift_in_animal_research_accepted.pdf (дата обращения: 16.11.2025); *Landi M., Anestidou L.* Animal sentience should be the key for future legislation // *Animal Law Review*. 2024. Vol. 30. [Электронный ресурс]. URL: <https://lawcommons.lclark.edu/alr/vol30/iss2/7> (дата обращения: 16.11.2025).

²⁰⁷ См. *Regan T.* The Case for Animal Rights / Berkeley: University of California Press, 1983. P. 243; *Francione G.L.* Animals, Property, and the Law. // Philadelphia: Temple University Press, 1995. 367 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt1bw1jm9> (дата обращения: 29.10.2025).

Таким образом, во французском правовом порядке постепенно складывается сложная интегративная система, где животные рассматриваются не только как объекты охраны, но и как субъекты с охраняемыми интересами: к жизни, к свободе от страданий, к уважению их телесной и эмоциональной целостности. Эта модель может рассматриваться как один из этапов на пути к полноправному признанию животных участниками правового сообщества.

Итальянское законодательство демонстрирует одну из наиболее прогрессивных моделей в Европе в сфере правовой защиты животных. Принятый в 2025 году законопроект N 1308, одобренный обеими палатами Парламента, не только усилил уголовно-правовую охрану животных, но и подтвердил развитие новой правовой парадигмы, согласно которой животные обладают собственной юридической ценностью, достойны правовой защиты как «*soggetti titolari di interessi giuridicamente rilevanti*» — субъекты, обладающие интересами, имеющими правовое значение²⁰⁸. Эти изменения закрепляют биоцентрическую установку итальянского права, в которой животное воспринимается как носитель внутренней ценности, отличной от его полезности для человека.

Одним из наиболее символических изменений стало переименование раздела IX-bis Уголовного кодекса. Он получил заголовок «*Delitti contro gli animali*» — «Преступления против животных»²⁰⁹, вместо прежней нейтральной формулировки. Это означает признание животных как жертв преступлений, наделенных определенным правовым статусом. Такая трансформация отражает сдвиг в сторону этико-юридического восприятия животных как чувствующих существ, чьи страдания и достоинство должны

²⁰⁸ Disegno di legge n. 1308 del Senato della Repubblica. Art. 1 (Законопроект о внесении поправок в уголовный кодекс, уголовно-процессуальный и других положений, касающихся преступлений против животных) // Senato della Repubblica Italiana. в редакции 29.05.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.senato.it/service/PDF/PDFServer/BGT/01308701.pdf> (Дата обращения: 01.08.2025).

²⁰⁹ Ibid. Art. 1.

признаваться наравне с фундаментальными ценностями человеческого общества.

Дополнительное свидетельство этой эволюции — ведение новых норм, усиливающих уголовную ответственность за насилие над животными. Согласно обновленной редакции статьи 544-bis Уголовного кодекса Италии, жестокое обращение с животным карается лишением свободы от шести месяцев до трех лет и штрафом до 30 000 евро. При наличии квалифицирующих признаков, особой жестокости или преднамеренного продления страданий, наказание возрастает до четырех лет лишения свободы и 60 000 евро штрафа²¹⁰. Ужесточение наказаний демонстрирует признание того, что причинение страданий животным рассматривается как деяние с высокой степенью общественной опасности.

Важной правовой новеллой стало также внедрение понятия отягчающих обстоятельств при совершении преступлений против животных (ст. 544-septies). Например, действия, совершенные в присутствии несовершеннолетних, в отношении группы животных или сопровождаемые распространением изображений насилия, ведут к ужесточению наказания²¹¹. Эти нормы реализуют как идею индивидуальной защиты животных, так и концепцию общественной опасности, отражая влияние на общественную мораль, психику детей и обострение чувства социальной справедливости.

Примечательным элементом реформы стало расширение процессуальных механизмов защиты животных. В статью 260-bis Уголовно-процессуального кодекса введена возможность передачи конфискованных животных в постоянную опеку зоозащитным организациям, причем такие организации, согласно ст. 19-quater, получают статус участников процесса,

²¹⁰ Disegno di legge n. 1308 del Senato della Repubblica. Art. 5 (Законопроект о внесении поправок в уголовный кодекс, уголовно-процессуальный и других положений, касающихся преступлений против животных) // Senato della Repubblica Italiana. в редакции 29.05.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.senato.it/service/PDF/PDFServer/BGT/01308701.pdf> (Дата обращения: 01.08.2025).

²¹¹ Ibid. Art. 4.

действующих от имени животного²¹². Тем самым вводится аналог института представительства: механизм, характерный для лиц, неспособных реализовывать свои интересы самостоятельно (например, детей или недееспособных). Этот шаг подтверждает, что животные не только объекты защиты, но и живые существа, чьи интересы должны быть выражены и защищены в правовой системе через уполномоченных субъектов.

Отдельно стоит отметить норму ст. 544-sexies, согласно которой запрещается отчуждать или убивать животное, ставшее предметом уголовного разбирательства, до вынесения окончательного судебного решения. Причем этот запрет действует даже при отсутствии формального ареста животного²¹³. Такой подход закрепляет презумпцию охраны и недопустимости вреда до выяснения всех обстоятельств дела, аналогичную презумпции охраны личности в уголовном праве.

Следует подчеркнуть, что реформа 2025 года не ограничилась уголовным законодательством. Изменения внесены и в Закон N189 от 20 июля 2004 года — базовый нормативный акт в сфере защиты животных в Италии²¹⁴. В частности, к видам, подлежащим защите, добавлен домашний кот, наряду с дикой кошкой²¹⁵, что символизирует важность как диких, так и домашних животных в правовом поле. В этом же законе ранее были зафиксированы положения о запрете жестокого обращения с животными, обязанности обеспечивать условия, соответствующие физиологическим потребностям, запрете на содержание животных в условиях страдания или боли, а также предусмотрены санкции за их нарушение.

²¹² Disegno di legge n. 1308 del Senato della Repubblica. Art. 6 (Законопроект о внесении поправок в уголовный кодекс, уголовно-процессуальный и других положений, касающихся преступлений против животных) // Senato della Repubblica Italiana. в редакции 29.05.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.senato.it/service/PDF/PDFServer/BGT/01308701.pdf> (Дата обращения: 01.08.2025).

²¹³ Ibid. Art.7.

²¹⁴ Legge 20 luglio 2004, (Закон о запрете жестокого обращения с животными) n. 189. Art.2, c.1 // Gazz. Uff. 31.07.2004, n. 178. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2004/07/31/004G0186/sg> (Дата обращения: 01.08.2025).

²¹⁵ Ibid. Art. 14.

Фундаментом для такой правовой трансформации является Конституция Италии, а именно ее статья 9, которая (после конституционной реформы 2022 года) гласит: «Республика охраняет окружающую среду, биоразнообразие и экосистемы, в том числе в интересах будущих поколений. Закон определяет способы и формы охраны животных»²¹⁶. Это положение прямо обязывает законодательную власть обеспечивать правовую защиту животных как элемент биоразнообразия и как часть единой экосистемы. Защита животных переходит из сферы морали в сферу конституционно закрепленной обязанности государства, имеющей высшую юридическую силу. Более того, включение понятия «животные» в Основной закон Италии придает им статус объектов конституционной охраны, а не просто уголовно-правовой или административной защиты²¹⁷.

Дополнительно стоит отметить введение ответственности юридических лиц за жестокое обращение (ст. 25 Декрета N 231/2001)²¹⁸, что свидетельствует о комплексном подходе: защита животных включает ответственность как физических, так и юридических лиц, и затрагивает разнообразные сферы: цирки, транспорт, разведение, торговлю и др.

Таким образом, современное итальянское законодательство демонстрирует системный и биоэтически ориентированный подход к правовой охране животных, сочетающий конституционные принципы, уголовно-правовые меры, процессуальные гарантии и институциональные реформы. В отличие от традиционной модели, где животные воспринимаются лишь как объекты защиты, итальянская система утверждает их статус как субъектов, обладающих охраняемыми интересами. Закрепление данного подхода в уголовном кодексе, процессуальных нормах, специальных законах

²¹⁶ Costituzione della Repubblica Italiana. Art. 9 // Gazz. Uff. 11.02.2022, n. 35. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2022/02/11/22G00011/sg> (дата обращения: 01.08.2025).

²¹⁷ Ibid. Art. 9.

²¹⁸ Decreto legislativo 8 giugno 2001, n. 231. Art. 25-undevicies // Gazz. Uff. 19.06.2001, n. 140. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:decreto.legislativo:2001-06-08;231!vig=> (дата обращения: 01.08.2025).

и даже в Основном законе Италии подтверждает устойчивую трансформацию правовой парадигмы от антропоцентризма к биоцентризму. Италия демонстрирует, что правовое признание внутренней ценности животного возможно без необходимости приравнивания его к человеку, достаточно закрепление представительства, гарантии правового признания интересов животного и презумпции охраны до установления фактов нарушения. Такое развитие правовой системы может служить моделью для государств, стремящихся выстроить современное и гуманное законодательство, основанное на научном знании, уважении к жизни и устойчивом балансе интересов человека, животных и окружающей среды.

Обобщая, можно констатировать, что в период 2010-2025 гг. европейское право сделало качественный скачок в отношении правового регулирования положения животных. На уровне ЕС сформулирована единый подход: животные — существа, способные страдать, поэтому человек морально и юридически обязан по возможности избегать причинения им страданий. Эта идея пронизывает и секторальные регламенты (сельское хозяйство, наука, транспорт), и программные документы ЕС. На уровне отдельных государств-членов ЕС мы видим различные модели реализации этой идеи: от признания животных в законах «не-вещами» (Германия) или «чувствующими существами» (Франция) до прямого закрепления в Конституции долга государства защищать животных (Германия, Италия) и наделения их практически значимым правовым статусом жертвы преступления (Италия). Общим трендом является гуманизация законодательства: законодатели и суды все чаще исходят из ценности самой жизни и благополучия животного, а не только из интересов человека. Животные постепенно интегрируются в правовое поле как адресаты защиты, за соблюдением прав и интересов которых стоят уполномоченные люди или организации. Конечно, эти реформы не означают приравнивания животных к человеку — речь идет о специальной, дифференцированной правосубъектности, учитывающей особенности разных видов и степень их

зависимости от человека. Тем не менее, европейская практика демонстрирует, что право может эволюционировать вместе с развитием этики и научных знаний. Сегодня в ЕС и ряде передовых стран Европы законодательство рассматривает животное не как средство, а как самоценную сущность, достойную юридической охраны, что укрепляет позиции Европы как глобального лидера в области защиты животных

§2. Англо-американская модель защиты животных

Английское законодательство о защите животных имеет одну из самых давних традиций в мире. Его истоки восходят к Закону Мартина 1822 года²¹⁹, который впервые установил уголовную ответственность за жестокое обращение с крупным рогатым скотом и положил начало государственной зоозащитной политике. Впоследствии был принят ряд актов, расширяющих охрану на другие виды животных и усиливающих санкции. Ключевым этапом стала кодификация в виде Закона «О благополучии животных» 2006 года (*Animal Welfare Act*)²²⁰, который урегулировал обязанности владельцев животных, закрепил понятие «пяти свобод» животных и разрешил вмешательство государственных органов при жестоком или ненадлежащем обращении с животным до наступления вреда²²¹. Он также распространил защиту на всех позвоночных животных, находящихся под контролем человека, включая домашних, приютских, бездомных и полудиких кошек²²². Основной инновацией стало введение юридической конструкции «долга

²¹⁹ An Act to prevent the cruel and improper Treatment of Cattle (Акт о предотвращении жестокого и неправильного обращения с крупным рогатым скотом) 3 Geo. IV c. 71 / London: Parliament of the United Kingdom, 1822. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo4/3/71/enacted> (дата обращения: 16.11.2025).

²²⁰ Animal Welfare Act 2006. (Закон о благополучии животных) / London: Parliament of the United Kingdom, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/45> (дата обращения: 16.11.2025).

²²¹ Ibid. S. 9, 18. Прим. «Пять свобод» как доктринальная концепция не записана в законе в буквальном виде. Однако статья 9 перечисляет «пять потребностей», которые юридически соответствуют «пяти свободам».

²²² Ibid. S. 2.

обеспечения благополучия», согласно которой лицо, ответственное за животное, обязано активно заботиться о нем, а не только воздерживаться от жестокости²²³. В частности, статья 9 закона формулирует пять базовых нужд (свобод), которые подлежат удовлетворению: потребность в подходящей среде, соответствующем виду рационе, возможности проявлять нормальное поведение, социальной совместимости и защите от страданий, боли и болезней²²⁴.

В целом, правовое регулирование положения животных в Великобритании характеризуется сложной разветвленной системой нормативных актов различной юридической силы. Важным актом является Закон «Об опасных диких животных» 1976 года²²⁵, регулирующий содержание потенциально опасных видов, включая гибридные породы животных (например, кошек, такие как бенгалы или сервалы). Владельцы таких животных обязаны получать лицензию от местных властей, соблюдать требования к безопасности, медицинскому контролю и страхованию²²⁶. Нарушение этих условий может повлечь конфискацию животных и уголовную ответственность²²⁷.

Особую роль в обеспечении защиты животных играет Акт «О научных процедурах с животными» 1986 года (ASPA), который вводит особый режим допуска для использования в исследованиях живых существ²²⁸. При этом категорически запрещено использование безнадзорных животных, за исключением особо оправданных целей в области ветеринарии и охраны

²²³ Ibid. S. 9.

²²⁴ Animal Welfare Act 2006. (Закон о благополучии животных) S. 9. / London: Parliament of the United Kingdom, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/45> (дата обращения: 16.11.2025).

²²⁵ Dangerous Wild Animals Act 1976 (Закон об опасных диких животных) / London: Parliament of the United Kingdom, 1976. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1976/38> (дата обращения: 16.11.2025).

²²⁶ Ibid. S. 1, 3, 4.

²²⁷ Ibid. S. 1(6), 10.

²²⁸ Animals (Scientific Procedures) Act 1986 (Закон «О научных процедурах над животными») / London: Parliament of the United Kingdom, 1986. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/14> (дата обращения: 16.11.2025).

здоровья самих животных²²⁹. Весьма интересным актом является также Кодекс благополучия кошек, разработанный DEFRA²³⁰ (Кодекс практики по благополучию кошек), который хотя и носит рекомендательный характер может использоваться судами при квалификации правонарушений.

Специальный Закон «О благополучии служебных животных» 2019 года усиливает правовую защиту полицейских и других служебных животных²³¹. В 2022 году был принят Закон «О чувствительности животных»²³², в котором впервые на законодательном уровне закреплено признание животных как чувствующих существ. Акт также учредил комитет, оценивающий влияние государственной политики на животных²³³. Эта реформа стала логическим продолжением закрепления аналогичного принципа в статье 13 Договора о функционировании ЕС²³⁴.

В 2024 году в Великобритании вступил в силу Закон «О похищении домашних животных»²³⁵, впервые признавший кражу животных отдельным преступлением, отличным от кражи имущества. Закон предусматривает до пяти лет тюремного заключения за похищение кошек и собак, что представляет собой значительный сдвиг в сторону признания индивидуальной ценности животных как существ, а не как вещей²³⁶.

²²⁹ Ibid. S. 14-15.

²³⁰ Code of Practice for the Welfare of Cats (Кодекс практики по благополучию кошек) / London, 2013 (ред. 2018). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/code-of-practice-for-the-welfare-of-cats> (дата обращения: 16.11.2025).

²³¹ Animal Welfare (Service Animals) Act 2019. / London: Parliament of the United Kingdom, 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2019/15> (дата обращения: 16.11.2025)

²³² Animal Welfare (Sentience) Act 2022. London: Parliament of the United Kingdom, 2022. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2022/22> (дата обращения: 16.11.2025).

²³³ Ibid. S.1-3. Прим. «Animal Sentience Committee»

²³⁴ Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. Art. 13. / Official Journal of the European Union, C 326, 26.10.2012. [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/tfeu_2012/art_13/oj (дата обращения: 16.11.2025).

²³⁵ Pet Abduction Act 2024. (Закон «О похищении домашних животных») / London: Parliament of the United Kingdom, 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2024/16> (дата обращения: 16.11.2025).

²³⁶ Ibid. S.1.

«Закон Люси»²³⁷ 2019 года запрещает продажу котят и щенков в возрасте до шести месяцев в зоомагазинах, если они не передаются напрямую от зарегистрированного заводчика. Этот акт направлен на борьбу с массовым разведением в неблагополучных условиях и обеспечивает правовую защиту самых незащищенных категорий животных²³⁸.

Отдельно стоит упомянуть нормы права, регулирующие ответственность владельцев за вред, причиненный животными. В соответствии с Законом «Об ответственности за животных» 1971 года²³⁹, владелец может быть привлечен к гражданской ответственности, если вред причинен животным, обладающим известными ему специфическими характеристиками, при наличии вероятности наступления серьезного ущерба²⁴⁰. Хотя кошки не отнесены к опасным видам, и их поведение традиционно рассматривается как социально терпимое (суды исходят из того, что «естественная склонность кошки к скитаниям и охоте не может влечь за собой ответственности»²⁴¹), отдельные прецеденты показывают возможность привлечения к ответственности при наличии у владельца информации о потенциальной опасности. Аналогичным образом, законодатель исключает возможность предъявления исков о самовольном вторжении, в случае проникновения кошек на чужую территорию. При этом случаи систематического нарушения покоя (запах, шум, агрессивное поведение)

²³⁷ Animal Welfare (Licensing of Activities Involving Animals) (England) (Amendment) Regulations 2019. / London: UK Government. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukxi/2019/1093/contents> (дата обращения: 16.11.2025).

²³⁸ Ibid. § 6 (A).

²³⁹ Animals Act 1971.(Законом «Об ответственности за животных») / London: Parliament of the United Kingdom, 1971. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1971/22> (дата обращения: 16.11.2025).

²⁴⁰ Ibid. S. 2 (2). Прим. Под специфическими характеристиками понимаются: склонность к агрессии, не свойственная виду в обычном состоянии, сильная реакция на громкие звуки, приступы паники, если животное неоднократно кусало людей или животных и т.п.

²⁴¹ Buckle v. Holmes. A-Law (UK Centre for Animal Law). Animal Law UK: Case Summaries. / London: A-Law, 2020. P. 38-45. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alaw.org.uk/wp-content/uploads/2020/10/Animal-Law-UK-Case-Summaries.pdf> (дата обращения: 16.11.2025).

могут подпадать под регулирование по Закону «Об охране окружающей среды» 1990 года в качестве несоблюдения санитарных и бытовых условий²⁴². В таком случае к владельцу может быть применено предписание об устранении нарушений, неисполнение которого влечет уголовную ответственность.

Таким образом, в современном праве Великобритании животное не наделяется правосубъектностью в полном смысле, однако рассматривается как чувствующее существо с юридически защищенными интересами, реализация которых обеспечивается обязанностями человека. В совокупности, британская правовая система выстраивает целостную систему защиты животных, в которой соединяются уголовное, гражданское, административное и международное регулирование. Таким образом, правовое положение животного в Великобритании можно охарактеризовать как переходное: от объекта права — к квазисубъекту, с юридически признанными интересами, находящимися под защитой со стороны государства.

В зоозащитной практике США самым ярким явлением являются активные попытки крупных зоозащитных организаций закрепить за животными право на применение к ним Хабеас корпус акта. Важно понимать, что исторически Хабеас корпус акт был принят для защиты от произвольного заключения и представляет собой специальный правовой механизм, позволяющий обжаловать незаконное ограничение свободы. Это не просто процедурный инструмент, а фундаментальное выражение идеи личной неприкосновенности, признанное в национальных и международных правовых системах, включая Конституцию США, Всеобщую декларацию прав человека и Европейскую конвенцию по правам человека.

Основной тезис, обосновывающий необходимость применения такого механизма в отношении нечеловеческих существ, сводится к признанию за

²⁴² Environmental Protection Act 1990. (Закон «Об охране окружающей среды») S.43. / London: Parliament of the United Kingdom. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/43> (дата обращения: 16.11.2025).

другими биологическими видами способности к когнитивной деятельности: самосознанию, волевому поведению, памяти и способности испытывать страдания. Если существо, независимо от видовой принадлежности, обладает подобными признаками, оно имеет интерес к свободе, который заслуживает правовой защиты.

Современные данные этологии, нейробиологии и когнитивной науки подтверждают, что у многих нечеловеческих животных обнаруживаются черты, ранее приписываемые исключительно человеку — самопознание, траур, эмпатия, абстрактное мышление²⁴³. Все это позволяет говорить о присутствии элементов правосубъектности животных. В связи с этим некоторые авторы считают возможным применение процедуры «*habeas corpus*» не только к людям, но и к тем животным, которые демонстрируют необходимую степень когнитивной сложности²⁴⁴. Отказ в этом праве на основании биологической классификации представляет собой форму правовой и моральной дискриминации.

В суде данную позицию в последние десятилетия активно пыталась доказать организация «Проект прав нечеловеческих существ» (*Nonhuman Rights Project*, далее – *NhRP*)²⁴⁵. Она инициировала иски в защиту шимпанзе

²⁴³ См. Анохин К.В. Нейробиология эмоций // Нейрообразование. 2019. N 2. С. 12–25.; Резникова Ж.И. Когнитивное поведение животных: его адаптационная функция и закономерности формирования / Новосибирский государственный университет, 2009. С. 53-68.; *Vauclair J.* «Mental states in animals: cognitive ethology» *Vauclair J. Mental states in animals: cognitive ethology // Trends in Cognitive Sciences.* 1997. Vol. 1, no. 1. P. 190-195.; *Zippel M.N., et al.* Animal emotions and consciousness // *PMС.* 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11558068/> (дата обращения: 16.11.2025).

²⁴⁴ См. *Lynch M. J.* Writs of Habeas Corpus for Nonhuman Primates in the United States and the Nonhuman Rights Project: Legal Processes and Arguments Used to Secure Nonhuman Animal Rights // *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy.* 2023. Vol. 12, No. 3, P. 15-26.; *Montes. F.M.* Traditional Conceptions of the Legal Person and Their Relevance to Animal Legal Personhood // *Animals.* 2022. Vol. 12, No. 19, P. 25-90.

²⁴⁵ *Nonhuman Rights Project* (Проект прав нечеловеческих существ). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nonhumanrights.org> (дата обращения: 16.11.2025).

Томми²⁴⁶, Кико²⁴⁷, Геркула и Лео²⁴⁸ с целью добиться признания за ними статуса лиц и, как следствие, реализацию «права на свободу» через процедуру «*habeas corpus*». В каждом из случаев суды отклоняли поданные иски, ссылаясь на то, что животные не могут нести юридические обязанности, а потому не могут быть и субъектами прав²⁴⁹. Согласно позиции инициаторов тяжбы такой подход противоречит сложившейся практике: малолетние граждане, недееспособные лица также не несут обязанностей, но сохраняют правосубъектность. Суды также выражали опасения, что признание субъектности за одним видом приведет к требованию признания прав за другими²⁵⁰. Однако история показывает, что расширение круга субъектов права — это вполне закономерный процесс, и новый статус для одной группы не требует автоматического переноса на всех.

Апелляционный суд Нью-Йорка подчеркнул, что шимпанзе не могут нести юридических обязанностей, а потому не являются субъектами прав в понимании закона. Довод истцов о том, что малолетние дети или недееспособные взрослые также не несут обязанностей, но пользуются правовой защитой, не был принят во внимание²⁵¹. Аналогично в 2022 году высший суд штата Нью-Йорк рассмотрел резонансное дело слоники по кличке

²⁴⁶ Nonhuman Rights Project, Inc. v. Lavery, 998 N.Y.S.2d 248 (N.Y. App. Div. 2014). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nonhumanrights.org/client-tommy/> (дата обращения: 16.11.2025).

²⁴⁷ Nonhuman Rights Project, Inc. v. Presti, 124 A.D.3d 1334 (N.Y. App. Div. 2015). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nonhumanrights.org/client-kiko/> (дата обращения: 16.11.2025).

²⁴⁸ Nonhuman Rights Project, Inc. ex rel. Hercules and Leo v. Stanley, 49 Misc.3d 746 (N.Y. Sup. Ct. 2015). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nonhumanrights.org/hercules-and-leo/> (дата обращения: 16.11.2025).

²⁴⁹ См. Matter of Nonhuman Rights Project, Inc. v. Lavery, 152 A.D.3d 73, 78 (App. Div. 1st Dept., 2017). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nycourts.gov/courts/ad1/Decisions/2017/152AD3d73.pdf> (дата обращения: 16.11.2025).

²⁵⁰ Matter of Nonhuman Rights Project, Inc., ex rel. Kiko v. Presti, 124 A.D.3d 1334 (App. Div. 4th Dept., 2015). [Электронный ресурс]. URL: <https://law.justia.com/cases/new-york/appellate-division-fourth-department/2015/1300-ca-14-00357.html> (дата обращения: 16.11.2025).

²⁵¹ См. Nonhuman Rights Project, Inc. v. Lavery, 998 N.Y.S.2d 248 (N.Y. App. Div. 2014). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nonhumanrights.org/client-tommy/> (дата обращения: 16.11.2025).

Хэппи, содержащейся в зоопарке. Суд большинством голосов отказал в выдаче «*habeas corpus*», прямо указав, что этот правовой механизм исторически предназначен для защиты свободы человека, и поэтому не может применяться к слону, который не является лицом в смысле закона²⁵². При этом суд признал высокий уровень интеллекта и чувствительности слонов, но подтвердил вывод о том, что «*habeas corpus*» не распространяется на животных, и оставил решение нижестоящего суда об отказе без изменения²⁵³. В обосновании этого решения указано, что ни один суд в США еще не удовлетворял подобные иски, а большинство прецедентов сходятся на отсутствии у животных правосубъектности, необходимой для защиты свободы посредством «*habeas corpus*»²⁵⁴. Помимо упомянутых дел в Нью-Йорке, суды Массачусетса и Коннектикута также отклонили попытки освободить слонов из неволи через «*habeas corpus*» (дело «Роули против города Нью-Бедфорд» в Массачусетсе, 2020 г.²⁵⁵, дело о трех слонах Бьюла, Карен и Минни в Коннектикуте, 2017-2020²⁵⁶).

Несмотря на такую однозначную и последовательную позицию, в самих судебных решениях прослеживается дискуссия о необходимости и пределах признания за животными элементов правосубъектности. Так, примечательно особое мнение судьи Юджина Фэйхи (Высший суд штата Нью-Йорк) по делу

²⁵² См. Nonhuman Rights Project, Inc. on behalf of Happy v. Breheny, 52 N.Y.3d xxx (New York Ct. App. 14 June 2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nycourts.gov/ctapps/Decisions/2022/Jun22/52opn22-Decision.pdf> (дата обращения: 16.11.2025).

²⁵³ Ibid. P. 9.

²⁵⁴ См. Nonhuman Rights Project, Inc. on behalf of Happy v. Breheny, 52 N.Y.3d xxx (New York Ct. App. 14 June 2022). P. 2-3. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nycourts.gov/ctapps/Decisions/2022/Jun22/52opn22-Decision.pdf> (дата обращения: 16.11.2025).

²⁵⁵ Rowley v. City of New Bedford, Civil Action No. 2077CV00207 (Mass. Super. Ct., 19 July 2020). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5ff2d4f64653d03c4400ed51> (дата обращения: 16.11.2025);

²⁵⁶ Nonhuman Rights Project, Inc. ex rel. Beulah, Karen & Minnie v. R.W. Commerford & Sons, Inc., AC 42602 (Conn. App. Ct., 2019). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jud.ct.gov/external/supapp/Cases/AROp/AP192/192AP408.pdf> (дата обращения: 16.11.2025).

о шимпанзе Томми и Кико в 2018 году. Судья отметил, что вопрос следует ставить не о том, считается ли шимпанзе «человеком» в юридическом смысле, а о том, обладает ли он правом на свободу, защищаемым через «*habeas corpus*». Судья Фэйхи раскритиковал узко биологический критерий правосубъектности и подчеркнул, что высокая когнитивная способность и автономность некоторых животных могут потребовать переосмысления их правового положения²⁵⁷. Несмотря на это заявление, официальная позиция суда осталась прежней — в пересмотре дела было отказано, и шимпанзе не были признаны субъектами права. Тем не менее, само по себе появление таких мнений внутри высших судебных инстанций говорит о намечающемся сдвиге в правосознании.

Помимо требований о выдаче «*habeas corpus*», в США предпринимались и другие попытки наделить животных самостоятельными правами через судебные иски. Характерный пример — дело *Naruto v. Slater* 2018г. (Наруто против Слейтера)²⁵⁸, где организация «*PETA*»²⁵⁹ выступила от имени макаки, сделавшей собственное «селфи», требуя признать за животным авторское право на фотографию. Хотя суд признал, что исковые требования формально отвечают критериям конкретного спора (сторонники макаки утверждали, что она понесла экономический ущерб от отсутствия авторского вознаграждения), дело было прекращено, поскольку закон об авторском праве не предусматривает возможности исков от имени животных²⁶⁰. Апелляционный суд девятого округа подтвердил, что животное не считается субъектом, которому Конгресс намеревался предоставить права автора, и прямо указал на

²⁵⁷ См. Concurring Opinion by Judge Eugene M. Fahey. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nycourts.gov/ctapps/Decisions/2018/May18/M2018-268opn18-Decision.pdf> (дата обращения: 16.11.2025).

²⁵⁸ *Naruto v. Slater*, No. 16-15469 (9th Cir. Apr. 23, 2018). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca9/16-15469/16-15469-2018-04-23.html> (дата обращения: 16.11.2025).

²⁵⁹ Прим. People for the Ethical Treatment of Animals (PETA) — Люди за этическое обращение с животными.

²⁶⁰ *Ibid.* P.8.

отсутствие у животных статутной (законодательной) возможности обращаться в суд за защитой своих интересов²⁶¹.

Похожая ситуация сложилась в деле *Justice v. Vercher* 2022 г. (Джастис против Верчер)²⁶² в штате Орегон, где от имени коня по кличке Джастис, пережившего жестокое обращение, был подан гражданский иск к бывшему владельцу о возмещении ущерба. Несмотря на то, что суды Орегона ранее признали животных «потерпевшими» в рамках уголовных дел о жестоком обращении, в данном случае судебная система отказалась выйти за рамки традиционной доктрины имущества. Суд отклонил иск, указав, что животное не обладает самостоятельной юридической правосубъектностью и не может выступать истцом даже через представителя²⁶³.

По итогам параграфа можно сделать вывод о том, что правовое регулирование обращения с животными в англо-американской системе демонстрирует сложившуюся дуалистическую модель, в которой сочетаются развитые механизмы защиты благополучия животных с устойчивостью традиционной доктрины, исключающей признание за ними полноценной правосубъектности. Великобритания прошла путь от первых уголовных норм XIX века к комплексной современной системе, в которой обязанности человека по отношению к животному сформулированы максимально подробно, а само животное законодатель признаёт чувствующим существом. Последовательное расширение объёма охраны, показывает, что британская модель фактически признаёт за животными юридически значимые интересы, требующие активного государственного вмешательства. Тем не менее, даже при столь высоком уровне защиты закон продолжает рассматривать животное

²⁶¹ *Naruto v. Slater*, 888 F.3d 418, United States Court of Appeals for the Ninth Circuit, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://cdn.ca9.uscourts.gov/datastore/opinions/2018/04/23/16-15469.pdf>

²⁶² *Justice v. Vercher (and through Mosiman)*, 321 Or.App. 439 (Or. Ct. App. 2022). [Электронный ресурс]. URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/or-court-of-appeals/2184640.html> (дата обращения: 17.11.2025).

²⁶³ *Ibid.* P. 444.

через конструкцию ответственности человека, а не через признание самостоятельного статуса животного как субъекта права.

Американская практика развивалась иным путём: вместо всеобъемлющей кодификации, характерной для британского права, именно судебные процессы стали пространством для проверки возможностей расширения правового статуса животных. Попытки применения института «*habeas corpus*» к приматам и слонам, предпринятые организацией «*NhRP*», а также иски о признании авторских прав или гражданской деликтоспособности животных, наглядно демонстрируют, что институциональные механизмы англо-американского права способны рассматривать такие требования по существу. Однако результаты судебных процессов выявили жёсткие пределы действующей доктрины: суды единообразно исходят из того, что животные не обладают правоспособностью, предусмотренной законом, и не могут участвовать в судебных процедурах как носители субъективных прав.

§3. Опыт правозащиты животных в странах Азии и Ближнего Востока

Китайская цивилизация издавна уделяла особое внимание сакральной связи человека с природой. В традиционной концепции «тянь-жэнь хэ и» (единство неба и человека)²⁶⁴ утверждается, что все живые существа, включая животных, образуют единую систему. Доминирующие религиозно-философские учения Китая (даосизм, конфуцианство и буддизм) призывали к состраданию и ненасилию по отношению к животным. Например, Конфуций учил обращаться с живыми существами умеренно и справедливо. В «Лунь юй» (Аналектах) записано, что мудрец «ловил рыбу только на удочку, а не сетью, и не стрелял в птиц, сидящих на ветках»²⁶⁵, то есть избегал нечестной охоты.

²⁶⁴ См. Zhang, Dainian. Key Concepts in Chinese Philosophy. New Haven: Yale University Press, 2002. Section «Tian-ren heyi». [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/keyconceptsinchinesephilosophy> (дата обращения: 11.08.2025).

²⁶⁵ Конфуций. Лунь юй / пер. с кит., вступ. ст. и комм. Л. С. Переломова. М.: Восточная литература, 2001. С.47.

В классическом тексте «Лицзи» («Книга обрядов») указано, что «деревья рубят и животных забивают только в надлежащие сезоны», запрещая охоту и вырубку леса в период размножения и роста живых существ²⁶⁶. Эти нормы отражали уважение к естественному порядку и нежелательность неоправданного причинения вреда природе. Даосийские и буддийские каноны также проповедовали милосердие ко всем созданиям. Так, даосский трактат «Тайшан ганьин пянь» («Наставление Высшего о отклике и воздаянии», XII в.) наставлял последователей: «С милосердным сердцем относитесь ко всем существам... Не причиняйте вреда даже самым малым созданиям, насекомым и растениям»²⁶⁷. В буддизме принцип ахимсы прямо запрещал убивать и мучить живое без крайней необходимости. То есть, в традиционной культуре Китая жестокое обращение с животными не поощрялось; напротив, древнекитайские традиции и обычаи призывали к гуманности и воздержанию от насилия по отношению к живым существам.

Контрастом к древним идеалам стала политика реформ после 1978 года, инициированных Дэн Сяопином, когда Китай выбрал курс стремительного экономического роста любой ценой²⁶⁸. В рамках этой технократической модели природа и животные стали рассматриваться прежде всего как ресурсы для развития. Принцип «обогащение превыше всего» привёл к индустриализации сельского хозяйства, созданию массовых животноводческих ферм и фабрик, неконтролируемому использованию дикой природы. Гигантский всплеск урбанизации и потребления сопровождался ростом спроса на мясо, мех и экзотических животных.

²⁶⁶ Ли цзи. Книга обрядов / пер. с кит., примеч. и сост. Л. С. Переломова // Восточная литература. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Drvnkit_fil/frameset12.htm (дата обращения: 01.08.2025).

²⁶⁷ «Антология даосской философии» / сост., пер., вступ. ст. и комм. А. А. Маслов. М.: Республика, 1994. С. 235.

²⁶⁸ См. Островский А.В. 40 лет экономических реформ в КНР (1978–2018): итоги, проблемы // 40 лет экономических реформ в КНР (1978–2018): результаты и проблемы. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 5-21.

Как подчеркивает доцент восточноазиатской политики и права Университета Хьюстон Питер Дж. Ли, в современной китайской политике животные рассматриваются в логике «экономического функционализма»: если живое существо приносит прибыль, оно допустимо к использованию; если нет, то оно не представляет правового интереса в Китае²⁶⁹. Это привело к множественным злоупотреблениям: публичным казням животных, медвежьим фермам по извлечению желчи, продаже кошек и собак на рынках, бесконтрольному отлову и разведению редких видов. Формально такие действия регулируются законами, но на практике отсутствует их реальное исполнение²⁷⁰. Формально некоторые из этих практик регулируются законом, но на деле такая гонка за прибылью приводит к повсеместному нарушению даже существующих норм. Местные власти нередко закрывают глаза на жестокий бизнес, особенно если он обеспечивает занятость или доходы. Как следствие, случаи крайней жестокости к животным – от тайных боен до видео с пытками животных – остаются безнаказанными. По сути, экономический рывок был достигнут ценой игнорирования страданий животных, что прямо противоречит традиционным этическим принципам Китая²⁷¹.

На сегодня в КНР отсутствует общий закон о защите животных по западному образцу. Нормы, касающиеся животных, разбросаны по разным законам и отраслевым актам, основной упор которых – функциональное использование флоры и фауны, а не благополучие животных. Так, часто упоминаемый Закон КНР «Об охране дикой природы» 1988 г., по сути, направлен на регламентацию «рационального использования ресурсов дикой

²⁶⁹ См. *Li, P.J. Animal Welfare in China: Culture, Politics and Crisis* / Sydney: Sydney University Press, 2021. P. 54. [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.informit.org/product/animal-welfare-in-china-culture-politics-and-crisis> (дата обращения: 18.11.2025).

²⁷⁰ *Ibid.* P. 310-315.

²⁷¹ См. *Li, P.J. Animal Welfare in China: Culture, Politics and Crisis* / Sydney: Sydney University Press, 2021. P. 317-319. [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.informit.org/product/animal-welfare-in-china-culture-politics-and-crisis> (дата обращения: 18.11.2025).

природы»²⁷². Как метко заметил эксперт Питер Дж. Ли, этот акт скорее следовало бы назвать законом об использовании диких животных, поскольку он не вводит понятий страдания или благополучия зверей, не обязывает предотвращать мучения. Напротив, закон поощряет разведение, отлов и продажу диких животных в «научных и хозяйственных целях», фактически легализуя эксплуатацию ради медицины, косметики, развлечений и пр. Нарушения этих норм широко распространены, и ответственность нестрога, что подрывает их эффективность²⁷³.

Аналогично, и другие регламенты, например, Правила содержания лабораторных животных (1988) – устанавливают технические стандарты условий содержания и экспериментов, но почти не работают из-за отсутствия механизмов контроля²⁷⁴. Даже специальные постановления, призванные улучшить положение животных, зачастую служат интересам отрасли: так, ведомственные «Временные правила об использовании и управлении технологиями разведения черных медведей» (1997) были направлены скорее на поддержание индустрии медвежьих ферм, и, как отмечается, нарушаются большинством подобных ферм²⁷⁵. В целом, китайское законодательство страдает ориентацией на тотальный утилитаризм. При таких условиях случаи жестокого обращения (включая запечатленные на видео убийства или истязания) практически не преследуются по закону, поскольку формально нет

²⁷² Law of the People's Republic of China on the Protection of Wildlife (1988 г.) (Закон КНР «Об охране дикой природы») / Закон Китайской Народной Республики от 8 ноября 1988 г. Art. 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.china.org.cn/english/environment/34349.htm> (дата обращения: 18.11.2025).

²⁷³ См. *Li P.J.* China does not have a general animal welfare law. A Review of China's Animal Protection Challenge [Электронный ресурс]. URL: <https://www.animalsandsociety.org/wp-content/uploads/2016/05/li.pdf> (дата обращения: 05.08.2025).

²⁷⁴ Regulations for the Administration of Laboratory Animals (Правила содержания лабораторных животных) / Постановление Государственного комитета по науке и технике КНР от 14.10.1988. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content_5206514.htm (дата обращения: 18.11.2025).

²⁷⁵ State Forestry Administration of China. Interim Provisions on the Administration of Black Bear Breeding Technology («Временные правила об использовании и управлении технологиями разведения чёрных медведей»). 1997. / Государственное лесное управление. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forestry.gov.cn> (дата обращения: 18.11.2025).

норм, квалифицирующих эти действия как преступление. Это создает своего рода правовой вакуум, в котором жестокость по отношению к животным де-факто остается безнаказанной и нигде прямо не запрещена.

Парадоксальным образом именно на фоне отсутствия законов о защите животных в Китае с начала 2000-х годов активно развивается общественное зоозащитное движение. В крупных городах и провинциях возникли десятки волонтерских групп, частные приюты для бездомных животных, инициативы по спасению дикой природы²⁷⁶. Эти энтузиасты ведут кампании за прекращение жестоких практик: выступают против поедания собак (в том числе против знаменитого фестиваля собачьего мяса в Юйлине), добиваются закрытия медвежьих ферм, требуют запретов на петушинные бои, дельфинарии и другие формы эксплуатации животных²⁷⁷. Особо активно к движению примыкает городская молодежь: в Шанхае, Гуанчжоу, Пекине набирают популярность идеи вегетарианства и ответственного потребления, волонтеры спасают животных от эвтаназии, проводят просветительские акции в школах и вузах. По мнению исследователей, новое поколение китайцев 1980–1990-х годов рождения куда менее терпимо к жестокости и более чутко к страданиям животных, чем старшие поколения. В стране появляются многочисленные некоммерческие организации (НКО), цель которых – продвижение прав животных и гуманного отношения. Иногда им даже удается повлиять на решения властей или спасти отдельных животных, бросив вызов традиционному союзу бизнеса и местной власти²⁷⁸. Однако следует

²⁷⁶ См. *Tobias, M.* The Animal Rights Conundrum for China // MAHB Forum. 16 Mar 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://mahb.stanford.edu/library-item/the-animal-rights-conundrum-for-china/> (дата обращения: 18.11.2025)

²⁷⁷ См. *Yang, Z.* The Politics of Dog Meat: Consumption, Contention, and the Changing State–Society Relationship in China // *Journal of Asian Studies*. 2020. Vol. 79, No. 4. P. 895-916. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/journal-of-asian-studies/article/politics-of-dog-meat/> (дата обращения: 18.11.2025).

²⁷⁸ См. *Li, P. J.* The evolving animal rights and welfare debate in China: Political and social impact Analysis / *Animals, ethics and trade: The challenge of animal sentience*. P. 111-128. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wellbeingintlstudiesrepository.org/cgi/viewcontent.cgi?article=1054&context=acwp>

подчеркнуть, что зоозащитники действуют в крайне неустойчивых условиях. Их объединения не имеют официального статуса политических или общественных организаций, что лишает их возможности обращаться в суд или лоббировать законы наравне с государственными структурами. Более того, правовая система фактически не поддерживает движение в защиту животных²⁷⁹. Действуют строгие правила регистрации и надзора за НКО, финансовые ограничения, затрудняющие свободную деятельность активистов²⁸⁰.

Несмотря на мрачную текущую ситуацию, в Китае наблюдаются признаки возможного сдвига в сторону лучшей защиты животных. В последние годы тема прав животных все чаще поднимается в академических кругах и среди юристов. Специалисты обсуждают концепции международного права животных и ищут пути их адаптации к китайским реалиям и азиатской философии²⁸¹. Проводятся научные форумы и публикуются исследования, посвященные этике и законодательству об обращении с животными. Фактически, только в эпоху реформ животные впервые стали предметом серьезной правовой дискуссии в Китае. Кроме того, международные обязательства Китая стимулируют улучшение охраны животных. Страна является участником глобальных соглашений по сохранению природы, таких как Конвенция «О биологическом разнообразии»²⁸² и Конвенция «О

²⁷⁹ См. *Li, P. J.* A Review of China's Animal Protection Challenge // *Society & Animals*. 2013. Vol. 21, No. 1. С. 34-53. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.animalsandsociety.org/wp-content/uploads/2016/05/li.pdf> (дата обращения: 18.11.2025).

²⁸⁰ *Ibid.* P. 45-56.

²⁸¹ См. *Sima, Y., O'Sullivan, S.* Chinese Animal Protection Laws and the Globalisation of Welfare Norms // *International Journal of Law in Context*. 2016. Vol. 12, Issue 1. P. 1-23. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/international-journal-of-law-in-context/article/chinese-animal-protection-laws-and-the-globalisation-of-welfare-norms/2D7F56C72400A2ED2D8B0A003C3B10DA> (дата обращения: 18.11.2025).

²⁸² Convention on Biological Diversity (Конвенция о биологическом разнообразии). 1992. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbd.int/convention/text/> (дата обращения: 18.11.2025).

международной торговле видами дикой фауны и флоры»²⁸³, что требует от нее сохранять виды и ограничивать торговлю дикой фауной. В 2020 г., после вспышки COVID-19 (связанной, как считалось, с рынками диких животных), руководство КНР объявило запрет на торговлю и потребление дикой фауны, который затем сделал бессрочным²⁸⁴.

Таким образом, положение животных в современной КНР характеризуется острым противоречием между богатейшим этическим наследием и суровой реальностью индустриальной эпохи. Древние философы и императоры провозглашали милосердие к братьям нашим меньшим, вводили запреты на избыточную охоту и убой в брачный сезон, воспитывали уважение к каждой жизни. Но сегодняшняя практическая политика во многом продолжает рассматривать природу сквозь призму утилитарной выгоды, где миллиарды животных ежегодно становятся сырьем для производства продовольствия, одежды, лекарств и развлечений.

В индийской правовой традиции защита животных выходит далеко за пределы обычного административного регулирования, трансформируясь в нормативную и ценностную модель, в которой животные рассматриваются как существа, обладающие внутренней ценностью и правами, вытекающими из самой природы их жизни. Такая правовая модель строится на трех взаимосвязанных уровнях: (1) положениях Конституции, (2) действующем законодательстве (прежде всего Законе «О предотвращении жестокого

²⁸³ Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora (CITES), (Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры). 1973. [Электронный ресурс]. URL: <https://cites.org/eng/disc/text.php> (дата обращения: 18.11.2025).

²⁸⁴ Standing Committee of the National People's Congress of the PRC. Decision on Completely Prohibiting the Illegal Trade of Wildlife, Eliminating the Bad Habit of Wildlife Consumption, and Effectively Safeguarding the Lives and Health of the People («О полном запрете незаконной торговли дикими животными, искоренении пагубной привычки потребления дикой фауны и обеспечении безопасности жизни и здоровья народа») / Постановление Постоянного комитета ВСНП КНР от 24.02.2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202002/6fa9f96f357c4e0c8da5eecb2a6178b3.shtml> (дата обращения: 18.11.2025).

обращения с животными» 1960 года²⁸⁵) и (3) судебной практике Верховного суда.

Фундаментом индийской системы защиты животных является признание государством охраны животных в качестве конституционной обязанности. Хотя сама Конституция Индии прямо не провозглашает животных субъектами основных прав, статьи 48 и 48А закрепляют обязанности государства по защите окружающей среды, природы, а также «организации сельского хозяйства и животноводства на современных началах», включая охрану и улучшение пород²⁸⁶. Статья 51-А(g) формулирует этическую обязанность каждого гражданина проявлять «сострадание ко всем живым существам»²⁸⁷, тем самым закрепляя биоэтический вектор правового мышления.

На основе этих положений Верховный суд Индии сформировал инновационную доктрину интерпретации права, расширив понятие «жизни» в смысле статьи 21 Конституции (традиционно применимой к людям) и распространив его на животных. В ключевом деле «*Animal Welfare Board of India v. A. Nagaraja*» (Совет по благополучию животных Индии против А. Нагараджа) 2014г. суд указал, что животные обладают «правом на жизнь с достоинством», а их страдания и интересы должны приниматься во внимание при правоприменении²⁸⁸. В этом решении Верховный суд впервые закрепил концепцию «наилучших интересов вида», определяя вмешательства человека

²⁸⁵ The Prevention of Cruelty to Animals Act, 1960 (Закон «О предотвращении жестокого обращения с животными»). Act No. 59 of 1960. / Government of India, Ministry of Law and Justice. [Электронный ресурс]. URL: <https://legislative.gov.in/sites/default/files/A1960-59.pdf> (дата обращения: 18.11.2025).

²⁸⁶ Конституция Индии. Art. 48, Art. 48-A / Ministry of Law and Justice, Government of India. [Электронный ресурс]. URL: <https://legislative.gov.in/constitution-of-india> (дата обращения: 18.11.2025).

²⁸⁷ Ibid. Art. 51-A(g).

²⁸⁸ Supreme Court of India. *Animal Welfare Board of India v. A. Nagaraja and Others: Civil Appeal* (Совет по благополучию животных Индии против А. Нагараджа). N. 5387/2014. Judgment of 7 May 2014. P. 39-40. [Электронный ресурс]. URL: <https://main.sci.gov.in/judgment/judis/42529.pdf> (дата обращения: 18.11.2025). Прим. То есть суд признал, что животные являются обладателями права на жизнь с достоинством — одно из наиболее прогрессивных судебных толкований в Азии.

по критерию максимальной пользы и минимального ущерба для животных как вида²⁸⁹.

Развитие этих подходов достигло кульминации в деле «*Karnail Singh vs. State of Haryana*» (Карнаил Сингх против штата Харьяна) 2019 г., где Верховный суд Пенджаба и Харьяны официально признал всех животных, включая наземных, водных и воздушных, «юридическими личностями» (*legal persons*), наделёнными «соответствующими правами, обязанностями и обязательствами, аналогичными правам, обязанностям и обязательствам живущих людей» (п. 26 решения).²⁹⁰ Суд сослался на статью 21 Конституции Индии (право на жизнь и личную свободу) и интерпретировал её расширительно — включив в сферу защиты не только людей, но и животных, признавая их право на «спокойную, комфортную и здоровую жизнь»²⁹¹. Кроме того, решение предписывает обязанность каждого гражданина выступать в роли «*in loco parentis*» — правового опекуна животных, тем самым закрепляя юридическую ответственность человека за благополучие других живых существ (п. 27)²⁹². Это решение представляет собой важный прецедент в области биоэтики и права, поскольку формирует особый тип правосубъектности животных — не как объектов охраны, а как активных носителей прав. Оно отражает глубокое влияние индийских философских традиций (ахимса), где человек и животное существуют в единой моральной и космологической системе. В дополнение к юридической фикции правосубъектности животных, суд в этом деле сформировал более 25

²⁸⁹ Supreme Court of India. Animal Welfare Board of India v. A. Nagaraja and Others: Civil Appeal (Совет по благополучию животных Индии против А. Нагараджа). N. 5387/2014. Judgment of 7 May 2014. P. 37. [Электронный ресурс]. UR: <https://main.sci.gov.in/judgment/judis/42529.pdf> (дата обращения: 18.11.2025).

²⁹⁰ High Court of Punjab and Haryana. Karnail Singh v. State of Haryana (Карнаил Сингх против штата Харьяна) CRWP N. 7943 of 2019. Judgment of 31 May 2019. P. 26-27. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.animallaw.info/sites/default/files/Karnail%20Singh%20and%20others%20v%20State%20of%20Haryana.pdf> (дата обращения: 18.11.2025). Прим. Суд распространил правосубъектность на всех животных, установив для людей обязанность действовать как законных представителей для животных.

²⁹¹ Ibid. P. 18.

²⁹² Ibid. P. 27.

конкретных предписаний для органов власти и должностных лиц. Среди них: обязательства по предоставлению животным прав преимущественного проезда, ограничение времени их эксплуатации, запрет на использование остроконечных предметов при упряжке, требования к условиям транспортировки, обязательное оказание ветеринарной помощи, обустройство приютов и кормовых пунктов, а также обеспечение соблюдения всех положений правил 1965, 1978, 2001, 2017 и 2018 годов, касающихся обращения с рабочими, лабораторными и декоративными животными²⁹³.

Таким образом, Индия несмотря на присущую ей аграрную культуру, является одной из первых стран, которая установила конституционную защиту животных. Обширная судебная практика свидетельствует о зрелости государства, готовом брать на себя ответственность в области благополучия и защиты «личностей нечеловеческого происхождения»²⁹⁴ от жестокости.

Современные исламские представления о благополучии животных формируют многомерную правовую систему, в основе которой лежат положения Корана, Сунны, классического фикха и фетвы. Эти представления не ограничиваются рамками нравственного учения, но разворачиваются в виде системного правового дискурса, в котором вопросы справедливости, защиты и предотвращения страдания касаются не только людей, но и всего живого мира. Именно поэтому исламская мысль предлагает уникальное видение взаимосвязи человека и животного как части единого творения, основанного на доверии, ответственности и божественном завете. Такое понимание

²⁹³ High Court of Punjab and Haryana. Karnail Singh v. State of Haryana (Карнаил Сингх против штата Харьяна) CRWP N. 7943 of 2019. Judgment of 31 May 2019. P. 101-104. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.animallaw.info/sites/default/files/Karnail%20Singh%20and%20others%20v%20State%20of%20Haryana.pdf> (дата обращения: 18.11.2025).

²⁹⁴ Прим. Министр окружающей среды и лесов Индии назвал дельфинов «личностями нечеловеческого происхождения» Официально такой формулировки ни в одном законе Индии не содержится. Но есть схожий ее вариант – «*legal persons*». См. *Kauffman, Craig, Catherine Haas, Alex Putzer, Shrishtee Bajpai, Kelsey Leonard, Elizabeth Macpherson, Pamela Martin, Alessandro Pelizzon & Linda Sheehan*. *Eco Jurisprudence Monitor*. V2. 2025. / Distributed by the Eco Jurisprudence Monitor. [Электронный ресурс]. URL: <https://ecojurisprudence.org/initiatives/policy-on-establishment-of-dolphinarium/>.

обусловлено фундаментальной исламской концепцией мира как единого божественного порядка (*tawhid*)²⁹⁵, в котором человек выступает не абсолютным хозяином природы, а наместником (*khalīfa*)²⁹⁶, наделённым обязанностью бережного, ответственного и справедливого управления доверенным ему миром. В этой логике животное не является «вещью» или объектом эксплуатации: оно обладает собственной ценностью, поскольку каждое существо «воздаёт хвалу Творцу» (Коран 24:41)²⁹⁷ и включено в систему божественного завета (*'ahd*)²⁹⁸. Основополагающими предписаниями исламского права являются запрет на причинение страдания животным без необходимости (*la darar wa la dirar*)²⁹⁹, обязанность обеспечивать животным надлежащие условия содержания, корм и воду, запрет на истязания, эксперименты без цели, забой на глазах других животных и другие акты жестокости, даже в отношении тех животных, которые допускаются к употреблению в пищу. Хадисы сообщают, что женщина, заморившая голодом кошку, оказалась в аду, а мужчина, напоивший жаждущую собаку, был прощён³⁰⁰. Эти примеры служат не только назиданием, но правовой фиксацией принципа ответственности за страдание другого живого существа. Ядро исламской модели благополучия животных формирует этико-правовая триада: милосердие (*rahmah*)³⁰¹, этическое совершенство (*ihsan*)³⁰² и справедливость

²⁹⁵ Новая философская энциклопедия / Арабская философия. М.: Институт философии РАН, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/browse/CL2#CL2.4> (дата обращения: 18.11.2025).

²⁹⁶ Там же.

²⁹⁷ Коран. Сура 24, аят 41 / пер. И. Ю. Крачковского [Электронный ресурс]. URL: <https://falaq.ru/quran/kraч/24/> (дата обращения: 18.11.2025).

²⁹⁸ Новая философская энциклопедия / Арабская философия. М.: Институт философии РАН, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/browse/CL2#CL2.4> (дата обращения: 18.11.2025).

²⁹⁹ См. *Ан-Навави. Рияд ас-Салихин* (Сады праведных). Раздел о милосердии к животным. / пер. с араб. Э.Р. Кулиева. [Электронный ресурс]. URL: <https://umma.ru/riiad-as-salihin/> (дата обращения: 18.11.2025).

³⁰⁰ Там же. Гл. 5.

³⁰¹ Там же.

³⁰² Там же.

(*adl*)³⁰³. Милосердие как этическая и правовая категория означает активное предотвращение страдания и заботу о слабом и безмолвном. Этическое совершенство, один из фундаментальных столпов ислама, предписывает действовать «так, как если бы ты видел Бога»³⁰⁴, и тем самым задает высший стандарт отношения к животному. Справедливость, как предельно широкая правовая категория, означает запрет на всякое превышение дозволенного, принуждение, эксплуатацию и произвол, в том числе действия по отношению к животным. В контексте фикха это означает запрет на нецелевое избиение, доведение животных до истощения, чрезмерную нагрузку, нарушение условий перевозки и отказ от лечения больных животных. Принципиальным отличием исламской модели от западной правовой традиции является смещение акцента с «прав животного» как субъекта права на обязанности человека. Это не умаляет охрану животных, напротив, делает ее более устойчивой в рамках религиозно-правового сознания мусульманского общества.

Несмотря на различие в основаниях, исламская модель демонстрирует существенные параллели с международными стандартами, разработанными такими организациями, как Всемирная организация по охране здоровья животных (WOAH), Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, Европейский союз и Совет Европы. Так, нормы о предоставлении корма и воды, защите от стресса, обеспечении ветеринарной помощи и гуманных методов умерщвления в исламском праве во многом соответствуют положениям таких документов, как *Terrestrial Animal Health Code* (Международный кодекс по благополучию наземных животных)³⁰⁵ (глава 7.1), Директива 98/58/ЕС ЕС «О защите животных на фермах»³⁰⁶ и Регламент N

³⁰³ Там же.

³⁰⁴ См.: Сахих Муслим. Краткое изложение / пер. с араб., прим., указ. А. Нурша..М.: Умма, 2011. С. 38.

³⁰⁵ *Terrestrial Animal Health Code* (Кодекс по благополучию наземных животных). Гл. 7.1./ Paris: WOAH, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.woah.org/en/what-we-do/standards/codes-and-manuals/terrestrial-code/> (дата обращения: 18.11.2025).

³⁰⁶ Directive 98/58/EC of the Council of 20 July 1998 concerning the protection of animals kept for farming purposes // Official Journal of the European Communities. L 221. P. 23-27.

1099/2009 «О защите животных при убое»³⁰⁷. Эти пересечения открывают путь к сближению исламских правовых систем с глобальными стандартами, при сохранении религиозного обоснования.

Таким образом, исламская модель благополучия животных представляет собой не только религиозную доктрину, но и потенциально универсальную этико-правовую систему, способную обогатить и дополнить современные зоозащитные парадигмы. Ее универсальность проявляется в способности сочетать сакральное и рациональное, догматическое и эмпирическое, национальное и универсальное. Она применима как в мусульманских странах, где может служить базой для кодификации зоозащитного законодательства, так и в глобальном правовом диалоге.

Современное турецкое законодательство в области защиты животных начало формироваться в республиканский период. Существенным шагом стало принятие Закона N 5199 «О защите животных» от 1 июля 2004 года (далее – Закон N 5199). Его цель «обеспечить благополучие животных, надлежащее и гуманное обращение с ними, защиту от боли, страданий и мучений, а также предотвращение любых форм эксплуатации и жестокости»³⁰⁸. Закон N 5199 впервые в истории турецкого права ввел целостную систему охраны животных, установив обязанности как для физических, так и для юридических лиц, включая органы местного самоуправления³⁰⁹. Так, закон также запрещает избиение, оставление животных без пищи и воды, принуждение к физически несоответствующей работе, эксплуатацию больных, беременных или недавно родивших

[Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:31998L0058> (дата обращения: 18.11.2025).

³⁰⁷ Council Regulation (EC) N 1099/2009 of 24 September 2009 on the protection of animals at the time of killing // Official Journal of the European Union. L 303P. 1-30.

[Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32009R1099> (дата обращения: 18.11.2025).

³⁰⁸ Hayvanları Koruma Kanunu (Закон о защите животных). Kanun No. 5199, 24 Haziran 2004 // Resmî Gazete. 1 Temmuz 2004. N 25509. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2004/07/20040701.htm> (дата обращения: 18.11.2025).

³⁰⁹ Там же. Ст. 4.

животных, а также участие несовершеннолетних в обращении с животными без предварительного обучения. Эти запреты охватывают как домашних, так и диких животных, находящихся под контролем человека³¹⁰. Кроме того, муниципалитетам предписано создавать приюты и ветеринарные учреждения для бездомных и ослабленных животных, сотрудничая с некоммерческими организациями³¹¹. Также законом введено обязательство владельцев кастрировать домашних животных, содержащихся в многолюдных районах, с целью предотвращения неконтролируемого размножения. Владельцы, желающие разводить своих животных, обязаны регистрировать их потомство в муниципалитете³¹².

Ключевое значение в сфере уголовного права приобрела статья 151 нового Уголовного кодекса Турции (далее – Закон N 5237)³¹³, которая предусматривает наказание за убийство или нанесение серьезного вреда домашнему животному без оправданной причины (влечет наказание в виде лишения свободы на срок от 4 месяцев до 3 лет или штрафа). Отягчающим обстоятельством признается совершение преступления с особой жестокостью, садизмом³¹⁴.

Регулирование затрагивает и сферу образования. Владельцы животных обязаны проходить специальные программы обучения, организуемые муниципалитетами, прежде чем смогут содержать или продавать домашних животных. Это положение направлено на формирование правового сознания, основанного на принципах ответственности и этической заботы³¹⁵.

³¹⁰ Там же. Ст. 4 (a), 4 (c), 4 (e), 4 (g).

³¹¹ Там же. Ст. 6.

³¹² *Hayvanları Koruma Kanunu* (Закон о защите животных). Kanun No. 5199, 24 Haziran 2004 // *Resmî Gazete*. 1 Temmuz 2004. N 25509. Ст. 7. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2004/07/20040701.htm> (дата обращения: 18.11.2025).

³¹³ *Türk Ceza Kanunu Kanun* (Уголовный кодекс Турции) N. 5237. Ankara, 26.09.2004. // *Resmî Gazete* N 25611. Ст. 151. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/tr/tr171en.pdf> (дата обращения: 18.11.2025).

³¹⁴ Там же. Ст. 151.

³¹⁵ *Hayvanların Korunmasına Dair Uygulama Yönetmeliği* (Регламент о применении Закона о защите животных). *Resmî Gazete*, N 25847, 12.05.2005. Ст. 12–14. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2005/05/20050512-6.htm> (дата обращения: 18.11.2025).

Особого внимания заслуживает международно-правовой контекст. В 2003 году Турция присоединилась к Европейской конвенции по защите домашних животных³¹⁶, тем самым выразив приверженность общеевропейским стандартам гуманного обращения с животными. Это присоединение предшествовало принятию Закона N 5199 и придало дополнительную легитимность усилиям Турции по реформированию внутреннего законодательства в соответствии с международными обязательствами.

Таким образом, правовая система Турции демонстрирует переход от традиционно-религиозного понимания обязанности человека перед животными к кодифицированной модели нормативной защиты, основанной на правовых гарантиях, уголовной ответственности и институциональной поддержке. Законодательство Турции стремится интегрировать как этико-религиозные нормы исламской правовой культуры, так и принципы современной биоэтики, что делает турецкий опыт значимым в контексте сравнительного правоведения и глобальных зоозащитных инициатив.

§4. Экоконституции стран Латинской Америки, зоозащита в ЮАР

Правовая система Бразилии представляет собой одну из наиболее прогрессивных моделей зоозащитного законодательства в Латинской Америке. В центре правового механизма защиты животных в этой стране находится Конституция Бразилии 1988 года³¹⁷, в которой впервые на высшем уровне был закреплен запрет на жестокое обращение с животными, а также

³¹⁶ European Convention for the Protection of Pet Animals (Европейской конвенции по защите домашних животных). ETS No. 125. Страсбург, 18 ноября 1999 г. [Электронный текст]. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/125> (дата обращения: 18.11.2025).

³¹⁷ Конституция Федеративной Республики Бразилия 1988 года. / Бразилия: Палата депутатов, 1988. [Электронный ресурс]. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Brazil_2017?lang=ru (дата обращения: 18.11.2025).

обязанность государства и общества по защите фауны. В соответствии со статьей 225 Конституции Бразилии каждый имеет право на экологически сбалансированную среду обитания, а публичные власти обязаны охранять окружающую среду, включая защиту животных, от действий, способных нарушить их экологическую функцию, привести к исчезновению видов или подвергнуть их жестокости³¹⁸.

Данный подход демонстрирует биоцентрический вектор в формировании бразильского правопорядка, поскольку животные рассматриваются не как объекты, подлежащие использованию, а как элементы экосистем, обладающие ценностью независимо от их пользы для человека. Более того, это конституционное положение распространяется не только на дикую фауну, но и на домашних животных, что подтверждается системным толкованием Закона N 5.197 от 3 января 1967 года «О защите фауны»³¹⁹, а также многочисленными подзаконными актами Бразильского института окружающей среды и возобновляемых природных ресурсов (ИВАМА)³²⁰.

Особый интерес представляет также практика правоприменения. В ряде прецедентных дел прокуратура и зоозащитные организации признаются надлежащими истцами, действующими от имени животных, на основании концепции представительства интересов такого промежуточного субъекта. В этой связи теория деперсонализированных субъектов права, разработанная Тагоре Трахано де Алмейда Сильвой³²¹ и Даниэлем Брага Лоуренсу³²², обосновывает допустимость обращения в суд от имени животных, исходя из

³¹⁸ Там же. Ст. 225.

³¹⁹ Lei n. 5.197, de 3 de janeiro de 1967. Dispõe sobre a proteção à fauna e dá outras providências (Закон «О защите фауны») / Brasília: Câmara dos Deputados, 03.01.1967. [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.camara.leg.br/legin/fed/lei/1960-1969/lei-5197-3-janeiro-1967-364679-publicacaooriginal-1-pl.html> (дата обращения: 18.11.2025).

³²⁰ IBAMA. Nota Técnica DBFLO-01/2017. / Brasília: IBAMA, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/ibama/pt-br/centrais-de-conteudo/arquivos/arquivos-pdf/2018-07-06-nota-tecnica-dbflo-01-2017-pdf>

³²¹ См. *Silva, Tagore Trajano de Almeida*. Animais em juízo: direito, personalidade jurídica e capacidade processual. Salvador: Evolução, 2012. 232 с.

³²² См. *Lourenço, Daniel Braga*. Direito dos Animais: fundamentação e novas perspectivas. Porto Alegre: Sergio Antônio Fabris Editores, 2008. 509 с.

наличия у последних юридически охраняемых интересов, независимо от признания их лицами в традиционном смысле.

Бразильская правовая мысль последовательно проводит разграничение между понятием «правосубъектности» и «лицом». Животное может быть субъектом права без обладания полной правосубъектностью в человеческом смысле, при условии, что оно демонстрирует характеристики, требующие защиты. К таким характеристикам можно отнести следующее: страдание, эмоциональную чувствительность, зависимость от окружающей среды. Данное направление нашло отражение в ряде законов: Закон «О преступлениях против окружающей среды» (N 9.605/1998)³²³, Закон «О защите фауны» (N 5.197/1967)³²⁴, Закон «О жестоком обращении» (Декрет 24.645/1934)³²⁵, Закон «О зоопарках»³²⁶, Закон «О вивисекции»³²⁷ и в других нормативных актах, включая запрет на корриды³²⁸, петушиные бои³²⁹ и другие практики, нарушающие физическое и эмоциональное благополучие животных.

³²³ Lei n. 9.605, de 12 de fevereiro de 1998 N 9.605 (Закон «Об экологических преступлениях») / Brasília: Palácio do Planalto [Электронный ресурс]. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/19605.htm (дата обращения: 18.11.2025).

³²⁴ Lei n. 5.197, de 3 de janeiro de 1967. Dispõe sobre a proteção à fauna e dá outras providências (Закон «О защите фауны») / Brasília: Câmara dos Deputados, 03.01.1967. [Электронный ресурс]. URL: <https://www2.camara.leg.br/legin/fed/lei/1960-1969/lei-5197-3-janeiro-1967-364679-publicacaooriginal-1-pl.html> (дата обращения: 18.11.2025).

³²⁵ Decreto n. 24.645, de 10 de julho de 1934. (Декрет N 24.645 от 10 июля 1934 г. «О мерах по предотвращению жестокого обращения с животными») / Национальный архив, 1934. [Электронный ресурс]. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/decreto/1930-1949/d24645.htm (дата обращения: 18.11.2025).

³²⁶ Lei n. 7.173, de 14 de dezembro de 1983 (Закон N 7.173 от 14 декабря 1983 г. «О зоопарках») / Brasília: Palácio do Planalto, 1983. [Электронный текст]. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/17173.htm (дата обращения: 18.11.2025).

³²⁷ Lei n. 11.794, de 8 de outubro de 2008 (Закон N 11.794 от 8 октября 2008 г. «О процедурах использования животных в научных исследованиях») / Brasília: Palácio do Planalto, 2008. [Электронный ресурс]. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2007-2010/2008/lei/11794.htm (дата обращения: 18.11.2025).

³²⁸ Supremo Tribunal Federal. ADI 1856/CE (Vaquejada / Corrida de touros). Rel. Min. Marco Aurélio. Julgado em 06.10.2016. / Brasília, STF. [Электронный ресурс]. URL: <https://portal.stf.jus.br/processos/detalhe.asp?incidente=1788912> (дата обращения: 18.11.2025).

³²⁹ Supremo Tribunal Federal. ADI 4983/CE. Rel. Min. Luiz Fux. Julgado em 07.06.2018. / Brasília: STF. [Электронный ресурс]. URL: <https://portal.stf.jus.br/processos/detalhe.asp?incidente=5024623> (дата обращения: 18.11.2025).

Также заслуживает внимания включение защиты животных в тексты конституций отдельных субъектов федерации, в которых закреплены прямые обязательства местных властей по контролю за содержанием, разведением, транспортировкой и использованием животных³³⁰. Это свидетельствует о наличии вертикальной интеграции зоозащитных норм в структуру публичной власти, а также о признании принципа кооперации между федеральным и региональными уровнями по вопросам охраны фауны.

Таким образом, Бразилия демонстрирует уникальный пример формирования гибридной модели правового регулирования, сочетающей элементы традиционного административного контроля с принципами биоэтики и концепцией ограниченной субъектности. Продвижение в сторону признания животных субъектами права осуществляется как через нормотворчество, так и через судебную практику, опирающуюся на моральные, экологические и научные основания. Это позволяет говорить о Бразилии как об одной из ведущих юрисдикций в формировании нового правового поля, где защита животных рассматривается не как факультативное дополнение, а как органическая часть правопорядка, направленного на устойчивое развитие и соблюдение справедливости вне зависимости от видовой принадлежности.

Боливия, государство в центрально-западной части Южной Америки, представляет собой крайне интересный пример в области экологического права благодаря введению инновационных норм, признающих природу самостоятельным субъектом права. Принятие Конституция Боливии 2009 года³³¹ стало поворотным моментом в развитии боливийского права, поскольку впервые в Южной Америке на конституционном уровне были

³³⁰ См. Constituição do Estado da Bahia de 5 de outubro de 1989 (Конституция штата Байя). / Salvador: Assembleia Legislativa do Estado da Bahia, 1989; Constituição do Estado do Ceará de 25 de junho de 1989 (atualizada) (Конституция штата Сера) / Fortaleza: Assembleia Legislativa do Estado do Ceará, 1989.

³³¹ Constitución Política del Estado (Конституция Многонационального Государства Боливия 2009 года). / La Paz: Asamblea Constituyente, 2009. [Электронный ресурс]. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Bolivia_2009 (accessed: 18.11.2025).

закреплены нормы о защите животных и окружающей среды. Природные и культурные особенности Боливии усиливают необходимость правового регулирования в экологической сфере. Более 40% биологического разнообразия планеты сосредоточено в тропических лесах и заболоченных территориях Пантанала на территории Боливии. Конституция Боливии 2009 года представляет собой яркий пример включения экологических и биоэтических концепций в основной закон государства. Статья 33 конституции закрепляет право каждого на жизнь в защищенной, здоровой и сбалансированной окружающей среде, подчеркивая ее важность не только для человека, но и для иных «живых существ»³³². Конституция рассматривает право на экологическую среду как коллективное право, что открывает возможность каждому гражданину обращаться в суд для защиты природы и животных³³³.

Однако, несмотря на прогрессивную риторику, конституция сохраняет утилитарный подход, определяя животных в качестве ресурсов, которые могут использоваться человеком. Статья 108 Конституции предписывает обязанность всех лиц защищать окружающую среду, включая животный и растительный мир³³⁴. Муниципальные органы, согласно статье 302, также обязаны способствовать охране природы, дикой фауны и домашних животных³³⁵.

Гражданский кодекс Боливии³³⁶ не относит животных напрямую к движимым вещам, однако фактически рассматривает их как имущество, на которое распространяется право собственности. Например, статья 83 определяет потомство животных как «естественные плоды», подлежащие

³³² Там же. Art. 33.

³³³ Там же. Art. 34.

³³⁴ Constitución Política del Estado (Конституция Многонационального Государства Боливия 2009 года). / La Paz: Asamblea Constituyente, 2009. Art. 108. [Электронный ресурс]. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Bolivia_2009 (accessed: 18.11.2025).

³³⁵ Там же. Art. 302.

³³⁶ Código Civil. Decreto Ley N° 12760 de 6 de agosto de 1975. (Гражданский кодекс Боливии) / La Paz: Estado Plurinacional de Bolivia, 1975. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexivox.org/norms/BO-CC1975.xhtml> (accessed: 18.11.2025).

присвоению владельцем материнского животного³³⁷. Статья 141 устанавливает право собственности на животных, подлежащих охоте или рыболовству, путем фактического захвата³³⁸.

Уголовный кодекс Боливии³³⁹ конкретизирует нормы защиты животных через статью 350, которая устанавливает ответственность за жестокое обращение с животными и предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до пяти лет, а также штрафы и общественные работы³⁴⁰. Запрещены охота и рыболовство на территории природных заповедников, за нарушение предусмотрены штрафы и общественные работы (статья 356)³⁴¹.

В 2010 году Боливия приняла революционный закон N71 (Закон «О правах Матери-Земли»)³⁴², который наделил природу равными с человеком правами. Природа («Мать-Земля») объявлена коллективным субъектом общественного интереса, что позволяет юридически защищать ее от действий, приводящих к экологической деградации. Вслед за этим законом в 2012 году был принят Закон N300 (Закон «О защите Матери-Земли и комплексном развитии»)³⁴³, обеспечивающий сосуществование экономического развития и защиты окружающей среды. Под запрет попадают жестокие и разрушительные методы охоты, рыбалки и отлова животных, а за нарушение предусмотрено наказание до трех лет лишения свободы и крупные штрафы³⁴⁴.

³³⁷ Там же. Art. 83.

³³⁸ Там же. Art. 141.

³³⁹ Código Penal. Ley N° 10426 (2018). (Уголовный кодекс Боливии) / La Paz: Asamblea Legislativa Plurinacional. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexivox.org/norms/BO-L10426.xhtml> (accessed: 18.11.2025).

³⁴⁰ Там же. Art. 350.

³⁴¹ Там же. Arts. 356.

³⁴² Ley de Derechos de la Madre Tierra (Закон N 71 от 21 декабря 2010 г. «О правах Матери-Земли»). / La Paz: Asamblea Legislativa Plurinacional, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexivox.org/norms/BO-L-N71.xhtml> (дата обращения: 18.11.2025).

³⁴³ Ley Marco de la Madre Tierra y Desarrollo Integral para Vivir Bien (Закон N 300 от 15 октября 2012 г. «О защите Матери-Земли и комплексном развитии»). / La Paz: Asamblea Legislativa Plurinacional, 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexivox.org/norms/BO-L-N300.xhtml> (дата обращения: 18.11.2025).

³⁴⁴ Там же.

Также от жестокого обращения животных защищает Закон N553 (2014)³⁴⁵, признающим животных частью «Матери-Земли». Следует отметить, что этот закон в первую очередь направлен на защиту домашних животных³⁴⁶. Муниципальный Закон N239 (2017) города Ла-Пас³⁴⁷ устанавливает комплекс мер по борьбе с бездомностью животных, включая обязательную регистрацию, вакцинацию и стерилизацию³⁴⁸, но на практике не реализуется.

Таким образом, на фоне других стран Латинской Америки, Боливия выделяется наиболее радикальным признанием прав природы. Несмотря на прогрессивные и инновационные законодательные инициативы, боливийское законодательство в области защиты животных и природы остается недостаточно эффективным из-за ограниченной правоприменительной практики и недостатка институциональной поддержки. Для успешной реализации боливийских норм необходимо развитие соответствующей правовой инфраструктуры, эффективных судебных и административных механизмов и повышение уровня общественной осведомленности о значимости правовой защиты животных и природы.

Правовая система Колумбии характеризуется отходом от традиционной вещной модели регулирования правового положения животных и переходом к признанию животных существами, обладающими достоинством и интересами, подлежащими юридической защите. Эта трансформация реализуется через принятие целого ряда современных законов, а также благодаря активной позиции Конституционного суда Колумбии, который в

³⁴⁵ Ley para la Defensa de los Animales Contra Actos de Crueldad y Maltrato (Закон N 553 от 28 мая 2014 г. «О защите животных от актов жестокости и жестокого обращения»). / La Paz: Asamblea Legislativa Plurinacional, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexivox.org/norms/BO-L-N553.xhtml> (дата обращения: 18.11.2025).

³⁴⁶ Там же. Art. 7.

³⁴⁷ Ley Municipal N° 239/2017 Gestión Integral de Animales de Compañía (закон N 239 от 16 июня 2017 г. города Ла-Пас «О комплексном управлении домашними животными»). / La Paz: Gobierno Autónomo Municipal de La Paz, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexivox.org/norms/BO-LM-LP239.xhtml> (дата обращения: 18.11.2025).

³⁴⁸ Там же. Art. 8-15.

своих решениях утверждает концепции, близкие к идее фундаментальных прав животных и их правосубъектности³⁴⁹.

Отправной точкой нормативной реформы стало принятие Закона N 1774 от 6 января 2016 года³⁵⁰, в котором впервые была закреплена формулировка о том, что животные признаются чувствующими существами (*seres sintientes*)³⁵¹. Это изменение означало отказ от отнесения животных к движимому имуществу традиционного для сельскохозяйственных животных. Закон дополнил уголовное законодательство, установив ответственность за жестокое обращение, нанесение вреда и убийство животных, а также впервые наделил государство обязанностью по разработке программ защиты и благополучия животных.

Особое значение для развития колумбийского права имеет решение Конституционного суда N А-547/18, в котором суд провозгласил право животных на индивидуальное благополучие и уважение их достоинства³⁵². Суд сформулировал эко-доктрину, в которой природа и ее компоненты, включая животных, обладают собственной внутренней ценностью, не

³⁴⁹ См. Corte Constitucional de Colombia. Sentencia C-467/16. Magistrado ponente: Alberto Rojas Ríos. / Bogotá: Corte Constitucional, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2016/c-467-16.htm> (дата обращения: 18.11.2025); Corte Constitucional de Colombia. Sentencia C-666/10. Magistrado ponente: Jorge Iván Palacio Palacio. / Bogotá: Corte Constitucional, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2010/c-666-10.htm> (дата обращения: 18.11.2025).

³⁵⁰ Ley 1774 de 2016 (Закон N 1774 от 6 января 2016 г. «О защите животных») / Bogotá: Congreso de la República, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.funcionpublica.gov.co/eva/gestornormativo/norma.php?i=67445> (дата обращения: 18.11.2025).

³⁵¹ Там же. Art. 1-3. Прим. Положения этого закона повлияли на изменения в Гражданском кодексе Колумбии. В ст. 655 Кодекса появилась формулировка о том, что животные не являются вещами («Reconózcase la calidad de seres sintientes a los animales»). См. Código Civil (Гражданский кодекс Колумбии) Art. 655. // Закон N 1774 от 6 января 2016 г. (Ley 1774 de 2016) / Bogotá: Congreso de la República, 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.funcionpublica.gov.co/eva/gestornormativo/norma.php?i=67445> (дата обращения: 18.11.2025).

³⁵² Corte Constitucional de Colombia. Auto A-547/18. / Bogotá: Corte Constitucional, 22 de agosto de 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.animallaw.info/sites/default/files/Colombia-Constitutional-Court-A547-18.pdf> (дата обращения: 19.11.2025).

сводимой к утилитарным функциям для человека. Согласно позиции суда, защита животных должна исходить не только из антропоцентрических соображений, но и из признания их элементами экосистем, достойных самостоятельного уважения.

На законодательном уровне Колумбия продолжает развивать инструменты зоозащиты. Так, Закон N 2054 от 2020 года возложил на местные органы власти обязанность по созданию и поддержанию центров временного содержания, стерилизации, медицинской помощи и пристройства бездомных животных³⁵³. В законе подчеркивается принцип ответственности общества за судьбу бездомных животных, а также вводится обязанность разработки муниципальных планов их защиты.

В 2023 году Колумбия приняла Закон N 2318, который стал беспрецедентной мерой по ограничению использования животных в силовых операциях. Он запрещает применение животных полицией и другими госорганами в целях разгона митингов и протестов, что ранее практиковалось при разгоне манифестаций³⁵⁴. Закон вводит понятие «демилитаризации животных» и предписывает обязательную социальную адаптацию бывших служебных животных, включая предоставление условий содержания и ухода до конца жизни. Закон также декларирует, что животные являются существами с достоинством, а не инструментами государственной власти.

В июле 2024 года был принят Закон N 2385, которым окончательно запрещена коррида (бои быков) и любые формы кровавых зрелищ с участием животных³⁵⁵. Закон ставит своей целью культурную трансформацию:

³⁵³ Ley 2054 de 2020 (Закон N 2054 от 9 сентября 2020 г. «О защите домашних и бездомных животных»). / Bogotá: Congreso de la República, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.funcionpublica.gov.co/eva/gestornormativo/norma.php?i=154326> (дата обращения: 19.11.2025).

³⁵⁴ Ley 2318 de 2023. Por medio de la cual se prohíbe el uso de animales en actividades de control de disturbios y se dictan otras disposiciones // Diario Oficial de la República de Colombia. 20.09.2023. URL: <https://www.funcionpublica.gov.co/eva/gestornormativo/norma.php?i=215158> (дата обращения: 19.11.2025).

³⁵⁵ Por medio de la cual se prohíbe el uso de animales para disuadir manifestaciones, motines y asonadas y se dictan otras disposiciones (Закон N 2318 от 25 августа 2023 г. «Закон о запрете использования животных для разгона демонстраций, беспорядков и массовых

формирование ненасильственной культуры, основанной на уважении к телесной неприкосновенности животных. Также предусмотрены государственные программы по социальной поддержке работников, занятых ранее в индустрии корриды, и образовательные инициативы по популяризации зоозащитных ценностей.

Колумбийская модель основывается на утверждении, что признание чувствительности животных влечет за собой правовые последствия. Это проявляется в постепенном развитии концепции ограниченной првосубъектности: животные признаются существами, обладающими интересами и правами, подлежащими защите, хотя и не полностью эквивалентными правам человека. Обязанность государства и граждан по охране животных трактуется не как факультативная, а как правовая и моральная. Конституционные принципы статей 79 (право на здоровую окружающую среду), 80 (экологическая функция государства) и 95 (экологическая обязанность граждан) последовательно интерпретируются судами как основания для конкретных обязанностей к зоозащите³⁵⁶.

Таким образом, Колумбия сочетает в своей модели биоэтические, экологические и правовые основания. В этой системе понятия достоинства, чувствительности, предотвращения страданий и охраняемого интереса животных приобретают юридическую силу. Позиция судов, ярко

волнений и другие положения») / Bogotá: Congreso de la República, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.funcionpublica.gov.co/eva/gestornormativo/norma.php?i=217131> (дата обращения: 18.11.2025).

³⁵⁶ См. Corte Constitucional de Colombia. Sentencia T-095/16, 25 Feb. 2016 // Relatoría Corte Constitucional. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2016/t-095-16.htm> (дата обращения: 18.11.2025); Corte Constitucional de Colombia. Sentencia C-467/16, 24 Aug. 2016 // Relatoría Corte Constitucional. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2016/c-467-16.htm> (дата обращения: 18.11.2025); Corte Constitucional de Colombia. Sentencia T-622/16, 10 Nov. 2016 // Relatoría Corte Constitucional. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2016/t-622-16.htm> (дата обращения: 18.11.2025). Прим. В этом решении суд впервые признал реку субъектом права, что суды затем применили к вопросу защиты животных — как аргумент в пользу расширения защитных механизмов за пределы классической правосубъектности.

прослеживается в делах А-547/18³⁵⁷ и SU-016/2020³⁵⁸, где утверждается, что животные являются юридически значимыми участниками экологического порядка и заслуживают защиты ради самих себя, а не только в интересах человека. Опыт Колумбии представляет ценность как пример того, как можно институционализировать биоэтические принципы и придать им форму юридически обязательных норм. Такая модель интересна для правовых систем, находящихся на этапе перехода к постантропоцентрической юриспруденции. Она демонстрирует, что защита животных — это не только вопрос уголовного или административного контроля, но и элемент более широкой концепции справедливости.

Правовая система Южноафриканской Республики представляет собой гибрид, включающий традиции римского права, английского общего права и африканского обычного права. Такой правовой плюрализм позволяет объединить универсальные нормы, например, право на благоприятную окружающую среду, и локальные ценности уважения к живым существам как части общинного мировоззрения. Конституция ЮАР³⁵⁹ не содержит прямого упоминания животных как носителей прав. Однако статья 24 закрепляет право каждого на окружающую среду и обязывает государство защищать экологическую целостность³⁶⁰. В правовой доктрине³⁶¹ и судебной практике³⁶²

³⁵⁷ Corte Constitucional de Colombia, 22 авг. 2018 Auto 547/18 // Expedientes D-11443 y D-11467. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.animallaw.info/case/auto-547-2018> (дата обращения: 18.11.2025).

³⁵⁸ Corte Constitucional de Colombia, 23 янв. 2020 Sentencia SU-016/20 // Expediente T-6 480 577. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.animallaw.info/case/sentencia-su01620> (дата обращения: 18.11.2025).

³⁵⁹ Constitution of the Republic of South Africa, 1996 (Конституция ЮАР) / Pretoria: Government of South Africa, 1996. 192 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.za/documents/constitution-republic-south-africa-1996> (дата обращения: 18.11.2025).

³⁶⁰ Там же. Art. 24.

³⁶¹ См. *Wilson A. P.* Animal Law in South Africa // *Derecho Animal. Forum of Animal Law Studies*. 2019. Vol. 10/1. P. 35-58.

³⁶² См. Constitutional Court of South Africa. *Fuel Retailers Association of SA v Director-General Environmental Management* (CCT 67/06), [2007] ZACC 13, 7 June 2007. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.concourt.org.za/index.php/judgments> (дата обращения: 18.11.2025). Прим. В этом деле суд впервые подчеркнул необходимость «экосистемного подхода» и

это положение все чаще интерпретируется в биоцентрическом ключе: животные рассматриваются как часть экосистем, чья ценность не сводится к их полезности для человека, но вытекает из их онтологического присутствия в природе.

Ключевым источником защиты животных в ЮАР выступает Закон «О защите животных» 1962 года (*Animals Protection Act 71 of 1962*)³⁶³. Этот закон криминализирует деяния, причиняющие животным страдания: от избиения, лишения пищи и жестокой транспортировки до болезненной или изнурительной эксплуатации в болезненном или изнурительном состоянии. Закон применяется как к домашним, так и к диким животным, находящимся под контролем человека. Однако его ограниченность проявляется в устаревшей терминологии, отсутствующем биоэтическом аппарате и исключениях, допускающих страдания при «оправданной цели» (например, в сельском хозяйстве).

Значительным шагом вперед стало решение Конституционного суда в деле *NSPCA vs Minister of Justice* 2016 г. (Национальное общество по предотвращению жестокости к животным (*NSPCA*) против Министерства юстиции)³⁶⁴, где суд признал право *NSPCA* на возбуждение частных уголовных дел в случае бездействия государства. Суд признал, что защита животных представляет значимый общественный интерес, и расширил процессуальные механизмы участия гражданского общества, что было воспринято в научной

обязанность государства оценивать влияние деятельности на все компоненты среды, включая живые существа.

³⁶³ *Animals Protection Act 71 of 1962*. (Закон «О защите животных» / Pretoria: Government Printer, 1962. 12 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.za/documents/animals-protection-act-30-may-1962> (дата обращения: 18.11.2025).

³⁶⁴ Constitutional Court of South Africa. *National Society for the Prevention of Cruelty to Animals v Minister of Justice and Constitutional Development and Another* ((Национальное общество по предотвращению жестокости к животным (*NSPCA*) против Министерства юстиции) (CCT 46/15) 2016 / ZACC 46, 8 Dec. 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.concourt.org.za/index.php/judgments> (дата обращения: 18.11.2025).

литературе как важное продвижение к биоцентрической интерпретации ст. 24 Конституции³⁶⁵.

ЮАР занимает передовые позиции в области охраны биоразнообразия. Закон «О национальном управлении окружающей средой» (*NEMBA*, 2004)³⁶⁶ и Закон «Об охраняемых территориях» 2003³⁶⁷ создают системный каркас для защиты флоры и фауны. Закон «О природных территориях» подчеркивает, что охраняемые зоны создаются с целью «долгосрочной охраны природы», в том числе для сохранения животных как элементов «экологически жизнеспособных территорий»³⁶⁸. Статья 17 требует создания национальных парков, в которых животные рассматриваются как часть биоценоза, а не как изолированные биологические единицы³⁶⁹. Отдельные виды животных включены в списки особо охраняемых и угрожаемых видов, регулируемых специальными разрешениями. Это реализуется через подзаконные акты к *NEMBA* и *CITES*³⁷⁰.

Несмотря на существующий нормативный каркас, система правоприменения в ЮАР сталкивается с рядом вызовов. Принцип устойчивого использования, закрепленный в законодательстве, нередко

³⁶⁵ См. *Wilson A. P. Animal Law in South Africa // Derecho Animal. Forum of Animal Law Studies*. 2019. Vol. 10/1. P. 55-56.

³⁶⁶ National Environmental Management: Biodiversity Act 10 of 2004. (Закон «О национальном управлении окружающей средой») / Pretoria: Government Printer, 2004. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.za/documents/biodiversity-act-10-2004> (дата обращения: 18.11.2025)

³⁶⁷ National Environmental Management: Protected Areas Act 57 of 2003. (Закон «О природных территориях») / Pretoria: Government Printer, 2003. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.za/documents/national-environmental-management-protected-areas-act> (дата обращения: 18.11.2025).

³⁶⁸ Там же. Art. 2.

³⁶⁹ Там же. Art. 17.

³⁷⁰ См. Lists of Threatened and Protected Species (Sections 56(1) and 56(2) of NEMBA) Government Gazette No. 29657, Notice No. 151, 23 February 2007. / Pretoria: Government Printer, 2007. 72 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.za/documents/national-environmental-management-biodiversity-act-lists-threatened-and-protected-species> (дата обращения: 18.11.2025) Прим. этот документ содержит списки видов; Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora (CITES) Regulations. Government Gazette No. 31844, Notice No. R.173, 5 February 2009. / Pretoria: Government Printer, 2009. 64 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.za/documents/international-trade-endangered-species-regulations> (дата обращения: 18.11.2025).

интерпретируется в духе экономической целесообразности, что позволяет оправдывать спорные практики: от лицензированной охоты до экспорта скелетов львов, выращенных в неволе для трофейного промысла. Проблемы усиливаются отсутствием единой национальной системы мониторинга разрешений на охоту и разведение, а также слабой координацией между провинциальными органами охраны природы. Например, дело *SA Predator Breeders Association v Minister of Environmental Affairs* (Ассоциация южноафриканских заводчиков хищников против Министра по делам окружающей среды и туризма 2010 г.)³⁷¹ выявило правовую неясность в отношении статуса выращенных в неволе львов: могут ли они быть признаны дикими животными или нет, что напрямую влияло на допустимость их коммерческого использования. Переход к демократической ЮАР ознаменовался не только расширением прав человека, но и расширением самого понятия «справедливости», в том числе экологической.

В биоэтической и правовой доктрине ЮАР развивается идея о том, что животные обладают внутренней ценностью, достоинством и интересами, которые заслуживают правовой защиты не потому, что они служат людям, а потому что они являются частью жизни и мира³⁷². В этом контексте важным шагом стал проект Африканской стратегии благополучия животных (AWSA), инициированный Африканским союзом и поддержанный ЮАР. Он утверждает необходимость перехода к этике сострадания, признанию чувствительности животных и разработке единых стандартов зоозащитной политики на континенте³⁷³.

³⁷¹ Constitutional Court of South Africa. *SA Predator Breeders Association vs Minister of Environmental Affairs and Tourism* (72/10) [2010] ZASCA 151, 29 Nov. 2010. (Ассоциация южноафриканских заводчиков хищников против Министерства по делам окружающей среды и туризма) / Bloemfontein: Supreme Court of Appeal, 2010. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.saflii.org/za/cases/ZASCA/2010/151.html> (дата обращения: 18.11.2025).

³⁷² См. *Kotzé L.J.* *Global Environmental Constitutionalism in South Africa*. / Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2016. 350 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://kluwerlawonline.com> (дата обращения: 18.11.2025).

³⁷³ *Animal Welfare Strategy for Africa (AWSA): Executive Summary*. / Nairobi: AU-IBAR, Jan. 2018. 37 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://it->

Таким образом, правовая модель ЮАР демонстрирует, что даже без формального признания животных субъектами права возможно формирование биоцентрической системы юриспруденции: через признание их внутренней ценности, внедрение механизмов защиты от страданий и инкорпорацию экологической справедливости в правовой дискурс.

§5. Международно-правовое регулирование защиты животных

ООН традиционно рассматривала животных в контексте биоразнообразия, продовольственной безопасности и экологии. Однако с 2019 года, после доклада независимой группы ученых по Целям устойчивого развития, было признано, что тема благополучия животных в повестке ООН отсутствует и требует дальнейшего развития и изучения³⁷⁴. Первой попыткой нормативного закрепления стала Универсальная декларация прав животных 1978 года, провозглашенная в штаб-квартире ЮНЕСКО, но не получившая юридической силы³⁷⁵. С 2005 года при поддержке «*World Animal Protection*» (Всемирная организация по защите животных) велась работа над проектом Универсальной декларации о благополучии животных (*UDAW*), в которой закрепляются пять свобод животных и подчеркивается их сенситивность³⁷⁶. С 2019 года разрабатывается проект Конвенции ООН о здоровье и защите

africa.woah.org/app/uploads/2019/05/awsa_executive_summary_layout_eng_2017.pdf (дата обращения: 19.11.2025).

³⁷⁴ Global Sustainable Development Report 2019: The Future Is Now — Science for Achieving Sustainable Development / New York: Department of Economic and Social Affairs, 2019. P. 86-90, 128-135. [Электронный ресурс]. URL: https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/24797GSDR_report_2019.pdf (дата обращения: 19.11.2025).

³⁷⁵ Universal Declaration of Animal Rights. / Paris: UNESCO, 15.10.1978. P. 4. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cid.ucl.ac.be/cesa/animaux/UDAR1978.pdf> (дата обращения: 19.11.2025).

³⁷⁶ Universal Declaration on Animal Welfare (UDAW): Campaign Materials and Background Information. / London: World Animal Protection, 2005-2020. P. 16. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldanimalprotection.org> (дата обращения: 19.11.2025).

животных (UNCAHP)³⁷⁷, инициированный «*Global Animal Law Association*» (Ассоциация глобального права животных)³⁷⁸. Конвенция строится на принципах ответственности, достоинства, предосторожности и включает концепции «*One Health*» (Единого здравоохранения)³⁷⁹ и «*One Welfare*» (Единого благополучия)³⁸⁰, объединяя экологические, правовые и биоэтические аспекты. Знаковым событием стало принятие в 2022 году резолюции Ассамблеи ООН по окружающей среде «*Animal welfare — environment — sustainable development nexus*» (Взаимосвязь благополучия животных, окружающей среды и устойчивого развития), в которой впервые официально признана взаимосвязь между благополучием животных, экологией и устойчивым развитием³⁸¹.

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) включает вопросы защиты животных в свою повестку через междисциплинарную концепцию «Единое здравоохранение» (*One Health*). Эта концепция рассматривается как ключевой инструмент предупреждения зоонозов, эпидемий и пандемий, поскольку ухудшение условий содержания животных способствует созданию рисков для глобального общественного здравоохранения. ВОЗ активно сотрудничает с Продовольственной и сельскохозяйственной организацией

³⁷⁷ UN Convention on Animal Health and Protection (UNCAHP): Information Folder. / Zurich: Global Animal Law Association, 2020. 12 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalanimallaw.org/downloads/Folder-UNCAHP.pdf> (дата обращения: 19.11.2025).

³⁷⁸ Global Animal Law Association. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalanimallaw.org/index.html> (дата обращения: 19.11.2025).

³⁷⁹ World Health Organization. One Health. / Geneva: WHO, 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.who.int/news-room/questions-and-answers/item/one-health> (дата обращения: 21.11.2025). Прим. Концепция «One Health» определена как интегрированный подход, признающий взаимосвязь здоровья людей, животных и окружающей среды.

³⁸⁰ One Welfare World. About One Welfare. / [s.l.]: One Welfare World, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.onewelfareworld.org/about.html> (дата обращения: 21.11.2025). Прим. Концепция «One Welfare» подчёркивает связи между благополучием животных, благосостоянием людей и состоянием окружающей среды.

³⁸¹ (UNEA-5) Resolution UNEP/EA.5/Res.1 «Animal welfare — environment — sustainable development nexus». / Nairobi: United Nations Environment Programme, 2022. P. 2. [Электронный ресурс]. URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/39842/UNEP_EA5_RES1.pdf (дата обращения: 19.11.2025).

ООН (ФАО), Программой ООН по окружающей среде (*UNEP*) и Всемирной организацией охраны здоровья животных (*WOAH*)³⁸², разрабатывая совместные стратегии по оценке рисков, мониторингу вспышек заболеваний и координации мер реагирования в рамках единого подхода к биобезопасности. Дополнительно ВОЗ акцентирует внимание на том, что благополучие животных оказывает прямое влияние на психофизическое состояние работников аграрного сектора. Пренебрежение этими аспектами может не только ухудшать условия труда, но и вести к росту профессиональных заболеваний, психосоциального стресса и, в долгосрочной перспективе, к увеличению расходов систем здравоохранения. Таким образом, зоозащитная политика рассматривается ВОЗ не только как элемент этики, но и как фактор общественного и экономического благополучия.

ФАО начала включать вопросы благополучия животных в свою деятельность уже в 2000-х годах. Знаковым этапом стал 2008 год, когда организация провела международную экспертную встречу, положившую начало формированию системного подхода к зоозащитным стандартам³⁸³. В рамках своей работы ФАО оказывает содействие разработке и совершенствованию национальных правовых норм по защите животных; предоставляет научно-техническую поддержку странам-членам; организует информационные и образовательные ресурсы, включая платформу «*Gateway to Farm Animal Welfare*» (Портал по благополучию сельскохозяйственных животных)³⁸⁴, а также выстраивает партнерские связи с Европейской комиссией (ЕС), Европейским агентством по безопасности продуктов питания

³⁸² World Organisation for Animal Health (WOAH). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.woah.org> (дата обращения: 23.11.2025).

³⁸³ (FAO). Capacity building to implement good animal welfare practices: report of the FAO Expert Meeting, FAO Headquarters, Rome, 30 September - 3 October 2008. / Rome: FAO, 2009. XXIV, P. 1-3, 7). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fao.org/4/i0483e/i0483e00.pdf> (дата обращения: 23.11.2025).

³⁸⁴ (FAO). Guidelines to Users: Gateway to Farm Animal Welfare. / Rome: FAO, [б.г.]. P. 1,4. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fao.org/fileadmin/templates/animalwelfare/pdf/Guidelines.pdf> (дата обращения: 23.11.2025).

(EFSA)³⁸⁵, Всемирной организацией охраны здоровья животных (WOAH)³⁸⁶ и гражданским обществом. Особый акцент делается на поддержке стран с развивающейся экономикой, где улучшение нормативной базы и внедрение биоэтических ориентиров рассматриваются как важные условия развития аграрного сектора³⁸⁷. Инициативы ООН, ФАО и ВОЗ не закрепляют «права животных» в юридическом смысле, но институционально признают их чувствительность, достоинство и экологическую значимость.

Концепция «Единое здравоохранение» («*One Health*»)³⁸⁸ представляет собой междисциплинарную парадигму, в основе которой лежит признание фундаментальной взаимосвязанности здоровья человека, животных и окружающей среды. Возникнув в начале XXI века как реакция на стремительное увеличение эпидемий, включая ВИЧ, птичий и свиной грипп, SARS, MERS, COVID-19, данная модель приобрела особый статус и активно продвигается на уровне международных организаций: Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), Всемирной организации здравоохранения животных (ОМВ, ранее OIE) и Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО). Она призвана объединить данные биомедицинских, ветеринарных и экологических дисциплин для выявления и предупреждения биологических угроз. В ряде стран предпринимаются попытки законодательного оформления подхода «Единого здравоохранения». Так, в Германии реализуется «*Nationale Forschungsplattform One Health*» (Национальная исследовательская платформа «Единое здравоохранение»)³⁸⁹, интегрирующая медицинские и ветеринарные

³⁸⁵ European Food Safety Authority (EFSA). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efsa.europa.eu> (дата обращения: 23.11.2025).

³⁸⁶ World Organisation for Animal Health (WOAH). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.woah.org> (дата обращения: 23.11.2025).

³⁸⁷ (WOAH). Capacity Building for Veterinary Services. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.woah.org/en/what-we-do/capacity-building/> (дата обращения: 28.11.2025).

³⁸⁸ One Health. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.woah.org/en/what-we-do/global-initiatives/one-health/> (дата обращения: 28.11.2025).

³⁸⁹ Nationale Forschungsplattform One Health. [Электронный ресурс]. URL: <https://nfp-oh.de/> (дата обращения: 28.11.2025).

институты с целью создания общей политики противодействия зоонозам. В Канаде создан федеральный «One Health Consortium» (Федеральный консорциум «Единое здравоохранение»)³⁹⁰, включающий правительственные, академические и ветеринарные учреждения. Индия, в 2021 году утвердила Национальную платформу «One Health»³⁹¹ («Единое здравоохранение»), координируемую Индийским советом медицинских исследований (*ICMR*)³⁹². В Уганде концепция «Единого здравоохранения» получила нормативное признание в государственной стратегии борьбы с болезнями и устойчивого развития³⁹³. Однако в большинстве случаев речь идет о политических и административных мерах, а не о системной законодательной реформе. Появление призывов к юридическому признанию «Единого здравоохранения», то есть к созданию единого правового режима, охватывающего здоровье человека, животных и природы, требует предельно глубокого анализа. Как утверждает ряд исследователей, такая перспектива сопряжена с целым рядом философско-правовых, нормативных и этических затруднений³⁹⁴.

Во-первых, право, как нормативный порядок представляет собой не отражение биомедицинских реалий, а инструмент систематизации уже существующих социальных отношений. Оно основано на четком

³⁹⁰ One Health Consortium (Canada). [Электронный ресурс]. URL: <https://onehealthconsortium.ca/> (дата обращения: 28.11.2025).

³⁹¹ Department of Biotechnology, Government of India. DBT-NIHSD One Health Consortium Launched (2021). [Электронный ресурс]. URL: <https://dbtindia.gov.in/whats-new/dbt-nihads-one-health-consortium-launched> (дата обращения: 28.11.2025).

³⁹² Indian Council of Medical Research (ICMR). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icmr.gov.in/> (дата обращения: 28.11.2025).

³⁹³ Uganda One Health Strategic Plan 2018-2022. / Kampala: Government of Uganda, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://uac.go.ug/media/attachments/2024/06/06/uganda-ohsp-final-launched-15-02-2018-1.pdf> (дата обращения: 28.11.2025).

³⁹⁴ См. *Degeling, C., Johnson, J., Kerridge, I. et al. Implementing a One Health approach to emerging infectious disease: reflections on the socio-political, ethical and legal dimensions. BMC Public Health 15, 1307 (2015).* [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1186/s12889-015-2617-1#citeas> (дата обращения: 28.11.2025); *Capps, B. One Health Requires a Theory of Agency. / Cambridge quarterly of healthcare ethics / CQ : the international journal of healthcare ethics committees. Vol. 31,4 (2022). P. 518-529.* [Электронный ресурс]. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC9672926/> (дата обращения: 28.11.2025).

разграничении: между субъектом и объектом, между человеком и животным, между публичным и частным интересом. В то время как концепт «Единого здравоохранения» стремится к единству и устранению границ, право требует дифференциации и иерархичности. Например, правовой статус человека закрепляется в связи с признанием его автономии, достоинства, неприкосновенности, тогда как животные чаще рассматриваются как объекты санитарной или биологической политики. Их здоровье охраняется не ради них самих, а ради интересов человека, общества и экономики. Это приводит к нормативному диссонансу между логикой прав человека и логикой экологического права, а также требованиями ветеринарных норм.

Во-вторых, действующая правовая теория правосубъектности требует от носителя способности к правовой взаимности и юридической дееспособности. Животные, не обладая этими качествами, не могут быть включены в сферу права в классическом понимании субъекта права. Их нормативная защита возможна либо через институциональные формы представительства (например, правозащитные иски от имени животных), либо через пересмотр базовых понятий права в пользу новых категорий, таких как уязвимость, способность испытывать страдания, внутренняя ценность. Однако подобная трансформация требует не только юридической, но и философской революции, а именно отказа от дуализма субъект-объект в пользу отношений квазисубъектности.

В-третьих, универсализация понятия «Здоровье» в контексте «Единого здравоохранения» может привести к утрате истинного смысла данной категории. В условиях правовой неопределенности возрастает риск того, что защита здоровья нечеловеческих живых существ будет либо подменять собой защиту человека, либо теряться в иерархии приоритетов. Так, в случае зоонозной вспышки у животных (например, при африканской чуме свиней или птичьим гриппом) государства склонны к мерам массового истребления животных без учета этических или биоэтических аспектов, что подрывает саму идею «единого» здравоохранения. Отсутствие формализованных

механизмов приоритета интересов животных делает нормативное применение «*One Health*» (Единого здравоохранения) уязвимым к произволу.

Кроме того, многие цели, провозглашенные в рамках «Единого здравоохранения», уже реализуются современным правом: через экологическое законодательство, нормы ветеринарного контроля, институты санитарной безопасности и межведомственного управления рисками. Таким образом, сама по себе юридическая новизна подхода оказывается под вопросом. Возможно, речь идет не об установлении нового правового режима, а о политической трансформации существующих инструментов. Следовательно, концепция «Единого здравоохранения» в юридическом измерении, представляет собой более метафорическую форму, чем целостный подход. Она выполняет важную стратегическую функцию — способствует междисциплинарному взаимодействию, возвращению этической чувствительности к нечеловеческим существам, выработке синергетических решений в условиях глобальных кризисов. Однако в правовом плане она требует чрезвычайно точного подхода: с сохранением функциональной автономии правовых режимов, признанием их пределов и формированием принципов взаимодействия, таких как предосторожность, солидарность, устойчивость и этическая ответственность.

Дополнительное измерение к восприятию концепта «*One Health*» (Единого здравоохранения) вносит концепция «*One Welfare*» (Единое благополучие)³⁹⁵, получившая развитие в документах Всемирной организации здравоохранения животных (WOAH)³⁹⁶ и ряде академических работ³⁹⁷.

³⁹⁵ One Welfare. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.onewelfareworld.org/> (дата обращения: 28.11.2025).

³⁹⁶ (WOAH). One Welfare Approach. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.woah.org/en/what-we-do/animal-health-and-welfare/animal-welfare/one-welfare/> (дата обращения: 28.11.2025); (WOAH). Global Animal Welfare Strategy. 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.woah.org/app/uploads/2021/03/en-oie-global-animal-welfare-strategy.pdf> (дата обращения: 28.11.2025); (WOAH). Terrestrial Animal Health Code. Chapter: Animal Welfare. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.woah.org/en/what-we-do/standards/codes-and-manuals/terrestrial-code-online-access/> (дата обращения: 28.11.2025).

³⁹⁷ *García Pinillos R., Appleby M.C., Manteca X., Scott-Park F., Smith C., Velarde A. One Welfare: A Framework to Improve Animal Welfare and Human Well-being // Veterinary Record.*

Концепт «Единого здравоохранения» ориентирован преимущественно на предотвращение эпидемий и защите биобезопасности, а концепт «Единого благополучия» фокусируется на многостороннем взаимодействии между благополучием животных, благополучием людей и устойчивостью окружающей среды. В этой модели делается упор на качество жизни как показатель благополучия экосистемы. Таким образом, «*One Welfare*» (Единое благополучие) предлагает воспринимать животных как существ, обладающих интересами, достойными правовой охраны и закрепления.

Модель «Единого благополучия» дает основание для критики антропоцентрических переколов, свойственных идее «Единого здравоохранения», особенно в части склонности последней подчинять интересы животных интересам человека под предлогом биозащиты. В частности, в рамках «*One Welfare*» (Единого благополучия) акцентируется необходимость недопущения неоправданного страдания животных даже в контексте эпидемиологических мероприятий, что ставит под сомнение правомерность практики поголовного убоя при вспышках заболеваний. Кроме того, концепт «Единого благополучия» вводит гуманитарные параметры в оценку биополитических решений: например, оценивает последствия изоляции и карантина не только с точки зрения распространения вируса, но и с точки зрения психосоциального воздействия на человека и животных, находящихся с ним в тесном взаимодействии (домашние животные, служебные животные и др.).

2016. Vol. 179, Issue 16. P. 412-416. [Электронный ресурс]. URL: <https://bvajournals.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1136/vr.i5470> (дата обращения: 28.11.2025); García Pinillos R. One Welfare: A Framework to Improve Animal Welfare and Human Well-being. / Wallingford: CABI, 2022. 240 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cabi.org/bookshop/book/9781789249834/> (дата обращения: 28.11.2025); Tarazona A.M., Ceballos M.C., Broom D.M. Human-Animal Interactions and Their Effects on Animal Welfare, Human Well-being and Environmental Sustainability: A One Welfare Framework // *Frontiers in Veterinary Science*. 2020. Vol. 7. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fvets.2020.00578/full> (дата обращения: 28.11.2025).

Юридически «*One Welfare*» (Единое благополучие) может рассматриваться как промежуточное звено между биополитической логикой «*One Health*» (Единое здравоохранение) и более радикальными постантропоцентрическими подходами, такими как теория прав природы. Она позволяет рассматривать животных не как «объекты управления», а как участников многоуровневой системы благополучия, вовлеченных в нормативные отношения (пусть и не на правах самостоятельных субъектов, но как этически и политически значимые существа). С этой точки зрения, нормативная реализация идеи «Единого благополучия» требует введения новых правовых категорий: таких как благополучие животных, интересы животных, представительство интересов животных. Таким образом, интеграция «*One Welfare*» (Единое благополучие) в правовую систему может быть более продуктивной, чем попытка создать «единое право» в рамках *One Health* (Единое здравоохранение), поскольку сохраняет различие между секторами регулирования и одновременно формирует этико-правовую связь между ними. Это, в свою очередь, открывает перспективу формирования особой сферы — «право благополучия» (*welfare law*), способной охватывать как человека, так и животное в их единой экосистеме.

Подводя итоги главы, можно выделить пять моделей правозащиты животных: европейская, англо-американская, восточная, латиноамериканская и международная. Они различаются по нескольким ключевым критериям, включая: (1) объем и охват законодательных актов по защите животных; (2) то, как животные классифицируются или определяются в законе; (3) степень ответственности и санкции за жестокое обращение; (4) обязанности, возлагаемые на владельцев или попечителей животных; (5) распределение полномочий между центральными и местными органами власти; (6) судебную юрисдикцию и средства правовой защиты по спорам, связанным с животными; (7) создание особых правовых конструкций в интересах животных; и (8) прямое признание интересов или прав животных в правовых актах. Так, Европейская модель характеризуется всесторонним законодательством и

признанием животных как чувствующих существ. ЕС и государства-члены применяют многоуровневый подход — от договоров до национальных и местных актов. Законодательство охватывает все категории животных и внедряет концепцию позитивной обязанности заботы. Жестокое обращение карается уголовно, включая запрет на содержание животных. Судебная практика учитывает интересы животных в гражданских, уголовных и административных делах. Европейские страны также внедрились особый статус животных вне категории имущества – чувствующие живые существа. Англо-американская модель основана на праве общей юрисдикции, исторически рассматривающем животных как собственность, хотя уровень зоозащиты увеличивается. В Великобритании действует комплексное законодательство, в США – фрагментированная система, с основным регулированием на уровне штатов. Жестокое обращение одинаково запрещено во всех штатах, но стандарты обращения с животными различаются. Владельцы несут позитивные обязанности, особенно в Великобритании. В США есть неоднократные попытки применения «*habeas corpus*» в отношении животных, но они пока безрезультативны. Восточная модель отличается культурной и правовой разнородностью: от религиозных предписаний до светского законодательства. Индия признаёт животных как носителей достоинства, Турция — как живых существ, не являющиеся вещами. Наказания за жестокость варьируются от вплоть до уголовных. Судебная система Индии признала за животными право на жизнь и достоинство. Исламское право рассматривает человека как хранителя животных. Латиноамериканская модель характеризуется прогрессивной правовой доктриной: защита животных закреплена в конституциях (например, Бразилии, Колумбии, Эквадора). Животные признаются чувствующими существами. Жестокость преследуется уголовно, существует обязанность ответственного владения. Конституционные и верховные суды активно расширяют сферу защиты. Применяются иски от имени животных, а местные власти несут прямые обязательства по уходу за бездомными животными. Международная модель

включает набор договоров и стандартов (например, CITES, WOAH). Эти документы формируют минимальные стандарты, такие как Пять свобод. Прямых механизмов принуждения нет, реализация зависит от национального законодательства. Прецедент ВТО (дело о тюленьем мехе) признал защиту животных частью общественной морали³⁹⁸. Проект Всеобщей декларации о благополучии животных (*UDAW*) призывает к международному признанию интересов животных.

³⁹⁸ World Trade Organization. European Communities / Measures Prohibiting the Importation and Marketing of Seal Products, WT/DS400/AB/R; WT/DS401/AB/R. / Appellate Body Report, 22 May 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/400ABR.pdf> (дата обращения: 28.11.2025).

ГЛАВА 3. ЭЛЕМЕНТЫ КВАЗИСУБЪЕКТНОСТИ ЖИВОТНЫХ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

За последние пять лет в Государственную Думу было внесено более 40 законопроектов, затрагивающих различные аспекты правового положения. Значительная часть этих инициатив так и не была принята, а некоторые нашли отражение только на уровне субъектов РФ (например, региональные программы ОСВВ, правила содержания животных в многоквартирных домах). Содержательная направленность законопроектов выявляет устойчивые структурные проблемы: отсутствие единой классификации животных, слабую регламентацию обязанностей муниципалитетов, непроработанность механизмов финансирования программ обращения с животными и многие другие. Наиболее ярким примером остаётся конфликт вокруг порядка обращения с безнадзорными животными после внесения изменений в Федеральный закон «Об ответственном обращении с животными» № 498-ФЗ (Далее – Закон №498-ФЗ)³⁹⁹, когда позиции федеральных органов, регионов и экспертного сообщества существенно расходились. Дискуссии о допустимости и правомерности умерщвления животных, об объёме полномочий муниципалитетов и о методах контроля численности выявили глубокие коллизии между гуманистической направленностью закона и реальным правоприменением.

Дополнительным проявлением системной несогласованности является серия законопроектов о запрете кормления безнадзорных животных⁴⁰⁰, которые, несмотря на публичную поддержку ряда депутатов, вступают в противоречие с действующими нормами о гуманном обращении, санитарно-

³⁹⁹ Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Гарант

⁴⁰⁰ Законопроект № 974751-8 «О внесении изменений в статью 18 Федерального закона "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"» // СПС Гарант (дата обращения: 10.11.2025).

эпидемиологическом регулировании, а также с обязанностями муниципалитетов по обращению с животными в рамках ОСВВ. Подобные законодательные инициативы указывают на отсутствие согласованного понятийного аппарата и единой правовой политики в отношении городских популяций животных. Любопытным, феноменом, является и периодически возникающий в публичном пространстве с 2016 г. законопроект о создании в РФ Уполномоченного по защите животных⁴⁰¹. Несмотря на многократные обсуждения, проект не получил законодательного оформления, что отражает более широкий институциональный вакуум: отсутствует федеральный орган или должностное лицо, уполномоченное координировать государственную политику в сфере защиты животных. Действующие полномочия распределены между несколькими ведомствами — Минсельхозом, Минприроды, МВД, органами Роспотребнадзора, что ведёт к размытию ответственности и снижению эффективности правоприменения. Рассмотренные выше примеры наглядно демонстрируют, что возникающие противоречия и коллизии не являются случайными или единичными. Напротив, они отражают структурную разобщённость действующей правовой системы, в которой отдельные федеральные и региональные акты развиваются нередко в отрыве друг от друга, без учёта комплексной логики Закона № 498-ФЗ. Отсутствие единой классификации животных, дублирование и пересечение полномочий между уровнями власти, неодинаковое толкование гуманистических принципов, закреплённых в федеральном праве, а также разрывы между целями закона и механизмами их реализации приводят к тому, что правоприменение приобретает неустойчивый, зачастую противоречивый характер. Именно эта правовая несогласованность создаёт условия, при которых субъекты Федерации принимают взаимоисключающие решения, а муниципалитеты вынуждены импровизировать, заполняя пробелы на своё

⁴⁰¹ Об Уполномоченном по защите животных в Российской Федерации: проект федерального закона № 41910-7 от 30.11.2016 г. // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/41910-7> (дата обращения: 10.11.2025).

усмотрение⁴⁰². Всё это делает необходимым переход к детальному анализу действующего законодательства, чтобы показать, какие именно нормы, их соотношение и практическое применение формируют современный правовой режим обращения с животными в России. Рассмотрение федеральных законов, подзаконных актов, региональных положений и судебной практики позволит выявить системные источники коллизий и понять, какие аспекты требуют реформирования для обеспечения целостности и эффективности отечественного правового регулирования режима защиты животных.

§1. Проблемы положения животных в российском законодательстве и правоприменении⁴⁰³

Согласно статье 137 Гражданского кодекса Российской Федерации (Далее – ГК РФ), животные обладают особым правовым режимом как объекты гражданских прав. К ним применяются общие правила об имуществе, если иное не установлено законом или не вытекает из существа отношений. При этом осуществление прав в отношении животных не должно сопровождаться жестоким обращением, противоречащим принципам гуманности. Закон № 498-ФЗ конкретизирует принципы гуманности. Уже в статье 4 этого закона закреплено, что животные рассматриваются как существа, способные испытывать эмоции и физические страдания. Отсюда вытекают обязанности и запреты при эксплуатации, содержании и использовании животных. Кроме того, закон возлагает на человека ответственность за судьбу животного и

⁴⁰² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2024 г. N 38-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 7, абзаца первого части 1 и части 7 статьи 18 Федерального закона "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"» в связи с запросом Верховного Суда Республики Бурятия» (дата обращения: 10.11.2025).

⁴⁰³ При написании данного параграфа были использованы следующие работы автора: Чайка Ю.В. Проблема становления института уполномоченного по правам животных в России: теоретико-правовой аспект // Евразийский юридический журнал. N 7 (194). С. 84-85; Чайка Ю.В. О проблеме определения правового статуса животных в российском праве // Евразийский юридический журнал. 2024. N 2 (189). С. 124-125.

требует воспитания гуманного отношения к ним. Таким образом, связка нормы ст. 137 ГК РФ и закона № 498-ФЗ формирует национальную модель защиты животных: общая гуманная оговорка ГК РФ получает развитие в виде свода правил обращения с животными. Следует подчеркнуть, что идея ответственного обращения с животными получила закрепление и на самом высшем уровне: в 2020 году, в статье 114 (п.е5) Конституции РФ, появилось новое полномочие Правительства Российской Федерации, направленное на формирование государственной политики в сфере обеспечения гуманного обращения с животными. Внимания также заслуживают пункт е6 ст. 114 Конституции РФ, который устанавливает обязанность Правительства создавать условия для развития системы экологического образования граждан и воспитания экологической культуры. Важно отметить пусть и немногочисленные, но принципиально значимые позиции Конституционного Суда РФ. Так, в Постановлении от 18.07.2024 № 38-П Конституционный Суд РФ делает акцент на принципе поддержания доверия к закону и действиям государства, отмечая, что реализация этого принципа невозможна без учета того факта, что не только люди, но и животные могут нуждаться в защите. Хотя Суд ожидаемо выбирает сторону человека в данном вопросе, однако: «в то же время... законодатель должен учитывать, что животные могут нуждаться в защите как существа, которые способны испытывать эмоции, страдать и за судьбу которых человек несет ответственность. Этим, в частности, предопределяется необходимость осуществления мер, направленных на формирование в обществе ответственного отношения к животным, что хотя и отнесено Конституцией РФ к полномочиям Правительства РФ, составляет по своей сути исходную установку применительно к обращению с животными в целом»⁴⁰⁴. Суд прямо указывает на необходимость опоры законодательного

⁴⁰⁴ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2024 г. № 38-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 7, абзаца первого части 1 и части 7 статьи 18 Федерального закона "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации"» в связи с запросом Верховного Суда Республики Бурятия» (дата обращения: 10.11.2025).

регулирования в этой сфере на нравственные начала и принципы гуманности. Именно они, по его мнению, должны служить фундаментом правовых норм, определяющих обращение с животными. Тем самым правопорядок начинает признавать собственную ценность интересов животного, ограничивая права собственника и переводя ряд отношений в сферу публичного регулирования. Фактически, защита животных признаётся частью общественного интереса, что закладывает предпосылки к иному взгляду на правовое положение животных.

Вместе с тем, в правовом регулировании остаются системные проблемы. Во-первых, гуманная оговорка ст. 137 ГК РФ носит рамочный характер и не подкреплена едиными для всей страны стандартами содержания и обращения с животными. Федеральный закон № 498-ФЗ делегирует значительные полномочия регионам (ст. 7), не устанавливая подробных унифицированных критериев. Это привело к тому, что в разных субъектах РФ действуют различные нормы (например, по правилам выгула, нормам содержания в квартирах, регулированию численности безнадзорных животных), и фактический уровень защиты животных зависит от возможностей региона.

Во-вторых, нормы об ответственности часто не соответствуют принципу гуманности. Запрет жестокого обращения практически не подкрепляется эффективными санкциями: штрафы минимальны, отсутствуют санкции по большой категории сфер, в которых задействованы животные, отсутствует конкретизация отношений с участием животных, содержащихся в специальном законодательстве.

В-третьих, в российском праве нет института представительства интересов животных. Животное формально считается объектом, и оно само, очевидно, не может защищать свои интересы. Защита их интересов осуществляется косвенно – прокуратурой, общественными объединениями, волонтерами. Однако у общественных организаций отсутствует прямое право обратиться в суд именно в интересах животного (обычно речь идёт о защите неопределённого круга лиц, что суды трактуют как защиту прав людей).

Граждане тоже могут инициировать дела только при наличии личного интереса (например, если гражданин владелец животного, либо пострадали от действий животного). В результате многие ситуации остаются вне судебной защиты.

Единственной нормой в уголовном праве, охраняющей животных, является статья 245 Уголовного кодекса РФ, устанавливающая ответственность за жестокое обращение с животным. Диспозиция этой статьи была существенно расширена в конце 2017 года. До 2017 года уголовная ответственность наступала только если жестокое обращение в отношении животных, было совершено из корыстных целей, или с применением садистских методов, или в присутствии малолетних. Отсутствие любого из них исключало состав преступления. Например, если животное умышленно мучили, но не было доказано хулиганской цели, корысти, садизма или того, что это происходило на глазах у детей, уголовное дело возбуждалось крайне редко. Федеральным законом № 412-ФЗ от 20.12.2017 г. диспозиция ст. 245 УК РФ была изменена⁴⁰⁵. Появился дополнительный признак – прямой умысел на причинение боли (то есть издевательство ради самого причинения страданий), что закрывает прежний пробел. Санкция за такое деяние (основной состав) предусматривает наказание вплоть до лишения свободы на срок до 3 лет. Кроме того, введена отдельная часть 2 ст. 245 УК РФ с отягчающими обстоятельствами. Более строгая ответственность (до 5 лет лишения свободы) наступает, если жестокое обращение совершено: группой лиц, в присутствии малолетнего, с применением садистских методов, с публичной демонстрацией (в т.ч. через СМИ или интернет) или в отношении нескольких животных. Ранее присутствие малолетних и садизм относились к основному составу, теперь они переведены в квалифицированный состав. Также устранена неточность прежней редакции: теперь предмет преступления

⁴⁰⁵ Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» от 20.12.2017 N 412-ФЗ // СПС Гарант

формулируется в единственном числе («животным», а не «животными»), что однозначно позволяет привлекать за мучение даже одного животного. Эти изменения улучшили ситуацию, но полностью проблему не решили. Во-первых, состав преступления по-прежнему остаётся материальным, то есть необходимо наступление последствий (гибели или увечья животного) и причинная связь. Если животное подверглось жестокому обращению, но выжило и не получило явных увечий, привлечь виновное лицо к уголовной ответственности вряд ли будет возможно. Во-вторых, для субъективной стороны требуются специальные мотивы или цели виновного. На практике трудно доказывать, что виновный действовал именно с хулиганских побуждений или с умыслом причинять страдания (особенно если он ссылается на небрежность, самооборону, необходимость и т.п.). Таким образом, многие случаи издевательств над животными, не повлекшие тяжких последствий или совершённые без очевидной «садистской» цели, не подпадают под ст. 245 УК. Их приходится квалифицировать как административные правонарушения, либо вовсе оставлять без наказания, что снижает превентивный эффект уголовного закона. Одним из наиболее дискуссионных вопросов является возраст, с которого лицо может нести ответственность за жестокое обращение с животными по ст. 245 УК РФ. В научной среде высказываются аргументы о необходимости снижения этого возраста. Актуальность дискуссии подтверждается многочисленными случаями жестокого обращения с животными, совершаемыми несовершеннолетними, что фиксируется и в средствах массовой информации. Исследования Д. Н. Кавтарадзе и В. А. Зубакина показывают, что более 75% подростков, проявлявших жестокость к животным, впоследствии повторяют подобные действия; установлена также корреляция между ранними актами жестокости к животным и вероятностью совершения насильственных преступлений против людей в зрелом возрасте⁴⁰⁶.

⁴⁰⁶ Кавтарадзе Д.Н., Зубакин В.А. Основные результаты работы по изучению жестокого обращения с животными. Студенчество и охрана природы. М.: МГУ, 1982. С. 11.

Так, судебная практика по ст. 245 УК РФ подтверждает ограниченную применимость нормы. Суды, как правило, привлекают к ответственности по этой статье лишь в самых резонансных случаях и при наличии очевидных доказательств квалифицирующих признаков. Однако факты жестокого обращения без гибели или тяжких травм остаются вне сферы уголовного права. Это создает «разрыв»: наказуемы только наиболее тяжкие проявления жестокости, тогда как множество иных случаев выпадают из-под действия УК. Иногда деяния с участием животных квалифицируются не по ст. 245, а по другим статьям УК. Например, умышленное натравливание собаки на человека может рассматриваться как причинение вреда здоровью (ст. 111 или 115 УК) или хулиганство (ст. 213 УК) – тогда сама собака выступает как «орудие» преступления. В других ситуациях жестокое обращение с животным может входить в состав преступления против собственности (например, убийство чужого питомца из мести трактуется как повреждение чужого имущества). Такая многовариантность квалификации порождает правовую неопределённость и неравномерность наказания за по существу схожие по жестокости действия.

Административное законодательство охватывает более широкий круг ситуаций. Долгое время на федеральном уровне не было прямой статьи КоАП РФ за жестокое обращение, но в 2023 году в КоАП введены новые нормы в развитие закона об ответственном обращении с животными. В частности, Федеральным законом № 230-ФЗ от 13.06.2023 были добавлены статьи 8.52-8.54 КоАП РФ⁴⁰⁷. Статья 8.52 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение общих требований к содержанию животных. Статья 8.54 КоАП РФ вводит ответственность за нарушения при содержании животных в приютах и обращении с безнадзорными животными. В СМИ периодически сообщается, что планируется поднять максимальные штрафы за нарушение правил содержания животных до 50 000 руб. для граждан и до нескольких сотен тысяч

⁴⁰⁷ Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 13.06.2023 N 230-ФЗ / СПС Гарант

для организаций, а также увеличить срок давности до 3 лет. Помимо федеральных норм, в регионах действуют собственные кодексы об административных правонарушениях, которые более детально регламентируют обращение с животными. В одних субъектах установлены штрафы за выгул собак без поводка и намордника в общественных местах⁴⁰⁸, в других – за нарушение санитарных норм при содержании домашних животных⁴⁰⁹ и т.д. Однако отсутствие единых стандартов приводит к тому, что за идентичные нарушения в разных регионах предусмотрены разные меры, а кое-где отдельные проступки вовсе не сформулированы как правонарушение. Например, до введения федеральной ст. 8.52 КоАП некоторые регионы вообще не предусматривали наказания за жестокое обращение, если оно не подпадало под УК. В итоге эффективность защиты животных зависела от местного законодательства.

Несмотря на появление новых норм, пробелы между уголовной и административной защитой животных остаются. Часть деяний фактически выпадает из поля ответственности. Так, до 2023 года жестокое обращение, не достигающее до уголовно наказуемого, могло быть наказано лишь по общим статьям (например, как нарушение правил содержания через санитарные нормы) либо не наказывалось вовсе. Сейчас эту нишу формально закрывает ч.2 ст. 8.52 КоАП РФ, вводящая ответственность за жестокое обращение без отягчающих признаков. Однако её санкции относительно мягки, и обнаружение/доказание таких правонарушений на практике затруднительно. Кроме того, административные, уголовные дела зачастую инициируются постфактум, когда вред уже причинён, а механизмов превентивного реагирования (например, изъятия животного у владельца, ненадлежащим образом за ним ухаживающего, до наступления трагедии) чётко не прописано.

⁴⁰⁸ Закон Санкт-Петербурга от 31 мая 2010 г. N 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» (Принят Законодательным Собранием Санкт-Петербурга 12 мая 2010 года) (с изменениями и дополнениями) Ст. 8/ СПС Гарант

⁴⁰⁹ «Кодекс Нижегородской области об административных правонарушениях» от 20.05.2003 N 34-З (принят постановлением ЗС НО от 24.04.2003 N 475-III) / СПС Гарант

По сути, сейчас эту функцию берут на себя волонтеры и зоозащитные организации, действуя через обращения в полицию и прокуратуру, или выкупая животное у недобросовестного владельца за личные средства.

Вероятно, для полноты системы, следовало бы расширить диспозицию ст. 245 УК РФ или ввести отдельный состав, охватывающий любое жестокое обращение, независимо от последствий. Например, умышленное истязание животного, даже если оно не погибло, но испытывало явные страдания, тоже заслуживает уголовно-правовой оценки. Пока же закон фокусируется лишь на квалифицированных проявлениях жестокости (например, совершённых в присутствии малолетних или с широким общественным резонансом посредством интернета). Также необходимо активнее использовать КоАП: детализировать составы, связанные с негуманным обращением, чтобы полиция имела инструмент воздействия до того, как правонарушение станет преступлением. С принятием новых статей КоАП первый шаг сделан, но необходима их реализация на практике и дальнейшее совершенствование.

Российская судебная практика в сфере защиты животных пока весьма неоднородна. Отдельные судебные решения свидетельствуют о том, что суды начинают учитывать общественную значимость защиты животных и ценность самого животного как такового. В декабре 2023 года получила огласку ситуация с массовым убийством безнадзорных собак подрядчиком в одном из регионов. Конституционный Суд РФ прямо связал обязанность государства регулировать сферу обращения с животными с общественным интересом⁴¹⁰. Нельзя не отметить позицию прокуратуры Магаданской области, которая выступила против принятия в регионе закона, позволяющего убивать безнадзорных животных⁴¹¹.

⁴¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2024 N 38-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 7, абзаца первого части 1 и части 7 статьи 18 Федерального закона "Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" в связи с запросом Верховного Суда Республики Бурятия»// СПС «Гарант».

⁴¹¹ Прокурор Магаданской области решил оспорить отдельные пункты закона об эвтаназии животных [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2024/07/16/reg-dfo/prokurog->

Приведённый анализ законодательства и практики иллюстрирует позитивные сдвиги, но также выявляет системные недостатки правоприменения.

В теории права, животные как объекты права не имеют своих процессуальных «прав», и защита принципов гуманности целиком лежит на публичных органах. На практике это означает, что, если прокуратура или органы власти не проявят инициативу, зоозащитникам приходится искать обходные пути (например, заявлять требования от своего имени, ссылаясь на общественные интересы или экологические права). Закрепление на законодательном уровне права общественных организаций обращаться в суд в интересах животных либо создание института «зоозащитного омбудсмана» могло бы значительно улучшить реализацию гуманистических норм.

Вопрос о необходимости особой защиты животных со стороны человека не поднимался в публичном дискурсе до конца XIX века. Первые организации, ставившие такие цели, появились именно как общественные инициативы и не имели государственного статуса. Одним из наиболее показательных примеров в отечественной истории является деятельность Российского общества покровительства животным (РОПЖ), основанного в 1865 году в Санкт-Петербурге⁴¹². Именно эта организация стала первым в стране объединением, которое рассматривало заботу о животных не только как проявление доброты, но и как нравственную обязанность человека, имеющую общественно-правовое значение. Деятельность РОПЖ сочетала просветительские, воспитательные и правозащитные функции. Основатели организации видели свою задачу в изменении общественного отношения к животным, в формировании новой культуры ответственности. Уже в уставе общества, утверждённом Министерством внутренних дел, отмечалось, что его цель —

kolymy-reshil-osporit-otdelnye-punkty-zakona-ob-evtanazii-zhivotnyh.html (дата обращения: 10.10.2025).

⁴¹² Романовская В.Б., Безносова Я.В. Ответственное отношение к животным в Российской империи второй половины XIX века (историко-правовой аспект) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. № 1. С. 208. Электронный ресурс: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-206-212>

«распространение в народе гуманного отношения к животным и пресечение жестокого обращения с ними»⁴¹³. В регионах России возникали отделения общества, которые адаптировали его идеи к местным условиям. Особенно примечателен опыт Нижегородского отдела РОПЖ. Этот отдел действовал в конце XIX - в начале XX века и сочетал просвещение, организацию приютов, контроль за перевозкой скота, регулирование бойней и обучение населению гуманным практикам. Члены общества взаимодействовали с городскими властями и полицией, добиваясь соблюдения санитарных норм и гуманного обращения с животными. Опыт Нижегородского отдела Российского общества покровительства животным представляет собой яркий пример того, как идея служения воплощалась в конкретных общественно-правовых практиках. В регионах России возникали отделения общества, которые адаптировали его идеи к местным условиям. Особенно примечателен опыт Нижегородского отдела РОПЖ. Члены общества взаимодействовали с городскими властями и полицией, добиваясь соблюдения санитарных норм и гуманного обращения с животными. Просветительская миссия имела и правовой смысл: общество стремилось внедрить в общественное сознание идею, что жестокость к животным должна восприниматься как нарушение общественного порядка, а не частное дело человека. В своих публикациях члены отдела объясняли положения статьи 437 «Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», разъясняя, что закон защищает не только животных, но и нравственные устои общества⁴¹⁴. Тем самым происходила популяризация правовых знаний и развитие правосознания, что полностью

⁴¹³ Безносова Я.В. Роль Российского общества покровительства животным в совершенствовании законодательства Российской империи в области гуманного обращения с животными во второй половине XIX века // Вестник Костромского государственного университета. 2024. №3. С. 277. Электронный ресурс: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-275-281>

⁴¹⁴ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. [Электронный ресурс]. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustav_o_nakazaniyah_mirovimi_sudyami (дата обращения: 10.10.2025).

соответствует духу служения — бескорыстного служения добру через просвещение других.

В современной России идея учредить такой специализированный орган периодически появляется в публичном пространстве. Предпринимались неоднократные попытки разработки законопроекта, который определял бы статус и полномочия такого органа. Так, в 2016 году зоозащитные организации обратились к депутатам Государственной Думы с предложением создать государственный институт уполномоченного по правам животных⁴¹⁵. Поводом послужила серия резонансных случаев жестокого обращения с животными. Однако эта инициатива не получила поддержки в Совете Федерации, и законопроект не продвинулся. Несколькими днями позже президент отклонил законопроект, указав в обоснование, что в нём нет предмета правового регулирования. Законопроект не стал законом по ряду причин, главным образом из-за недостаточной правовой базы: сами зоозащитники тогда отмечали, что у животных в России фактически отсутствуют закрепленные «права», которые мог бы защищать омбудсмен, а законодательство в этой сфере еще не было сформировано. Действительно, федеральный закон «Об ответственном обращении с животными» был принят лишь в 2018 году, после многолетних обсуждений. Он установил общие принципы гуманного отношения и обязал государство отслеживать ситуацию в регионах, но полностью решить проблему жестокого обращения этот закон пока не смог.

Тем не менее интерес к идее института уполномоченного не исчез. В марте 2025 года первый зампред комитета Госдумы по контролю Дмитрий Гусев вновь предложил создать пост омбудсмена по защите животных⁴¹⁶

⁴¹⁵ Об Уполномоченном по защите животных в Российской Федерации: проект федерального закона № 41910-7 от 30.11.2016 г. // Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/41910-7> (дата обращения: 10.11.2025).

⁴¹⁶ В Госдуме предложили создать институт омбудсмена по защите прав животных // REGNUM. 07.04.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/4170407.html> (дата обращения: 10.11.2025).

Подготовленный законопроект предусматривает, что такой уполномоченный будет следить за исполнением закона об ответственном обращении с животными, контролировать работу органов власти и ветеринарных служб, а также координировать систему учета домашних и безнадзорных животных. Это свидетельствует о том, что проблема остается актуальной, и поиск эффективного решения продолжается.

Важно понимать, что полномочия по защите животных в Российской Федерации фактически распределены между разными государственными органами. В их числе: Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор), Министерство природных ресурсов и экологии РФ, Природоохранная прокуратура, полиция. Разноплановость функций этих ведомств затрудняет выработку единой стратегии и координацию действий по защите животных. Практика показывает, что переданные им функции по защите интересов животных часто не выполняются должным образом, поскольку у этих органов нет необходимых ресурсов для успешного решения соответствующих задач.

Главные проблемы текущей системы можно резюмировать следующим образом.

Во-первых, огромная нагрузка на профильные органы – полиция, прокуратура, Минприроды и Росприроднадзор уже перегружены широким кругом обязанностей. В их деятельности защита животных занимает лишь небольшую часть, которая нередко отодвигается на второй план более срочными делами.

Во-вторых, отсутствие специализированных подразделений: ни в полиции, ни в иных структурах не созданы отдельные отделы, расследующие преступления против животных и отслеживающие их благополучие. Это приводит к тому, что случаи жестокого обращения расследуются медленно или формально, возникают вопросы грамотной квалификации преступлений против животных или с их участием.

В-третьих, приоритет защиты прав человека. Перечисленные органы по закону ориентированы прежде всего на защиту прав граждан и их законных интересов. Это обоснованно и понятно, однако в результате проблемы животных часто остаются без должного внимания. Для эффективной зоозащиты необходим орган, чей фокус смещён с человека на животное – именно эту нишу и должен занять уполномоченный по защите интересов животных.

Отношение к теме омбудсмена весьма неоднозначное. Так, в обществе сформировались два полярных мнения относительно учреждения данного института. С одной стороны, многие зоозащитники и депутаты высказываются в поддержку введения такой должности. По их мнению, специализированный омбудсмен сможет улучшить защиту животных от жестокого обращения, будет инициировать устранение пробелов в нормативно-правовой базе в отношении отдельных категорий животных, а также разгрузит работу существующих органов, сконцентрировав усилия на проблемах животных. Ожидается, что уполномоченный будет взаимодействовать с общественными организациями, вносить предложения в органы власти и следить за исполнением законов в этой сфере. С другой стороны, противники идеи (в том числе некоторые представители профильного комитета Совета Федерации) считают создание отдельного института нецелесообразным. Они указывают, что в России за защиту животных уже отвечают различные государственные органы – полиция, прокуратура, Росприроднадзор – и эти органы в целом справляются с поставленными задачами. Кроме того, отмечается, что существует закон об ответственном обращении с животными, устанавливающий базовые правила защиты животных, и дополнительных структур не требуется. Однако, реальная практика правоприменения показывает обратное – жестокое обращение с животными продолжается повсеместно, а наказания по статье 245 УК РФ применяются крайне неоднородно. Очевидно, что действующая система пока не обеспечивает эффективного режима защиты животных. Полемика вокруг института

уполномоченного указывает на более глубокую проблему – разницу в подходах к правовому положению животных, что влечет за собой возведение барьеров, которые не позволяют создать более эффективные механизмы правозащиты животных в отечественном праве.

§2. Перспективы правового нормативного закрепления статуса квазисубъектности животных

Вопрос о реализации и закреплении института квазисубъектности животных в российском праве выходит за рамки узкоотраслевых реформ и требует системного пересмотра всего объема концептуальной базы. На сегодняшний день животные формально остаются «особым видом имущества» в рамках ст. 137 ГК РФ, что препятствует признанию их интересов самостоятельной правовой ценностью. Вместе с тем, международная и сравнительная практика демонстрирует, что существуют правовые модели, позволяющие интегрировать животных в систему права без придания им полной правосубъектности в традиционном смысле, но при этом обеспечивающие более высокий уровень их защиты. Рассмотрим три ключевых направления такого законодательного оформления.

Правовой режим «интереса животного»

Первым последовательным шагом «реформы квазисубъектности животных» является формализация понятия «интерес животного» в качестве самостоятельного объекта правовой охраны.

В современной российской правовой системе интерес животного не имеет собственной юридической дефиниции и не выделяется в качестве отдельного элемента правового регулирования. Его защита осуществляется исключительно через опосредованные интересы: имущественные (права собственника), экологические (сохранение видов и биоразнообразия), санитарно-эпидемиологические (предотвращение распространения болезней) и общественной безопасности (защита населения от опасных животных).

Такая модель не позволяет воспринимать животное как носителя значимого для права интереса, а значит, не формирует процессуальных оснований для его прямой защиты. Закрепление правового режима «интереса животного» предполагает нормативное определение этой категории. В доктринальном и международно-правовом контексте под ним понимается состояние, обеспечивающее благополучие животного, включая: физическое здоровье и физиологическое благополучие; свободу от боли, страха и хронического стресса; возможность проявлять естественное поведение, соответствующее биологическим и этологическим особенностям вида. Такое определение должно быть универсальным и применимым ко всем категориям животных с учетом их специфических потребностей.

Признание «интереса животного» как самостоятельного объекта охраны позволит:

- закрепить его в качестве равноправного ориентира при правоприменении наряду с частным и общественным интересом. Это даст судам и иным органам возможность ссылаться на интерес животного напрямую, а не искать формальные основания в иных отраслях права;

- внедрить его в гражданское, административное и уголовное право в качестве критерия для принятия решений: при изъятии животных из неблагоприятных условий; при ограничении или запрете эксплуатации животных в определенных целях; при формировании стандартов содержания и обращения;

- заложить фундамент для дальнейшего развития специальных институтов защиты. В том числе для применения институтов опеки, кураторства, процессуального представительства интересов животных.

- обеспечить направленность защиты не только на устранение последствий жестокого обращения, но и на предотвращение ситуаций, угрожающих благополучию животного.

Международная практика показывает, что там, где «интерес животного» закреплен в праве, судебная защита приобретает более конкретный и

системный характер. Так, суды ЕС могут прямо ссылаться на интерес животного при оценке правомерности действий, т.к. принципы «*animal welfare*» (благополучия животных) встроены в регламенты и директивы. В Великобритании Закон о благополучии животных (*Animal Welfare Act 2006*) закрепляет обязанность владельца обеспечивать пять ключевых свобод животного; нарушение этой обязанности квалифицируется как преступление⁴¹⁷. В Законе о благополучии животных Новой Зеландии (*Animal Welfare Act 1999*) прямо предусмотрено, что при толковании и применении закона суд должен учитывать интересы животного как чувствующего существа⁴¹⁸. Во всех этих правовых системах «интерес животного» перестал быть вторичным и стал самостоятельным ориентиром правоприменения. Это привело к возможности судов запрещать действия или изменять условия содержания даже в отсутствие нарушения права собственности или угрозы для общественного порядка. Внедрение понятия «интереса животного» в российское законодательство позволит выйти за пределы узкоотраслевого подхода, где защита животных ограничена рамками имущественного или экологического права, а также закрепить приоритет благополучия животного как юридически значимого состояния, а не только как этической категории.

Такое нововведение изменит вектор правоприменения: суд сможет исходить не только из права собственности предписаний вещного права, но и из «интереса животного»; прокурор и иные органы получают более широкие основания для вмешательства, а гуманистическая оговорка перестанет быть декларативной и приобретет процессуальный смысл. Более того, такой подход будет иметь важное символическое значение, свидетельствуя о переходе российского права от традиционной «вещной» парадигмы к учету

⁴¹⁷ *Animal Welfare Act 2006*. (Закон о благополучии животных) / London: Parliament of the United Kingdom, 2006. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/45> (дата обращения: 16.11.2025).

⁴¹⁸ *Animal Welfare Act 1999*. (Закон о благополучии животных) / Wellington: Parliamentary Counsel Office. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.govt.nz/act/public/1999/0142/latest/DLM49664.html> (дата обращения: 10.12.2025).

современных научных знаний о когнитивных и эмоциональных способностях животных, а также о готовности правовой системы своевременно откликаться на эволюцию представлений о их природе и ценности. Таким образом, «интерес животного» станет правовым мостом между этическими императивами и юридическими механизмами их реализации, обеспечивая возможность комплексной защиты животных в гражданско-правовой, административной и уголовно-правовой сферах.

Процессуальное представительство интересов животных

Продолжением «реформы квазисубъектности животных» должно стать введение процессуального представительства животных.

Вполне очевидно, что даже при формальном признании особого «статуса» животных и их интересов возникает вполне логичный вопрос: кто и каким образом сможет отстаивать эти интересы в суде и иных инстанциях? В условиях, когда животное не обладает собственной правосубъектностью и не может быть стороной в процессе, защита его интересов возможна только через механизм процессуального представительства. Этот институт может стать системным элементом квазисубъектности животных, обеспечивая их доступ к судебной защите через уполномоченных субъектов.

Наиболее очевидным механизмом является предоставление зоозащитным общественным объединениям и фондам права на подачу исков в защиту животных без необходимости доказывать нарушение собственных прав. Так, Германия реализовала этот механизм через институт «коллективного иска» от имени неограниченного круга животных. Законы отдельных земель о защите животных наделяют аккредитованные организации правом оспаривать административные решения, которые могут нарушать нормы основного закона о защите животных (*Tierschutzgesetz*)⁴¹⁹. Введение такого механизма в России потребует создания федерального

⁴¹⁹ Tierschutzgesetz (TierSchG) 24. Juli 1972, zuletzt geändert durch Gesetz vom 17. März 2023. / Berlin: Bundesministerium der Justiz, 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/tierschg/> (дата обращения: 10.12.2025).

реестра НКО, отвечающих критериям добросовестности, компетенций и прозрачности, с предоставлением им процессуального статуса.

Швейцарская модель предусматривает назначение независимого юриста, представляющего интересы животных в уголовных процессах по делам о жестоком обращении, а также при проверке условий содержания. Такой адвокат (*Kanton Zürich*) участвует в судебных заседаниях, собирает доказательства, дает заключения и выступает с процессуальными ходатайствами⁴²⁰. В российской системе возможна адаптация этого института в форме «специализированного процессуального представителя», закрепленного в процессуальных кодексах и подотчетного либо прокуратуре, либо независимому совету при Минюсте или Минприроды.

Введение института процессуальной представительности обеспечит:

- оперативную защиту животных, а именно возможность быстрого инициирования дел без сложных процедур поиска формального истца;

- снижение влияния случайных факторов, то есть защита не будет определяться исключительно личной инициативой отдельных активистов или чиновников;

- системность правоприменения: появится единый канал реагирования на нарушения, что упростит координацию между судами, надзорными органами и общественными структурами;

Разработка модели юридической опеки и кураторства животных

Реформа квазисубъектности животных предполагает не только формальное закрепление их особого правового положения, но и создание механизмов долговременной и системной защиты их интересов. Одним из таких механизмов может стать институт юридической опеки и кураторства, адаптированный к специфике правового положения животных и ориентированный на обеспечение их благополучия.

⁴²⁰ Gesetz über die Einführung des Schweizerischen Strafgesetzbuches (EG StGB) vom 2. Juni 1974. § 17a Tierschutzanwalt. / Zürich: Kanton Zürich, 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://www.zhlex.zh.ch/app/de/texts_of_law/323_1 (дата обращения: 10.12.2025).

В отличие от процессуального представительства, которое часто носит разовый и ситуационный характер (участие в конкретном судебном деле), опека и кураторство предполагают постоянный надзор и защиту интересов животного в течение продолжительного периода. Этот механизм может быть востребован в случаях, когда животное утратило владельца (смерть, отказ, утрата прав собственности), когда собственник лишен права владения из-за жестокого обращения или систематического нарушения норм содержания, а также при изъятии животных из неблагополучных условий по решению суда или уполномоченных органов. Право уже располагает развитой системой правовой опеки и попечительства в отношении лиц, не обладающих полной дееспособностью (несовершеннолетние, недееспособные, ограниченно дееспособные). По аналогии с классической опекой, предполагается, что опекун животного будет действовать от имени и в интересах животного, а куратор — контролировать исполнение обязанностей по содержанию животного, если оно остается у владельца, но требуется внешний надзор.

В российской правовой системе возможно введение двух форм долгосрочной защиты интересов животных. Первая, полная опека, при которой опекун принимает животное на постоянное содержание, обеспечивает его благополучие, медицинский уход и надлежащие условия жизни, а также представляет его интересы в суде и перед органами власти. Вторая — кураторство, предполагающее контроль за условиями содержания животного, принадлежащего другому лицу, с правом вмешательства при нарушении стандартов благополучия, включая обращение в суд или надзорные органы. Назначение опекуна или куратора должно осуществляться судом либо специализированным органом, на основании заявления прокурора, органов исполнительной власти или аккредитованных зоозащитных организаций.

Международная практика подтверждает целесообразность такого подхода. В США в ряде штатов предусмотрена передача изъятых животных под опеку частных лиц или организаций с закреплением обязанностей по их

содержанию и отчетности перед судом⁴²¹. В Австралии законы о защите животных позволяют назначать постоянных кураторов для животных, изъятых у владельцев за жестокое обращение, с правом последующей передачи в добросовестные руки⁴²².

Внедрение подобного института в российское право позволит существенно усилить защиту благополучия животных, изъятых из неблагополучных условий, разгрузить приюты за счет передачи животных под надзор частных лиц или организаций с закрепленными обязанностями, обеспечить прозрачность условий содержания и возможность контроля со стороны государства и общества.

Необходимость системной правовой реформы

Современное состояние российского законодательства в сфере защиты животных можно охарактеризовать как противоречивое: с одной стороны, в нем присутствуют отдельные прогрессивные положения, отражающие гуманистические принципы, с другой, сохраняются значительные пробелы, препятствующие формированию целостной и эффективно функционирующей системы охраны животных. Принципы гуманного обращения закреплены в ст. 137 Гражданского кодекса РФ и Федеральном законе N 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными», однако эти нормы носят фрагментарный характер, существуют обособленно друг от друга и не интегрированы в единую правовую концепцию. Более того, они лишены полноценного процессуального обеспечения, что существенно ограничивает их практическую применимость. В отсутствие четко сформулированного подхода к правовому регулированию положения животного, правового признания категории «интерес животного», института процессуального представительства и механизмов долгосрочной защиты, таких как опека и

⁴²¹ Agriculture and Markets Law § 373. Seizure of animals; care of animals pending prosecution. // Albany: New York State Legislature, 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nysenate.gov/legislation/laws/AGM/373> (дата обращения: 10.12.2025).

⁴²² Prevention of Cruelty to Animals Act 1986. // Melbourne: Victorian Government, 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.vic.gov.au/in-force/acts/prevention-cruelty-animals-act-1986> (дата обращения: 10.12.2025).

кураторство, действующая модель правозащиты животных является реактивной, а не превентивной. На практике это означает, что защита животных осуществляется преимущественно в форме реагирования на уже совершенные акты жестокого обращения, причем чаще всего лишь в их наиболее крайних и очевидных проявлениях. При этом вопросы обеспечения благополучия животных, предотвращения страданий и создания условий, соответствующих их биологическим и этологическим потребностям, остаются за пределами действенного правоприменения.

Преодоление этих недостатков требует системной правовой реформы, фундамент которой должен быть заложен в признании нового режима «интереса животных». Необходимо закрепить в законе понятия «интерес животного» и «благополучие животного», снабдив их четкими и измеримыми критериями, что позволит использовать эти категории на практике. Не менее важным шагом станет введение институтов процессуального представителя и юридической опеки (кураторства), а также унификация полномочий органов надзора с установлением единого федерального стандарта защиты животных.

Ключевым условием успешности реформы является адаптация международного опыта, накопленного странами, уже реализовавшими эффективные модели правовой охраны животных.

Реализация подобной реформы в России не только приблизит национальное законодательство к международным стандартам, но и станет инструментом формирования новой правовой культуры, в рамках которой животное перестанет восприниматься исключительно как объект имущественных отношений или элемент природной среды. Оно станет рассматриваться как ценность, достойная самостоятельной правовой охраны. При этом подобные изменения способны заложить основу для формирования самобытного российского подхода к защите животных, ориентированного на интеграцию гуманистических принципов с учетом последних научных данных о когнитивных и эмоциональных способностях животных, об их социальных связях, коммуникативном поведении и биологических потребностях. Такая

модель позволит России не только перенимать зарубежные практики, но и развивать собственную правовую доктрину, отражающую уникальные культурные и правовые традиции, и в то же время опирающуюся на современные достижения этологии, нейробиологии и зоопсихологии.

В перспективе возможно формирование целостного нормативного блока — подотрасли или комплексного института, включающего нормы о содержании животных, ветеринарном контроле, этических стандартах обращения, защите интересов животных в суде, ответственности за причинение им вреда, а также об опеке и кураторстве над животными, утратившими владельцев. Такой нормативный комплекс станет логическим развитием идеи квазисубъектности животных, обеспечивая ее закрепление не только в отдельных нормах, но и в системно выстроенной правовой архитектуре.

Перспективным направлением реформы является и включение положений о квазисубъектности животных в стратегические документы государственного уровня: национальные программы устойчивого развития, концепции правового просвещения, проекты модернизации юридического образования. Признание животного как правового феномена, заслуживающего особого режима правовой охраны, может стать важным звеном в формировании биоэтической и правовой идентичности государства XXI века. Таким образом, законодательное признание квазисубъектности животных представляется не только допустимым, но и необходимым с точки зрения логики развития гуманистического правопорядка. Подобная реформа будет способствовать формированию нового правового мышления, преодолению догматического антропоцентризма и укреплению института ответственности государства за охрану живых существ, с которыми человек разделяет общее пространство жизни.

ВЫВОДЫ И РЕКОМЕНДАЦИИ

В процессе исследования были проанализированы политико-философские основы правового регулирования положения животных, изучены подходы к правовому положению животных исходя из различных теорий правопонимания и определены подходы к «правосубъектности» животных, также разработана концепция квазисубъектности животных, основанная на выявлении ее существующих элементов в российском праве и судебной практике. Автором проведен сравнительно-правовой анализ национальных и международных моделей регулирования положения животных и выявлена существующая тенденция перехода от восприятия животных как вещей к признанию их чувствующими существами и особыми объектами правовой защиты. Выявлены и классифицированы основные группы противоречий в правовом регулировании в сфере обращения с животными в российском законодательстве.

Важным выводом, вытекающим из анализа существующего на текущий момент положения в сфере правового регулирования защиты животных, явилось понимание необходимости нормативного закрепления в отечественном праве особой категории квазисубъектности животных и установления юридической обязанности человека по обеспечению благополучия животных. Эволюция правового регулирования отношений человека и животных демонстрирует формирование устойчивой межкультурной традиции охраны животных, обусловленной религиозно-этическими и социально-экономическими факторами. Анализ национального законодательства, судебной практики и механизмов правоприменения в России позволяет констатировать наличие нормативных и институциональных элементов квазисубъектности животных, ограничении вещных прав, уголовно-правовой и административной охране, а также опосредованном представительстве их интересов через субъектов права. Однако отсутствие целостной юридической конструкции, фрагментарность

регулирования, неопределенность понятийного аппарата и слабая институционализация механизмов защиты препятствуют реализации принципов гуманного обращения, что требует нормативного закрепления особого статуса животных как квазисубъектов права, обладающих охраняемыми интересами и правовой защитой, независимой от имущественного статуса.

Автором установлено, что в российском праве присутствуют отдельные элементы квазисубъектности животных: признание их как существ, способных испытывать эмоции и физические страдания, наличие уголовно- и административно-правовых механизмов охраны, а также судебные решения, опосредованно признающие общественный интерес в их защите. Эти признаки свидетельствуют о наличии правовых оснований для формирования самобытной модели правозащиты животных, не требующей заимствования чуждых национальной системе концепций, но опирающейся на актуальные научные данные о животных. Взамен существующих в международном праве, но не имплементированных в российское законодательство «Пяти свобод животных» предлагается ввести трёхуровневую иерархию «Ценностей животных»: «фундаментальные ценности» задают пределы допустимого (императивные запреты), «дополнительные ценности» конкретизируют позитивные обязанности должной заботы в виде обязанности соблюдать стандарты благополучия и надлежащего обращения, а «обеспечительные ценности» закрепляют их в практике через соответствующие институты и процедуры (представительство интересов).

Важным практическим выводом является выявление бессистемного характера правового регулирования в сфере обращения с животными, порождающего множественные нормативные и правоприменительные противоречия. К числу основных групп противоречий автор относит:

доктринальные: между вещным статусом животных в гражданском праве и признанием их чувствующими существами в специальном законодательстве;

коллизийные: между нормами Гражданского кодекса РФ и Федерального закона от 27.12.2018 г. N 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными»;

институциональные: между компетенциями различных надзорных органов, не обладающих единой системой взаимодействия и правовой специализацией;

терминологические: отсутствие четких дефиниций ключевых понятий («безнадзорное животное» и др.);

правоприменительные: неоднородность квалификации одних и тех же деяний (например, натравливание животных трактуется как жестокое обращение, хулиганство или причинение вреда);

отраслевые: фрагментарность подходов в различных отраслях права, регулирующих отношения человека и животных (гражданское, уголовное, административное, экологическое и др.).

В качестве рекомендации автором обоснована необходимость системной и концептуальной реформы законодательства с целью устранения указанных противоречий и выстраивания последовательной, непротиворечивой модели правовой охраны животных. Предлагается закрепить в правовой доктрине и законодательстве категорию животного как чувствующего существа, обладающего охраняемыми законом интересами, которые реализуются через институт юридической опеки под руководством специально назначенного представителя; критерием для отнесения к данной категории служит наличие у животного сознания, подтверждаемое современными научными данными. В результате исследования были сформулированы предложения по внесению изменений в действующее законодательство Российской Федерации, направленные на нормативное закрепление правового положения животных и обоснована необходимость гуманизации права через внедрение зоозащитной проблематики в юридическое образование.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ**I. ИСТОЧНИКИ**

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными 1 июля 2020 г.) // СПС Гарант (дата обращения: 15.06.2025).
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2024 № 38-П «По делу о проверке конституционности части 4 статьи 7, абзаца первого части 1 и части 7 статьи 18 Федерального закона “Об ответственном обращении с животными...” в связи с запросом Верховного Суда Республики Бурятия» // СПС Гарант.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации, ст. 245 «Жестокое обращение с животными» // СПС Гарант.
4. Федеральный закон от 27 декабря 2018 г. № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС Гарант.
5. Федеральный закон от 13.06.2023 № 230-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС Гарант.
6. Федеральный закон от 20.12.2017 № 412-ФЗ «О внесении изменений в статьи 245 и 258.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС Гарант.
7. Об Уполномоченном по защите животных в Российской Федерации: проект федерального закона № 41910-7 от 30.11.2016 г. // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/41910-7>
8. Закон Санкт-Петербурга от 31 мая 2010 г. № 273-70 «Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге» (с изм. и доп.), ст. 8 // СПС Гарант.
9. Кодекс Нижегородской области об административных правонарушениях от 20.05.2003 № 34-З (принят постановлением Законодательного собрания Нижегородской области от 24.04.2003 № 475-III) // СПС Гарант.
10. Архив РГАНИ. Ф. 5. Оп. 62. Д. 47. Л. 18–19.
11. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями // [Электронный ресурс]. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/ustav_o_nakazaniyah_mirovimi_sudyami (дата обращения: 10.10.2025).

Международные источники и источники Европейского союза

12. (UNEA-5) Resolution UNEP/EA.5/Res.1 «Animal welfare — environment — sustainable development nexus». / Nairobi: United Nations Environment Programme, 2022. P. 2. // [Электронный ресурс]. URL: https://wedocs.unep.org/bitstream/handle/20.500.11822/39842/UNEP_EA5_RES1.pdf
13. Global Animal Welfare Strategy. 2017. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.woah.org/app/uploads/2021/03/en-oie-global-animal-welfare-strategy.pdf>
14. One Welfare Approach. (WOAH). // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.woah.org/en/what-we-do/animal-health-and-welfare/animal-welfare/one-welfare/>
15. Animal Welfare Strategy for Africa (AWSA): Executive Summary. / Nairobi: AU-IBAR, Jan. 2018. 37 p. // [Электронный ресурс]. URL: https://rr-africa.woah.org/app/uploads/2019/05/awsa_executive_summary_layout_eng_2017.pdf
16. Convention on Biological Diversity (Конвенция о биологическом разнообразии). 1992. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbd.int/convention/text/>
17. Council Regulation (EC) N 1099/2009 of 24 September 2009 on the protection of animals at the time of killing // Official Journal of the European Union. L 303P. 1–30. // [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:32009R1099>
18. Declaration on Animal Consciousness. New York University Animal Consciousness Initiative, April 2024 // NYU Center for Mind, Brain and Consciousness. // [Электронный ресурс] URL: <https://www.animalconsciousness.org/declaration>
19. Directive 98/58/EC of the Council of 20 July 1998 concerning the protection of animals kept for farming purposes // Official Journal of the European Communities. L 221. P. 23–27. // [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:31998L0058>
20. European Convention for the Protection of Pet Animals (Европейской конвенции по защите домашних животных). ETS No. 125. Страсбург, 18 ноября 1999 г. // [Электронный текст]. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/125>
21. Revision of EU animal-welfare legislation: official page of the European Commission // European Commission. URL: https://food.ec.europa.eu/animals/animal-welfare/evaluations-and-impact-assessment/revision-eu-animal-welfare-legislation_en
22. Terrestrial Animal Health Code (Кодекс по благополучию наземных животных). Гл. 7.1. / Paris: WOAH, 2023. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.woah.org/en/what-we-do/standards/codes-and-manuals/terrestrial-code/>
23. The Cambridge Declaration on Consciousness / Low P., Edelman D., Koch C. // Francis Crick Memorial Conference, University of Cambridge,

- UK. 7 July 2012. // [Электронный ресурс] URL: <https://fcmconference.org/img/CambridgeDeclarationOnConsciousness.pdf>
24. Universal Declaration on Bioethics and Human Rights / Париж: (ЮНЕСКО), 2005. // [Электронный ресурс]. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000146180>
25. Universal Declaration of Animal Rights. / Paris: UNESCO, 15.10.1978. P. 4. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cid.ucl.ac.be/cesa/animaux/UDAR1978.pdf>
26. Universal Declaration on Animal Welfare (UDAW) // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldanimalprotection.ca/our-work/global-animal-protection/universal-declaration/>
27. Universal Declaration on Animal Welfare (UDAW): Campaign Materials and Background Information. / London: World Animal Protection, 2005–2020. P. 16. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldanimalprotection.org>
28. Директива 2010/63/ЕС Европейского парламента и Совета от 22 сентября 2010 г. «О защите животных, используемых в научных целях» // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2010/63/oj/eng>
29. Договор о функционировании Европейского Союза (редакция 2016 г.). Статья 13 // EUR-Lex. [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2021-0295_EN.html
30. Конвенция о международной торговле видами дикой фауны и флоры, находящимися под угрозой исчезновения (Вашингтон, 3 марта 1973 г.) // CITES Secretariat. [Электронный ресурс]. URL: <https://cites.org/eng/disc/text.php>
31. Регламент (ЕС) N 1/2005 от 22 декабря 2004 г. «О защите животных при транспортировке и связанных операциях» // EUR-Lex. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2005/1/oj/eng>
32. Регламент (ЕС) N 1099/2009 от 24 сентября 2009 г. «О защите животных при убое» // EUR-Lex. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2009/1099/oj/eng>
33. Резолюция от 10 июня 2021 года «О гражданской инициативе “End the Cage Age” (2021/2633(RSP))» // EUR-Lex. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021IP0295>
34. Резолюция от 16 февраля 2023 г. «О глобальном запрете тестирования косметики на животных» (2023/2504(RSP)) // EUR-Lex. [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2023-0067_EN.html
35. Резолюция от 16 сентября 2021 года «О планах и действиях по ускорению перехода к инновациям без использования животных в исследованиях, регуляторных тестах и образовании» (2021/2784(RSP)) // EUR-Lex. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52021IP0387>

36. Суд Европейского Союза. Решение от 23 апреля 2015 г. по делу С-424/13 Zuchtvieh-Export GmbH (компания по экспорту племенного скота) // EUR-Lex. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62013CJ0424>
37. Суд Европейского союза. Решение от 26 февраля 2019 г. по делу С-497/17 Организация по защите животных на бойнях (ОАВА) против Министерства сельского хозяйства и продовольствия Франции и др. // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=CELEX%3A62017CJ0497>
38. Европейская конвенция о защите животных, содержащихся на фермах (ETS No. 87, Страсбург, 10 марта 1976 г.) // Council of Europe. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=087>
39. Европейская конвенция о защите животных при международной транспортировке (ETS No. 65, Париж, 13 декабря 1968 г.) // Council of Europe. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=065>
40. Европейская конвенция о защите позвоночных животных, используемых в экспериментах и для иных научных целей (ETS No. 123, Страсбург, 18 марта 1986 г.) // Council of Europe. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list?module=treaty-detail&treaty-num=123>
41. Консолидированная версия Договора о функционировании Европейского Союза. Art. 13. / Official Journal of the European Union, C 326, 26.10.2012. [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/tfeu_2012/art_13/oj
42. Предложение Комиссии ЕС о Регламенте Европейского парламента и Совета о благополучии животных, содержащихся для сельского хозяйства (COM/2023/770 final) // EUR-Lex. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52023PC0770>
43. Предложение Комиссии ЕС о Регламенте Европейского парламента и Совета о защите животных при транспортировке (COM/2023/798 final) // EUR-Lex. [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52023PC0798>

Источники Германии

44. Amtsgericht Marburg. Beschluss vom 18.06.2024, Az. 74 F 809/23 WH // Urteile.News. [Электронный ресурс]. URL: <https://urteile.news/FundstellenausderMDR>
45. BMEL Leitlinien zur Haltung von Tieren in Zirkusbetrieben oder ähnlichen Einrichtungen (Руководство по содержанию животных в цирковых или аналогичных учреждениях). // [Электронный ресурс].

- URL: <https://www.bmel.de/DE/themen/tiere/tierschutz/leitlinien-zirkustiere.html>
46. Bürgerliches Gesetzbuch, BGB (Гражданский кодекс Германии). § 90a «Животные не являются вещами» // Gesetze im Internet: официальный портал законодательства ФРГ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/__90a.html
 47. Bundestierärztekammer (BTK). Leitfaden für tierschutzgerechten Transport von Tieren (инструкция по гуманной транспортировке животных). // Gesetze im Internet. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bundestieraerztekammer.de/tierhalter/leitfaden-tiertransport/>
 48. Deutscher Bundestag. Tierschutz als Staatsziel: Dokumentation zur Grundgesetzänderung 2002. // [Электронный ресурс]. URL: https://www.bundestag.de/resource/blob/195982/64648c51e05d96320de18c3f8cc9f4e2/tierschutz_als_staatsziel-data.pdf
 49. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland (Основной закон Германии). Art. 20a // Gesetze im Internet. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gesetze-im-internet.de/gg/art_20a.html
 50. Tierschutzgesetz (Закон Германии «О защите животных») от 24 июля 1972 г. в ред. от 19 июня 2020 г. // Gesetze im Internet. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/tierschg/>
 51. Tierschutz-Schlachtverordnung (TierSchlV) // Gesetze im Internet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/tierschlV/>
 52. Tierschutz-Nutztierhaltungsverordnung (TierSchNutzV) // Gesetze im Internet. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/tierschntv/>
 53. Tierschutz-Versuchstierverordnung (TierSchVersV) // Gesetze im Internet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-im-internet.de/tierschversv/>
 54. Verwaltungsgericht Mainz. Urteil vom 24.11.2016 – 1 K 760/15.MZ // Justiz Rheinland-Pfalz. [Электронный ресурс]. URL: <https://vgmz.justiz.rlp.de/de/entscheidungen/detail/news/detail/News/urteil-vom-24112016-1-k-76015mz/>
 55. Verwaltungsgericht Neustadt. Urteil vom 25.05.2010 5 K 143/10.NW // Justiz Rheinland-Pfalz. [Электронный ресурс]. URL: <https://vgne.justiz.rlp.de/de/entscheidungen/detail/news/detail/News/urteil-vom-25052010-5-k-14310nw/>
 56. Verwaltungsgericht Regensburg. Urteil vom 14.09.2020 RN 5 K 19.1787 // Bayern.Recht. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gesetze-bayern.de>

Источники Франции

57. CE, 1er juillet 2022, n° 459109 // Recueil Lebon. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000046099345>

58. CE, 16 avril 2021, n° 441360 // Recueil Lebon. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/ceta/id/CETATEXT000043395063>
59. Code rural et de la pêche maritime (Сельскохозяйственный кодекс и Кодекс рыболовства Франции). Art. L 214 8 1, II. Introduit par la loi n° 2021 1539 du 30 novembre 2021 visant à lutter contre la maltraitance animale // Légifrance. [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000043666956/
60. Cour de cassation, crim., 9 décembre 2020, n° 19-85.171 // Bulletin criminel. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000042654582>
61. Экологический кодекс Франции. Art. L. 413-10 // редакция от 01.08.2025. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGITEXT000006074220>
62. Гражданский кодекс Франции. Art. 515-14 // JORF n°0102 du 02.05.2015. [Электронный ресурс]. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000030254207
63. Закон N 2021-1539 от 30 ноября 2021 г. «О борьбе с жестоким обращением с животными и об укреплении связи между животными и человеком» (Loi n° 2021-1539 du 30 novembre 2021) // JORF n° 0279, 01.12.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000044387560>
64. Уголовный кодекс Франции. Art. 521-1, 522-1 // JORF n°0074 du 28.03.1994, mod. Loi n° 2021-1539. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/codes/id/LEGISCTA000006165366>

Источники Италии

65. Costituzione della Repubblica Italiana. Art. 9 // Gazz. Uff. 11.02.2022, n. 35. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2022/02/11/22G00011/sg>
66. Decreto legislativo 8 giugno 2001, n. 231. Art. 25-undevicies // Gazz. Uff. 19.06.2001, n. 140. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:decreto.legislativo:2001-06-08;231!vig=>
67. Disegno di legge n. 1308 del Senato della Repubblica. Art. 6 (Законопроект о внесении поправок в уголовный кодекс, уголовно-процессуальный и других положений, касающихся преступлений против животных) // Senato della Repubblica Italiana. в редакции 29.05.2025. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.senato.it/service/PDF/PDFServer/BGT/01308701.pdf>
68. Legge 20 luglio 2004, (Закон о запрете жестокого обращения с животными) n. 189. Art. 2, c. 1 // Gazz. Uff. 31.07.2004, n. 178. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2004/07/31/004G0186/sg>

Источники Великобритании

69. An Act to prevent the cruel and improper Treatment of Cattle (Акт о предотвращении жестокого и неправильного обращения с крупным рогатым скотом) 3 Geo. IV с. 71 / London: Parliament of the United Kingdom, 1822. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo4/3/71/enacted>
70. Animal Welfare (Licensing of Activities Involving Animals) (England) (Amendment) Regulations 2019. / London: UK Government. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/uksi/2019/1093/contents>
71. Animal Welfare (Sentience) Act 2022. London: Parliament of the United Kingdom, 2022. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2022/22>
72. Animal Welfare (Service Animals) Act 2019. / London: Parliament of the United Kingdom, 2019. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2019/15>
73. Animal Welfare Act 2006. (Закон о благополучии животных) / London: Parliament of the United Kingdom, 2006. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2006/45>
74. Animals Act 1971. (Законом «Об ответственности за животных») / London: Parliament of the United Kingdom, 1971. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1971/22>
75. Animals (Scientific Procedures) Act 1986 (Закон «О научных процедурах над животными») / London: Parliament of the United Kingdom, 1986. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1986/14>
76. Buckle v. Holmes. A-Law (UK Centre for Animal Law). Animal Law UK: Case Summaries. / London: A-Law, 2020. P. 38–45. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alaw.org.uk/wp-content/uploads/2020/10/Animal-Law-UK-Case-Summaries.pdf>
77. Code of Practice for the Welfare of Cats (Кодекс практики по благополучию кошек) / London, 2013 (ред. 2018). // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/code-of-practice-for-the-welfare-of-cats>
78. Dangerous Wild Animals Act 1976 (Закон об опасных диких животных) / London: Parliament of the United Kingdom, 1976. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1976/38>
79. Environmental Protection Act 1990. (Закон «Об охране окружающей среды») S.43. / London: Parliament of the United Kingdom. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1990/43>
80. Pet Abduction Act 2024. (Закон «О похищении домашних животных») / London: Parliament of the United Kingdom, 2024. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2024/16>

Источники США

81. Animal Legal Defense Fund (ALDF) // [Электронный ресурс]. URL: <https://aldf.org/>
82. Concurring Opinion by Judge Eugene M. Fahey. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nycourts.gov/ctapps/Decisions/2018/May18/M2018-268opn18-Decision.pdf>
83. Justice v. Vercher (and through Mosiman), 321 Or.App. 439 (Or. Ct. App. 2022). // [Электронный ресурс]. URL: <https://caselaw.findlaw.com/court/or-court-of-appeals/2184640.html>
84. Matter of Nonhuman Rights Project, Inc., ex rel. Kiko v. Presti, 124 A.D.3d 1334 (App. Div. 4th Dept., 2015). // [Электронный ресурс]. URL: <https://law.justia.com/cases/new-york/appellate-division-fourth-department/2015/1300-ca-14-00357.html>
85. Naruto v. Slater, 888 F.3d 418, United States Court of Appeals for the Ninth Circuit, 2018. // [Электронный ресурс]. URL: <https://cdn.ca9.uscourts.gov/datastore/opinions/2018/04/23/16-15469.pdf>
86. Naruto v. Slater, No. 16-15469 (9th Cir. Apr. 23, 2018). // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca9/16-15469/16-15469-2018-04-23.html>
87. Nonhuman Rights Project, Inc. ex rel. Beulah, Karen & Minnie v. R.W. Commerford & Sons, Inc., AC 42602 (Conn. App. Ct., 2019). // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jud.ct.gov/external/supapp/Cases/AROp/AP192/192AP408.pdf>
88. Nonhuman Rights Project, Inc. ex rel. Hercules and Leo v. Stanley, 49 Misc.3d 746 (N.Y. Sup. Ct. 2015). // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nonhumanrights.org/hercules-and-leo/>
89. Nonhuman Rights Project, Inc. on behalf of Happy v. Breheny, 52 N.Y.3d xxx (New York Ct. App. 14 June 2022). P. 2–3. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nycourts.gov/ctapps/Decisions/2022/Jun22/52opn22-Decision.pdf>
90. Nonhuman Rights Project, Inc. v. Lavery, 998 N.Y.S.2d 248 (N.Y. App. Div. 2014). // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nonhumanrights.org/client-tommy/>
91. Nonhuman Rights Project, Inc. v. Presti, 124 A.D.3d 1334 (N.Y. App. Div. 2015). // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nonhumanrights.org/client-kiko/>
92. Rowley v. City of New Bedford, Civil Action No. 2077CV00207 (Mass. Super. Ct., 19 July 2020). // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.casemine.com/judgement/us/5ff2d4f64653d03c4400ed51>

Источники Китая

93. Law of the People's Republic of China on the Protection of Wildlife (1988 г.) (Закон КНР «Об охране дикой природы») / Закон Китайской Народной Республики от 8 ноября 1988 г. Art. 1. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.china.org.cn/english/environment/34349.htm>
94. Regulations for the Administration of Laboratory Animals (Правила содержания лабораторных животных) / Постановление Государственного комитета по науке и технике КНР от 14.10.1988. // [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/gongbao/content/2017/content_5206514.htm
95. Standing Committee of the National People's Congress of the PRC. Decision on Completely Prohibiting the Illegal Trade of Wildlife, Eliminating the Bad Habit of Wildlife Consumption, and Effectively Safeguarding the Lives and Health of the People («О полном запрете незаконной торговли дикими животными, искоренении пагубной привычки потребления дикой фауны и обеспечении безопасности жизни и здоровья народа») / Постановление Постоянного комитета ВСНП КНР от 24.02.2020. // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202002/6fa9f96f357c4e0c8da5eecb2a6178b3.shtml>
96. State Forestry Administration of China. Interim Provisions on the Administration of Black Bear Breeding Technology («Временные правила об использовании и управлении технологиями разведения чёрных медведей»). 1997. / Государственное лесное управление. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.forestry.gov.cn>

Источники Индии

97. Конституция Индии. Art. 48, Art. 48-A / Ministry of Law and Justice, Government of India. // [Электронный ресурс]. URL: <https://legislative.gov.in/constitution-of-india>
98. High Court of Punjab and Haryana. Karnail Singh v. State of Haryana (Карнаил Сингх против штата Харьяна) CRWP N. 7943 of 2019. Judgment of 31 May 2019. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.animallaw.info/sites/default/files/Karnail%20Singh%20and%20Others%20v%20State%20of%20Haryana.pdf>
99. Supreme Court of India. Animal Welfare Board of India v. A. Nagaraja and Others: Civil Appeal (Совет по благополучию животных Индии против А. Нагараджа). N. 5387/2014. Judgment of 7 May 2014. // [Электронный ресурс]. URL: <https://main.sci.gov.in/judgment/judis/42529.pdf>
100. The Prevention of Cruelty to Animals Act, 1960 (Закон «О предотвращении жестокого обращения с животными»). Act No. 59 of

1960. / Government of India, Ministry of Law and Justice. // [Электронный ресурс]. URL: <https://legislative.gov.in/sites/default/files/A1960-59.pdf>

Источники исламского права

101. Ан-Навави. Рияд ас-Салихин (Сады праведных). Раздел о милосердии к животным. / пер. с араб. Э. Р. Кулиева. // [Электронный ресурс]. URL: <https://umma.ru/riiad-as-salihin/>
102. Коран. Сура 24, аят 41 / пер. И. Ю. Крачковского. // [Электронный ресурс]. URL: <https://falaq.ru/quran/kpac/24/>
103. Новая философская энциклопедия / Арабская философия. М.: Институт философии РАН, 2010. // [Электронный ресурс]. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/browse/CL2#CL2.4>

Источники Турции

104. Hayvanları Koruma Kanunu (Закон о защите животных). Kanun No. 5199, 24 Haziran 2004 // Resmî Gazete. 1 Temmuz 2004. N 25509. Ст. 7. // [Электронный ресурс]. UR
105. Hayvanların Korunmasına Dair Uygulama Yönetmeliği (Регламент о применении Закона о защите животных). Resmî Gazete, N 25847, 12.05.2005. Ст. 12–14. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2005/05/20050512-6.htm>
106. Türk Ceza Kanunu Kanun (Уголовный кодекс Турции) N. 5237. Ankara, 26.09.2004. // Resmî Gazete N 25611. Ст. 151. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/tr/tr171en.pdf>

Источники Бразилии

107. Constituição do Estado da Bahia de 5 de outubro de 1989 (Конституция штата Байя). / Salvador: Assembleia Legislativa do Estado da Bahia, 1989; Constituição do Estado do Ceará de 25 de junho de 1989 (atualizada) (Конституция штата Сеара) / Fortaleza: Assembleia Legislativa do Estado do Ceará, 1989.
108. Decreto n. 24.645, de 10 de julho de 1934. (Декрет N 24.645 от 10 июля 1934 г. «О мерах по предотвращению жестокого обращения с животными») / Национальный архив, 1934. // [Электронный ресурс]. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/decreto/1930-1949/d24645.htm
109. IBAMA. Nota Técnica DBFLO-01/2017. / Brasília: IBAMA, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.br/ibama/pt-br/centrais-de-conteudo/arquivos/arquivos-pdf/2018-07-06-nota-tecnica-dbflo-01-2017-pdf>
110. Lei n. 5.197, de 3 de janeiro de 1967. Dispõe sobre a proteção à fauna e dá outras providências (Закон «О защите фауны») / Brasília: Câmara dos Deputados, 03.01.1967. // [Электронный ресурс]. URL:

- <https://www2.camara.leg.br/legin/fed/lei/1960-1969/lei-5197-3-janeiro-1967-364679-publicacaooriginal-1-pl.html>
111. Lei n. 7.173, de 14 de dezembro de 1983 (Закон N 7.173 от 14 декабря 1983 г. «О зоопарках») / Brasília: Palácio do Planalto, 1983. // [Электронный текст]. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/17173.htm
112. Lei n. 9.605, de 12 de fevereiro de 1998 N 9.605 (Закон «Об экологических преступлениях») / Brasília: Palácio do Planalto. // [Электронный ресурс]. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/leis/19605.htm
113. Lei n. 11.794, de 8 de outubro de 2008 (Закон N 11.794 от 8 октября 2008 г. «О процедурах использования животных в научных исследованиях») / Brasília: Palácio do Planalto, 2008. [Электронный ресурс]. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2007-2010/2008/lei/111794.htm
114. Supremo Tribunal Federal. ADI 1856/CE (Vaquejada / Corrida de touros). Rel. Min. Marco Aurélio. Julgado em 06.10.2016. / Brasília, STF. // [Электронный ресурс]. URL: <https://portal.stf.jus.br/processos/detalhe.asp?incidente=1788912>
115. Supremo Tribunal Federal. ADI 4983/CE. Rel. Min. Luiz Fux. Julgado em 07.06.2018. / Brasília: STF. // [Электронный ресурс]. URL: <https://portal.stf.jus.br/processos/detalhe.asp?incidente=5024623>

Источники Боливии

116. Código Civil. Decreto Ley N° 12760 de 6 de agosto de 1975. (Гражданский кодекс Боливии) / La Paz: Estado Plurinacional de Bolivia, 1975. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexivox.org/norms/BO-CC1975.xhtml>
117. Código Penal. Ley N° 10426 (2018). (Уголовный кодекс Боливии) / La Paz: Asamblea Legislativa Plurinacional. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexivox.org/norms/BO-L10426.xhtml>
118. Constitución Política del Estado (Конституция Многонационального Государства Боливия 2009 года). / La Paz: Asamblea Constituyente, 2009. // [Электронный ресурс]. URL: https://www.constituteproject.org/constitution/Bolivia_2009
119. Ley de Derechos de la Madre Tierra (Закон N 71 от 21 декабря 2010 г. «О правах Матери-Земли»). / La Paz: Asamblea Legislativa Plurinacional, 2010. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexivox.org/norms/BO-L-N71.xhtml>
120. Ley Marco de la Madre Tierra y Desarrollo Integral para Vivir Bien (Закон N 300 от 15 октября 2012 г. «О защите Матери-Земли и комплексном развитии»). / La Paz: Asamblea Legislativa Plurinacional, 2012. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexivox.org/norms/BO-L-N300.xhtml>

121. Ley Municipal N° 239/2017 Gestión Integral de Animales de Compañía (закон N 239 от 16 июня 2017 г. города Ла-Пас «О комплексном управлении домашними животными»). / La Paz: Gobierno Autónomo Municipal de La Paz, 2017. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexivox.org/norms/BO-LM-LP239.xhtml>
122. Ley para la Defensa de los Animales Contra Actos de Crueldad и Maltrato (Закон N 553 от 28 мая 2014 г. «О защите животных от актов жестокости и жестокого обращения»). / La Paz: Asamblea Legislativa Plurinacional, 2014. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lexivox.org/norms/BO-L-N553.xhtml>

Источники Колумбии

123. Código Civil (Гражданский кодекс Колумбии) Art. 655. // Закон N 1774 от 6 января 2016 г. (Ley 1774 de 2016) / Bogotá: Congreso de la República, 2016. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.funcionpublica.gov.co/eva/gestornormativo/norma.php?i=67445>
124. Corte Constitucional de Colombia. Sentencia C-467/16. Magistrado ponente: Alberto Rojas Ríos. / Bogotá: Corte Constitucional, 2016. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2016/c-467-16.htm>
125. Corte Constitucional de Colombia. Sentencia C-666/10. Magistrado ponente: Jorge Iván Palacio Palacio. / Bogotá: Corte Constitucional, 2010. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2010/c-666-10.htm>
126. Corte Constitucional de Colombia. Sentencia T-095/16, 25 Feb. 2016 // Relatoría Corte Constitucional. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2016/t-095-16.htm>
127. Corte Constitucional de Colombia. Sentencia T-622/16, 10 Nov. 2016 // Relatoría Corte Constitucional. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.corteconstitucional.gov.co/relatoria/2016/t-622-16.htm>
128. Corte Constitucional de Colombia, 23 янв. 2020 Sentencia SU-016/20 // Expediente T-6 480 577. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.animallaw.info/case/sentencia-su01620>
129. Ley 1774 de 2016 (Закон N 1774 от 6 января 2016 г. «О защите животных») / Bogotá: Congreso de la República, 2016. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.funcionpublica.gov.co/eva/gestornormativo/norma.php?i=67445>
130. Ley 2054 de 2020 (Закон N 2054 от 9 сентября 2020 г. «О защите домашних и бездомных животных»). / Bogotá: Congreso de la República, 2020. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.funcionpublica.gov.co/eva/gestornormativo/norma.php?i=154326>

131. Ley 2318 de 2023. Por medio de la cual se prohíbe el uso de animales en actividades de control de disturbios y se dictan otras disposiciones // Diario Oficial de la República de Colombia. 20.09.2023. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.funcionpublica.gov.co/eva/gestornormativo/norma.php?i=215158>
132. Por medio de la cual se prohíbe el uso de animales para disuadir manifestaciones, motines y asonadas y se dictan otras disposiciones (Закон N 2318 от 25 августа 2023 г. «Закон о запрете использования животных для разгона демонстраций, беспорядков и массовых волнений и другие положения») / Bogotá: Congreso de la República, 2023. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.funcionpublica.gov.co/eva/gestornormativo/norma.php?i=217131>
133. Sentencia STC4360-2017 del 26.07.2017 / Corte Suprema de Justicia de Colombia. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cortesuprema.gov.co/corte/wp-content/uploads/2017/12/STC-4360-2017.pdf>
134. Corte Constitucional de Colombia. Auto A-547/18. / Bogotá: Corte Constitucional, 22 de agosto de 2018. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.animallaw.info/sites/default/files/Colombia-Constitutional-Court-A547-18.pdf>

Источники ЮАР

135. Animals Protection Act 71 of 1962. (Закон «О защите животных») / Pretoria: Government Printer, 1962. 12 p. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.za/documents/animals-protection-act-30-may-1962>
136. Constitutional Court of South Africa. Fuel Retailers Association of SA v Director-General Environmental Management (CCT 67/06), [2007] ZACC 13, 7 June 2007. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.concourt.org.za/index.php/judgments>
137. Constitutional Court of South Africa. National Society for the Prevention of Cruelty to Animals v Minister of Justice and Constitutional Development and Another ((Национальное общество по предотвращению жестокости к животным (NSPCA) против Министерства юстиции) (CCT 46/15) 2016 / ZACC 46, 8 Dec. 2016. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.concourt.org.za/index.php/judgments>
138. Constitutional Court of South Africa. SA Predator Breeders Association vs Minister of Environmental Affairs and Tourism (72/10) [2010] ZASC A 151, 29 Nov. 2010. (Ассоциация южноафриканских заводчиков хищников против Министерства по делам окружающей среды и туризма) / Bloemfontein: Supreme Court of Appeal, 2010. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.saflii.org/za/cases/ZASCA/2010/151.html>

139. Constitution of the Republic of South Africa, 1996 (Конституция ЮАР) / Pretoria: Government of South Africa, 1996. 192 p. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.za/documents/constitution-republic-south-africa-1996>
140. Convention on International Trade in Endangered Species of Wild Fauna and Flora (CITES) Regulations. Government Gazette No. 31844, Notice No. R.173, 5 February 2009. / Pretoria: Government Printer, 2009. 64 p. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.za/documents/international-trade-endangered-species-regulations>
141. Lists of Threatened and Protected Species (Sections 56(1) and 56(2) of NEMBA) Government Gazette No. 29657, Notice No. 151, 23 February 2007. / Pretoria: Government Printer, 2007. 72 p. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.za/documents/national-environmental-management-biodiversity-act-lists-threatened-and-protected-species>
142. National Environmental Management: Biodiversity Act 10 of 2004. (Закон «О национальном управлении окружающей средой») / Pretoria: Government Printer, 2004. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.za/documents/biodiversity-act-10-2004>
143. National Environmental Management: Protected Areas Act 57 of 2003. (Закон «О природных территориях») / Pretoria: Government Printer, 2003. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.za/documents/national-environmental-management-protected-areas-act>

II. НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

144. Аквинский Ф. Сумма против язычников / пер. Т. Ю. Бородай. В 2-х кн. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. Кн. 2. С. 82.
145. Андрейцев В.И. Экософия права и экологизация правосознания личности // Экософия права: экология и право человека. М., 2021. С. 45–53.
146. Анохин К.В. Нейробиология эмоций // Нейрообразование. 2019. N 2. С. 12–25.
147. «Антология даосской философии» / сост., пер., вступ. ст. и комм. А. А. Маслов. М.: Республика, 1994. С. 235.
148. Антонов М.В. Путь и перспективы правового учения Ойгена Эрлиха // Правовая мысль: история и современность. 2021. С. 40.
149. Аристотель. Сочинения в четырёх томах / Академия наук СССР, Институт философии. М.: Мысль, 1976. Т. 1. С. 452.
150. Архипов С.И. Субъект права (теоретическое исследование). Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 2005. С. 25. 522 с.
151. Архипов С.И. Субъект права (теоретическое исследование). Дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01. Екатеринбург, 2005. С. 81–92.

152. Архипов С.И. Субъект права в цифровую эпоху // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 4 (43). С. 7–16.
153. Бабенко А.Н. Аксиологические подходы к изучению правовых явлений // Вестник Красноярского государственного аграрного университета. 2021. № 5. С. 32–37.
154. Бабенко А.Н. Взаимодействие ценностей и норм в процессе становления правовой системы // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2015. Т. 15, № 3. С. 7–11.
155. Безносова Я.В. Роль Российского общества покровительства животным в совершенствовании законодательства Российской империи в области гуманного обращения с животными во второй половине XIX века // Вестник Костромского государственного университета. 2024. № 3. С. 277. // [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-3-275-281>
156. Безобразов П.В. Права животных. М.: Печатня А. И. Снегиревой, 1903. // [Электронный ресурс]. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003735339>
157. Белов В.Н. Этика в системе философского критицизма Германа Когена // Этическая мысль. 2014. № 14. С. 23–42.
158. Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1998. 415 с. С. 311.
159. Гаврилова Ю.А. Интегративная концепция права: от философско-юридического дуализма к синтезу в смысловой теории // Российский журнал правовых исследований. 2017. № 1 (10). С. 88–94.
160. Головина А.А. Квазисубъекты права в современной теории правоотношений: понятие и перспективы развития в XXI в. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. С. 156–158.
161. Горбань В.С. «Учение о правильном праве» Р. Штамллера как синтез формально-рационалистического (кантианского) подхода правопонимания и телеологической концепции права Р. Иеринга // Право и политика. 2017. № 9. С. 18.
162. Грачёв А.И. Экофилософские основы правотворчества. М.: ИНИОН РАН, 2020. С. 130–136.
163. Гусарова М.А. Понятие правосознания в современных интегративных теориях // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 5. С. 134–141.
164. Гусарова М.А. Проблема интегративного подхода к пониманию права и государства в философско-правовом творчестве Н. Н. Алексеева // Теория и практика общественного развития. 2020. № 1. С. 112–118.
165. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: пер. с лат. и франц. Т. 1 / Сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1989. 654 с.
166. Дигесты Юстиниана: В 4 т. Т. 1. Кн. I–IV / Пер. с лат. Л. Л. Кофанова, И. С. Перетерского (тит. 1–9); общ. ред. Л. Л. Кофанова; ред.

- Конституций и кн. I В. А. Томсинов. 2-е изд., испр. М.: Статут, 2008. С. 112–114.
167. Кавтарадзе Д.Н., Зубакин В.А. Основные результаты работы по изучению жестокого обращения с животными. Студенчество и охрана природы. М.: МГУ, 1982. С. 11.
168. Кант И. Лекции по этике / Пер. с нем.; общ. ред. А. А. Гусейнова. М.: Республика, 2000. С. 443.
169. Капитонова Е.А. Кризис антропоцентризма в современной правовой науке // Современные проблемы права и государства: межвузовский сборник научных трудов. 2023. N 2. С. 56–64.
170. Капитонова Е.А. Правовой модус личности: генезис термина и новый подход к его трактовке // Государственная служба и кадры. 2019. N 3. С. 54–56.
171. Кашапов Ф.А. Философские основания биоэтики: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01. Челябинск, 2005. С. 38–40.
172. Кельзен Г. Чистое учение о праве / Пер. с нем. М. В. Антонова, С. В. Лёзова; под ред. М. В. Антонова. 2-е изд. СПб.: Издательство Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2015. С. 7–9.
173. Кожевников Г.А. Против весенней охоты // Охотничий вестник. 1907. N 11. С. 170–171.
174. Конфуций. Лунь юй / пер. с кит., вступ. ст. и комм. Л. С. Переломова. М.: Восточная литература, 2001. С. 47.
175. Корнев В.Н. Биоюриспруденция – новое направление в праве и юридической науке XXI века // Правосудие. 2021. Т. 3, N 4. С. 8–15.
176. Кравец И.А. Конституционная биоюриспруденция и достижение биоэтического благополучия (часть 1) // Сравнительное конституционное обозрение. 2022. N 2 (147). С. 16–42.
177. Лазарев В.В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // Журнал российского права. 2017. N 7. С. 16–17.
178. Лазарев В.В. Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. 2017. N 2. С. 20–28.
179. Леонов Л. Пора подумать о совести // Литературная газета. 1969. N 10. С. 2.
180. Ли цзи. Книга обрядов / пер. с кит., примеч. и сост. Л. С. Переломова // Восточная литература. // [Электронный ресурс]. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/I/Drvnrkit_fil/frameset12.htm
181. Островский А.В. 40 лет экономических реформ в КНР (1978–2018): итоги, проблемы // 40 лет экономических реформ в КНР (1978–2018): результаты и проблемы. М.: ИДВ РАН, 2020. С. 5–21.
182. Павлова Т.Н. Биоэтика в высшей школе. М.: Изд-во МГУ, 1997. 75 с.

183. Павлова Т.Н. Думая, как гора: сборник эссе по экологической этике / под ред. Ю.Е. Горячева. М.: Социально-экологический союз, 1998. С. 287.
184. Павлова Т.Н. Экологическая антология / сост. В.И. Данилов-Данильян. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 270.
185. Пашенцев Д.А. Антропоцентризм как преодоление нарратива в историко-правовых исследованиях // История государства и права. 2022. N 13. С. 5–10.
186. Платон. Собрание сочинений в 4 т. Т. 3 / Пер. С. С. Аверинцева; сверка текста И. И. Маханькова. М.: Мысль, 1994. (Серия «Философское наследие»; т. 117). С. 85–87, 118–120.
187. Пономарева Е.В. Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: УрГЮУ, 2019. 203 с.
188. Раз Дж. Авторитет права. Эссе о праве и морали / пер. с англ. И. Дягилевой; под науч. ред. Д. Раскова. (Философия права). М.: Издательство Института Гайдара, 2021. 552 с.
189. Резникова Ж.И. Когнитивное поведение животных: его адаптационная функция и закономерности формирования. Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 2009. С. 53–68.
190. Романовская В.Б., Безносова Я.В. Ответственное отношение к животным в Российской империи второй половины XIX века (историко-правовой аспект) // Вестник Костромского государственного университета. 2024. № 1. С. 208. // [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2024-30-1-206-212>
191. Рябинин Б. Весенняя охота и нравственность // Литературная газета. 1969. N 12. С. 3.
192. Сахих Муслим. Краткое изложение / пер. с араб., прим., указ. А. Нирша. М.: Умма, 2011. С. 38.
193. Сальников В.П., Стеценко С.Г. Биоюриспруденция: проблема отграничения от схожих правовых конструкций // Юридическая наука: история и современность. 2013. N 10. С. 192–193.
194. Седова Н.Н. Биоэтическая парадигма интенциональности в образовательных практиках // Биоэтика. 2023. Т. 16, N 2. С. 3–7.
195. Семитко А.П. Рецензия на диссертацию Е. В. Пономаревой «Субъекты и квазисубъекты права: теоретико-правовые проблемы разграничения» // Вестник Гуманитарного университета. 2020. N 1 (28). С. 69–75.
196. Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию / Пер. С. А. Ошерова. М.: Наука, 1977. (Серия «Философское наследие»). С. 67–74.

197. Сингер П. Освобождение животных / Пер. с англ. А. Г. Голубев, А. Ю. Сидорова; под ред. С. С. Неретиной. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. С. 15–16.
198. Токарчук Р.А. Zakresy przedmiotu Historia myśli politycznej I prawnej I Jurysprudencja oraz ich komparatystyka // *Miscellanea Historico-Iuridica*. 2016. Т. 15. С. 35–52. [Электронный ресурс]. URL: <https://repozytorium.uwb.edu.pl/jspui/handle/11320/5966>
199. Фабрика И.В. Аксиологическая сущность правосознания личности: теоретический аспект: дис. ... канд. Юрид. Наук: 12.00.01. Челябинск, 2007. С. 15.
200. Фишер С. Человек и животное: этико-юридический очерк. СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1898. 281 с.
201. Харт Г.Л.А. Понятие права / Пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во С.-Петербур. Ун-та, 2007. 302 с.
202. Честнов И.Л. Антропологизация правовых понятий как способ преодоления догматизации юриспруденции // *Журнал юридической антропологии и конфликтологии*. 2023. N 1. С. 11–17.
203. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права // *СПС Гарант*. С. 29.
204. Юм Д. Трактат о человеческой природе: Кн. 1 / Пер. с англ. И предисл. С. Церетели. Юрьев: тип. Э. Бергмана, 1906. С. 349–357, 367–369.
205. Brooman S. Animal Law, Education and the Future of Legal Thinking // *Journal of Animal Law and Ethics*. 2020. Vol. 13, No. 2. P. 45–60.
206. Browning H., Birch J. The sentience shift in animal research // Preprint (accepted manuscript). 2022. // [Электронный ресурс]. URL: https://eprints.lse.ac.uk/115111/1/Browning_sentience_shift_in_animal_research_accepted.pdf
207. Capps B. One Health Requires a Theory of Agency // *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. 2022. Vol. 31, No. 4. P. 518–529.
208. Cupp R.L. Moving Beyond Animal Rights: A Legal Contractualist Critique (May 29, 2009) // *Pepperdine University Legal Studies Research Paper*. 2009. Vol. 46, No. 2. // [Электронный ресурс]. URL: <https://ssrn.com/abstract=1411863>
209. Deckha M. Critical Animal Studies and Animal Law // *Animal Law*. 2012. Vol. 18, N 2. P. 207–236.
210. Degeling C., Johnson J., Kerridge I. et al. Implementing a One Health approach to emerging infectious disease: reflections on the socio-political, ethical and legal dimensions // *BMC Public Health*. 2015. Vol. 15. Art. 1307. // [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1186/s12889-015-2617-1#citeas>
211. Donaldson S., Kymlicka W. *Zoopolis. A Political Theory of Animal Rights*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 329 p. // [Электронный ресурс]. URL: <https://global.oup.com/academic/product/zoopolis-9780199599660>

212. Favre D. Equitable Self-Ownership for Animals // *Duke Law Journal*. 2000. Vol. 50, No. 2. P. 473–502.
213. Favre D. Integrating Animal Interests into Our Legal System // *Animal Law*. 2004. Vol. 10. P. 87–98.
214. Favre D. *Animal Law: Welfare, Interests, and Rights*. New York: Aspen Publishers, 2008. P. 410–432. // [Электронный ресурс]. URL: <https://aspenspublishing.com/products/animal-law-favre>
215. Favre D. Living Property: A New Status for Animals Within the Legal System // *Marquette Law Review*. 2010. Vol. 93, No. 4. P. 1021–1070.
216. Francione G.L. *Animals, Property, and the Law*. Philadelphia: Temple University Press, 1995. 367 p. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.jstor.org/stable/j.ctt1bw1jm9>
217. Francione G.L. *Rain Without Thunder: The Ideology of the Animal Rights Movement*. Philadelphia: Temple University Press, 1996. 276 p. // [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/rainwithoutthund0000fran>
218. Francione G.L. Animal Rights Theory and Utilitarianism: Relative Normative Guidance // *Animal Law Review*. 1997. Vol. 3, No. 1. P. 75–100.
219. Francione G.L. *Introduction to Animal Rights: Your Child or the Dog?* Philadelphia: Temple University Press, 2000. 338 p. // [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/introductiontoan0000fran>
220. García Pinillos R., Appleby M.C., Manteca X., Scott-Park F., Smith C., Velarde A. One Welfare: A Framework to Improve Animal Welfare and Human Well-being // *Veterinary Record*. 2016. Vol. 179, Issue 16. P. 412–416. // [Электронный ресурс]. URL: <https://bvajournals.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1136/vr.i5470>
221. García Pinillos R. *One Welfare: A Framework to Improve Animal Welfare and Human Well-being*. Wallingford: CABI, 2022. 240 p. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cabi.org/bookshop/book/9781789249834/>
222. Kempers E.B. Neither persons nor things: the changing status of animals in private law // *Revue européenne de droit privé*. 2021. Vol. 29, No. 1. P. 39–70.
223. Kight J. Legal Personhood: An Analysis of the Legal Rights of Nonhuman Animals // *Journal of Animal Ethics*. 2022. Vol. 12, No. 1. P. 23–40. // [Электронный ресурс]. URL: <https://scholarlypublishingcollective.org/uip/jane/article-abstract/12/1/23/294267/>
224. Kotzé L.J. *Global Environmental Constitutionalism in South Africa*. Alphen aan den Rijn: Kluwer Law International, 2016. 350 p. // [Электронный ресурс]. URL: <https://kluwerlawonline.com>
225. Landi M., Anestidou L. Animal sentience should be the key for future legislation // *Animal Law Review*. 2024. Vol. 30. // [Электронный ресурс]. URL: <https://lawcommons.lclark.edu/alr/vol30/iss2/7>

226. Lecaros J.A. Biolaw and Bioethics: Convergences and Divergences // International Library of Ethics, Law, and the New Medicine. 2019. С. 95–97.
227. Li P.J. The evolving animal rights and welfare debate in China: Political and social impact analysis // *Animals, Ethics and Trade: The Challenge of Animal Sentience*. P. 111–128. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wellbeingintlstudiesrepository.org/cgi/viewcontent.cgi?article=1054&context=acwpawap>
228. Li P.J. A Review of China’s Animal Protection Challenge // *Society & Animals*. 2013. Vol. 21, No. 1. С. 34–53. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.animalsandsociety.org/wp-content/uploads/2016/05/li.pdf>
229. Li P.J. *Animal Welfare in China: Culture, Politics and Crisis*. Sydney: Sydney University Press, 2021. P. 317–319. // [Электронный ресурс]. URL: <https://ebooks.informit.org/product/animal-welfare-in-china-culture-politics-and-crisis>
230. Li P.J. China does not have a general animal welfare law. A Review of China’s Animal Protection Challenge. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.animalsandsociety.org/wp-content/uploads/2016/05/li.pdf>
231. Lourenço D.B. *Direito dos Animais: fundamentação e novas perspectivas*. Porto Alegre: Sergio Antônio Fabris Editores, 2008. 509 с.
232. Lynch M.J. Writs of Habeas Corpus for Nonhuman Primates in the United States and the Nonhuman Rights Project: Legal Processes and Arguments Used to Secure Nonhuman Animal Rights // *International Journal for Crime, Justice and Social Democracy*. 2023. Vol. 12, No. 3. P. 15–26.;
233. Montes F.M. Traditional Conceptions of the Legal Person and Their Relevance to Animal Legal Personhood // *Animals*. 2022. Vol. 12, No. 19. P. 25–90.
234. MacKay J.R.D. Discipline-Based Education Research for Animal Welfare Science // *Frontiers in Veterinary Science*. 2020. Vol. 7. Art. 7. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fvets.2020.00007/full>
235. Nussbaum M.C. *Frontiers of Justice: Disability, Nationality, Species Membership*. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2006. 487 p. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hup.harvard.edu/books/9780674024106>
236. Nussbaum M.C. *Frontiers of Justice: Disability, Nationality, Species Membership*. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2006. P. 326–330. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hup.harvard.edu/books/9780674024106>
237. Nussbaum M.C. *Justice for Animals: Our Collective Responsibility*. New York: Simon & Schuster, 2022. 353 p. // [Электронный ресурс]. URL: https://books.google.com/books/about/Justice_for_Animals.html?id=kcvSEAAAQBAJ
238. Pihlajamäki H. (ed.). *The Ethical and Legal Foundations of Germany’s Tierschutzgesetz* // *Animal Law Blog Series*. // [Электронный ресурс]. URL:

- <https://blogs.helsinki.fi/animallawblogseries/2025/05/08/the-ethical-and-legal-foundations-of-germanys-tierschutzgesetz/>
239. Proctor H. Searching for animal sentience: a systematic review of the scientific literature // *Animals*. 2013. Vol. 3, No. 3. P. 882–906.
240. Regan T. *The Case for Animal Rights*. Berkeley: University of California Press, 1983. P. 243.
241. Ryder R.D. All beings that feel pain deserve human rights // *The Guardian*. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theguardian.com/uk/2005/aug/06/animalwelfare>
242. Salt H.S. *Animals' Rights: Considered in Relation to Social Progress*. London: G. Bell & Sons Ltd., 1892. 166 p.
243. Silva T.T. de A. *Animais em juízo: direito, personalidade jurídica e capacidade processual*. Salvador: Evolução, 2012. 232 с.
244. Sima Y., O'Sullivan S. Chinese Animal Protection Laws and the Globalisation of Welfare Norms // *International Journal of Law in Context*. 2016. Vol. 12, Issue 1. P. 1–23. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/international-journal-of-law-in-context/article/chinese-animal-protection-laws-and-the-globalisation-of-welfare-norms/1/2D7F56C72400A2ED2D8B0A003C3B10DA>
245. Sunstein C.R. *Standing for Animals (with Notes on Animal Rights)* // University of Chicago Law School, Public Law and Legal Theory Working Paper. 1999. No. 6. P. 37–45. [Электронный ресурс]. URL: <https://dash.harvard.edu/entities/publication/73120378-d028-6bd4-e053-0100007fdf3b>
246. Sunstein C.R. *The Rights of Animals: A Very Short Primer* // University of Chicago Law School Public Law and Legal Theory Working Paper. 2002. No. 59. P. 5–9. [Электронный ресурс]. URL: https://chicagounbound.uchicago.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1339&context=public_law_and_legal_theory
247. Sunstein C.R., Nussbaum M.C. *Animal Rights: Current Debates and New Directions*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 3–19. [Электронный ресурс]. URL: <https://chicagounbound.uchicago.edu/books/11/>
248. Sunstein C.R. *Can Animals Sue?* // *Animal Rights: Current Debates and New Directions*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 251–261. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780195305104.003.0012>
249. Tarazona A.M., Ceballos M.C., Broom D.M. Human-Animal Interactions and Their Effects on Animal Welfare, Human Well-being and Environmental Sustainability: A One Welfare Framework // *Frontiers in Veterinary Science*. 2020. Vol. 7. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fvets.2020.00578/full>
250. Tobias M. *The Animal Rights Conundrum for China* // *MAHB Forum*. 16 Mar. 2021. [Электронный ресурс]. URL:

- <https://mahb.stanford.edu/library-item/the-animal-rights-conundrum-for-china/>
251. Vauclair J. Mental states in animals: cognitive ethology // Trends in Cognitive Sciences. 1997. Vol. 1, No. 1. P. 190–195.
 252. Wilson A.P. Animal Law in South Africa // Derecho Animal. Forum of Animal Law Studies. 2019. Vol. 10, No. 1. P. 55–56.
 253. Wise S.M. Drawing the Line: Science and the Case for Animal Rights. Cambridge (MA): Perseus Books, 2002. 322 p. // [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/drawinglinescien0000wise>
 254. Wise S.M. The Struggle for the Legal Rights of Nonhuman Animals Begins: The Experience of the Nonhuman Rights Project in New York and Connecticut // Animal Law. 2019. P. 35. // [Электронный ресурс]. URL: <https://lawcommons.lclark.edu/alr/vol25/iss3/6>
 255. Yang Z. The Politics of Dog Meat: Consumption, Contention, and the Changing State–Society Relationship in China // Journal of Asian Studies. 2020. Vol. 79, No. 4. P. 895–916.
 256. Zhang D. Key Concepts in Chinese Philosophy. New Haven: Yale University Press, 2002. Section «Tian-ren heyi». // [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/keyconceptsinchinesephilosophy>
 257. Zippel M.N. et al. Animal emotions and consciousness // PMC. 2024. // [Электронный ресурс]. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC11558068/>

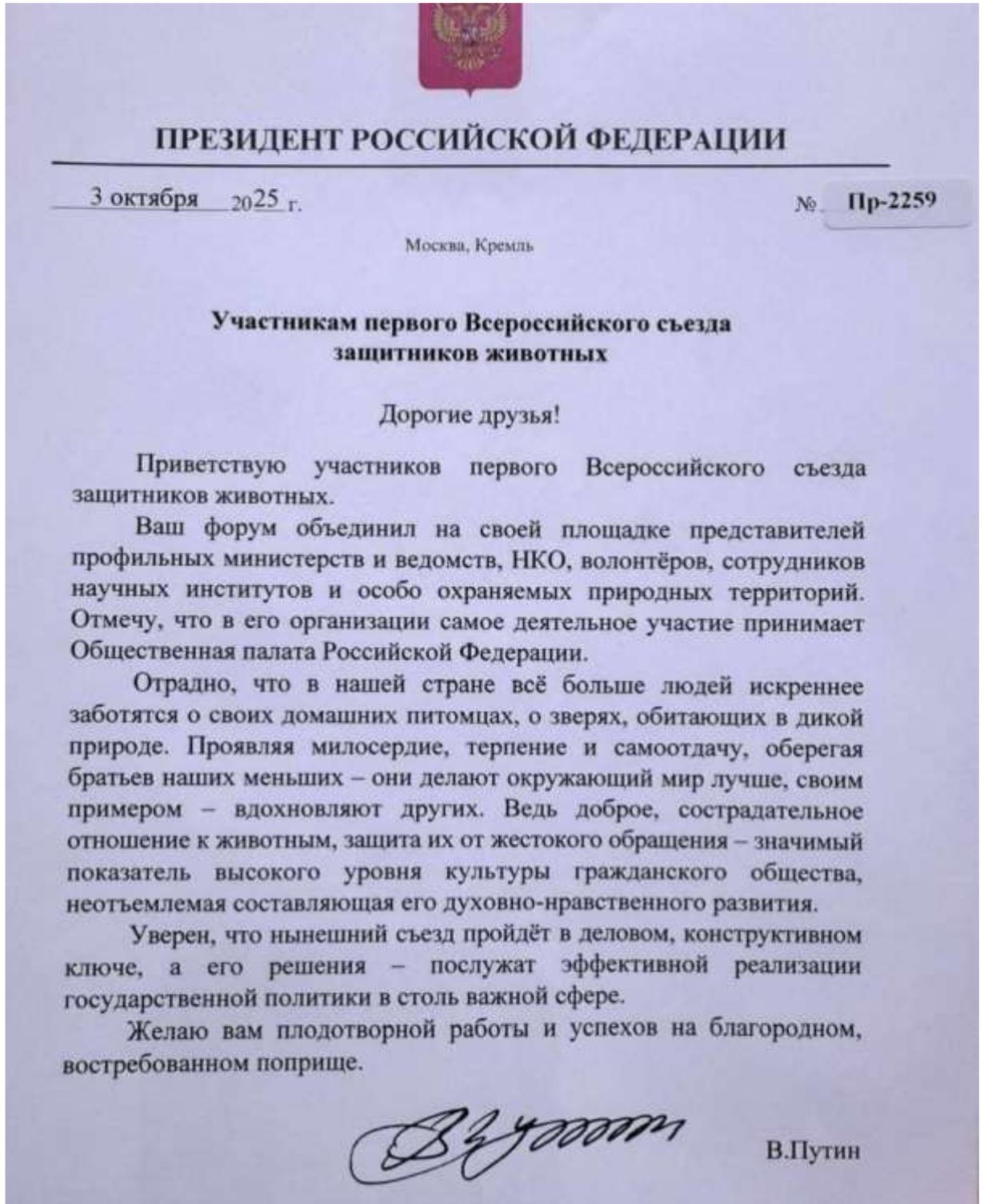
III. ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

258. Анохин К. В. Человек не одинок в мире сознания: интервью / беседу вел В. Орлов // РИА Новости. 2024. 10 июня. // [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20240610/soznanie-1951516542.html>
259. В Госдуме предложили создать институт омбудсмана по защите прав животных // REGNUM. 07.04.2025. // [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/polit/4170407.html>
260. Прокурор Магаданской области решил оспорить отдельные пункты закона об эвтаназии животных. // [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2024/07/16/reg-dfo/prokuror-kolymy-reshil-osporit-otdelnye-punkty-zakona-ob-evtanazii-zhivotnyh.html>
261. Department of Biotechnology, Government of India. DBT-NIHSAID One Health Consortium Launched (2021). // [Электронный ресурс]. URL: <https://dbtindia.gov.in/whats-new/dbt-nihads-one-health-consortium-launched>
262. European Food Safety Authority (EFSA). // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efsa.europa.eu>
263. FAO. Capacity building to implement good animal welfare practices: report of the FAO Expert Meeting, FAO Headquarters, Rome, 30 September – 3 October 2008. / Rome: FAO, 2009. XXIV, P. 1–3, 7. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fao.org/4/i0483e/i0483e00.pdf>

264. FAO. Guidelines to Users: Gateway to Farm Animal Welfare. / Rome: FAO, [б.г.]. P. 1, 4. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fao.org/fileadmin/templates/animalwelfare/pdf/Guidelines.pdf>
265. Global Animal Law Association. // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.globalanimallaw.org/index.html>
266. Indian Council of Medical Research (ICMR). // [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icmr.gov.in/>
267. Kauffman C., Haas C., Putzer A., Bajpai S., Leonard K., Macpherson E., Martin P., Pelizzon A., Sheehan L. Eco Jurisprudence Monitor. V2. 2025. / Distributed by the Eco Jurisprudence Monitor. // [Электронный ресурс]. URL: <https://ecojurisprudence.org/initiatives/policy-on-establishment-of-dolphinarium/>
268. Nationale Forschungsplattform One Health. // [Электронный ресурс]. URL: <https://nfp-oh.de/>
269. Nonhuman Rights Project. Проект прав нечеловеческих существ // Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nonhumanrights.org>
270. One Health. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.woah.org/en/what-we-do/global-initiatives/one-health/>
271. One Health Consortium (Canada). [Электронный ресурс]. URL: <https://onehealthconsortium.ca/>
272. One Welfare. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.onewelfareworld.org/>
273. Uganda One Health Strategic Plan 2018–2022. / Kampala: Government of Uganda, 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://uac.go.ug/media/attachments/2024/06/06/uganda-ohsp-final-launched-15-02-2018-1.pdf>
274. World Organisation for Animal Health (WOAH). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.woah.org>
275. World Trade Organization. European Communities / Measures Prohibiting the Importation and Marketing of Seal Products, WT/DS400/AB/R; WT/DS401/AB/R. Appellate Body Report, 22 May 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.wto.org/dol2fe/Pages/SS/directdoc.aspx?filename=q:/WT/DS/400ABR.pdf>
276. Zoo de Mendoza s Amparo, Expte. P-72.254/15. Sentencia del 03.11.2016 / Tribunal de Mendoza (Argentina). [Электронный ресурс]. URL: <https://jurisprudencia.mpd.gov.ar/Jurisprudencia/Archivo/CSJ%205/CSJ%205%20-%202016/CSJ%205%20-%202016%20-%20Cecilia.pdf>

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПРИЛОЖЕНИЕ №1.

*Обращение Президента РФ**в рамках Всероссийского съезда защиты животных 2025 г.*

ПРИЛОЖЕНИЕ №2.

Ключевые тезисы двух концепций «One Health» и «One Welfare»

КРИТЕРИИ	ONE HEALTH	ONE WELFARE
ИДЕЯ	Предотвращение глобальных эпидемий и зоонозов	Благополучие человека, животных и природы
ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА	Взаимосвязь всех живых существ – единая экосистема	Взаимосвязь и эмпатия между видами, в том числе нечеловеческими
ПЕРСПЕКТИВА	Интеграция медико-ветеринарных и экологических режимов	Соотношение интересов человека и животных
ПРАВОВОЙ АСПЕКТ	Преимущественно регулирование через требования санитарии и биоэтики	Основание для создания права благополучия (welfare law)
РОЛЬ ЖИВОТНЫХ	Объекты мониторинга и управления	Интересы животных подлежат защите
ОТНОШЕНИЕ К СТРАДАНИЯМ ЖИВОТНЫХ	Допустимость страданий	Страдания животных не допустимы
ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	Биомедицинская этика, биоцетризм	Этика заботы, экогуманизм
ТИП РЕГУЛИРОВАНИЯ	Координация ведомств, эпидемиологический контроль	Этические комитеты

ПРИЛОЖЕНИЕ №3

Возможный вариант классификации животных

УРОВЕНЬ	КАТЕГОРИЯ ЖИВОТНЫХ	ОСНОВАНИЕ ЗАЩИТЫ	ИНТЕРЕСЫ ЗАЩИТЫ
0	Нечувствительные организмы	Оснований нет. Центральная нервная система отсутствует. Страдания не испытывают. Чувствительностью не обладают.	Право на экологическую охрану как части единой экосистемы
1	Чувствующие животные	Способны испытывать широкий спектр чувств: удовольствие, страх, боль и иные состояния. Способны испытывать страдания.	+Защита от жестокого обращения. +Обязательство гуманных условий содержания животного, условия содержания должны соответствовать видовой принадлежности. +Запрет необоснованной эвтаназии.
2	Животные с элементарной когнитивностью	Способны к обучению, обладают памятью.	+Право на соответствующую виду среду обитания и защиту этой среды

3	Социально-коммуникативные животные	Способности к эмпатии, испытывают стресс в изоляции	+Право на взаимодействие с другими живыми существами +Право на защиту от длительного одиночного содержания
4	Когнитивно-развитые животные	Самосознание, способность узнавать себя	+ Представительство интересов